

И. Х. АХМАТОВ

ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ
СЛОВСОЧЕТАНИЯ
И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКАХ

СТАТЬИ

*Рекомендовано Министерством
образования и науки КБР*

НАЛЬЧИК
«ЭЛЬБРУС»
2006

УДК 809.43:801.56
ББК 81.63-22
А954

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук М. З. УЛАКОВ
доктор филологических наук М. Б. КЕТЕНЧИЕВ

Ахматов И. Х.

А954   Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках: Статьи/Предисл. М. З. Улакова и М. Б. Кетенчиева; Послел. М. З. Закиева. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 280 с.

ISBN 5-7680-2087-X

В книгу включены избранные статьи видного языковеда-тюрколога, академика Международной тюркской академии, заслуженного деятеля науки КБР, доктора филологических наук, профессора И. Х. Ахматова (1938–1998). Большинство статей посвящается актуальным вопросам теории формально-семантического анализа простого предложения в тюркских языках, особое внимание уделяется малоизученным разделам синтаксиса карачаево-балкарского языка, подробно изложены проблемы определения подчинительной связи слов в словосочетаниях и предложениях, ряд статей посвящен бессоюзному сложноподчиненному предложению, подвергаются анализу некоторые вопросы морфологии, в частности проблемы имени существительного, местоимения, союзов.

Книга предназначена для широкого круга специалистов в области языка – научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, учителей средних школ, студентов старших курсов филологических факультетов.

УДК 809.43:801.56
ББК 81.63-22

ISBN 5-7680-2087-X

© И. Х. Ахматов, 2006
© Издательство «Эльбрус», 2006

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА И. Х. АХМАТОВА

Профессор Ибрагим Хашимович Ахматов (1938–1998) – видный представитель отечественной филологической науки, ученый блестящего дарования и исключительного трудолюбия, тюрколог с широкой известностью и огромным авторитетом. Развитие и успехи карачаево-балкарского языкознания неразрывно связаны с его именем.

Научное наследие профессора Ахматова значительно. Он автор свыше 150 научных и учебно-методических работ.

Труды И. Х. Ахматова представляют собой качественно новый этап в развитии тюркского языкознания, в них заложен прочный фундамент современных научных представлений о грамматике тюркских языков. Они направлены на изучение языковых явлений во всей их многогранности и сложности.

Научные интересы И. Х. Ахматова были весьма разнообразны, актуальна и тематика его трудов. В 1966 году была издана первая описательная грамматика карачаево-балкарского языка. Ибрагим Хашимович принял участие в ее написании будучи еще студентом. Его перу принадлежат разделы, посвященные союзам, частицам и звукоподражательным словам. Он является автором первой монографии, посвященной вопросам синтаксиса простого предложения карачаево-балкарского языка («Главные члены предложения и средства их выражения в карачаево-балкарском языке». Нальчик, 1968). В ней достаточно полно и глубоко определены грамматические функции подлежащего и сказуемого как организующих членов предложения, выявлены их структурные типы. Особое внимание уделено средствам их выражения, без коих невозможно адекватное изучение простого предложения.

С 1969 года И. Х. Ахматов работал заведующим сектором карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского

научно-исследовательского института. Под его непосредственным руководством и при активном участии в эти годы создается «Грамматика карачаево-балкарского языка», представляющая собой первый опыт относительно полного изложения всех разделов карачаево-балкарского языка. Она была высоко оценена тюркологами. Раздел данной грамматики, посвященный синтаксису простого предложения (объем – 12 а. л.), полностью написан И. Х. Ахматовым. В соавторстве с известными тюркологами Н. А. Баскаковым и А. З. Абдуллаевым им подготовлены и другие ее разделы – «Словосочетание» и «Сложное предложение». Эта работа была большим достижением для карачаево-балкарского языкознания (об этом подробнее см.: *Отаров* 1978; 95–97).

И. Х. Ахматов внес весомый вклад в развитие карачаево-балкарской лексикографии. Он всегда подчеркивал, что словарная работа является сложным и творческим видом деятельности, что она должна носить научный и систематический характер. Под его руководством была собрана словарная картотека, включающая 1 млн. карточек с описанием лексических единиц, и впервые представлен словник трехтомного «Толкового словаря карачаево-балкарского языка». В 1996–2005 годах вышли из печати все три тома этого словаря, что стало заметным событием в карачаево-балкарском языкознании и культурной жизни Кабардино-Балкарии. Символично, что начальная часть его (буква «А») составлена Ибрагимом Хашимовичем. Инструкция для составления «Толкового словаря карачаево-балкарского языка в 3-х томах» (Нальчик, 1976) написана также им. Она, по существу, была основой, фундаментом для подготовки первого нормативного филологического толкового словаря языка карачаевцев и балкарцев, предназначавшегося для широкого круга читателей. Эта инструкция составлялась с учетом достижений не только тюркской, но и отечественной русской лексикографии, явилась по сути методическим указанием для составителей «Толкового словаря карачаево-балкарского языка». В ней четко определены состав словника, основные принципы составления словаря, даются полные и глубокие рекомендации по толкованию значений, смысловой, стилистической, грамматической характеристики слов, по разграничению фразеологизмов, сложных слов и составных терминов, по подкреплению значений лексем соответствующим иллюстративным материалом. Эти и другие вопросы, свя-

занные с работой над словарем, послужили базой для написания других лексикографических работ по карачаево-балкарскому языку. Значимость этой кропотливой, высококвалифицированной работы отметили ведущие отечественные тюркологи: член-корр. АН Азербайджанской ССР, доктор филологических наук, профессор А. А. Оруджев, известный лексикограф, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЯ АН СССР А. А. Юлдашев (он является автором широко известной в научном мире монографии «Принципы составления тюркско-русских словарей» (М., 1972), доктор филологических наук, профессор КЧГПИ М. А. Хабичев.

В своей научно-исследовательской работе, в своих размышлениях над проблемами языка И. Х. Ахматов обращался ко многим общим и частным аспектам грамматики тюркских языков, о чем свидетельствуют статьи, опубликованные им в журнале «Советская тюркология» и других научных сборниках. Ряд из них он посвятил актуальным в тюркологии вопросам теории словосочетания, понимая, что усвоение многих разделов синтаксиса и морфологии, орфографии и пунктуации зиждется на знании видов связи слов в словосочетании и предложении. Вместе с тем, в тюркологических исследованиях нет единого определения таких понятий, как «согласование», «управление», «примыкание», не установлен и объем языковых явлений, относящихся к видам связи слов.

Известно, что виды синтаксической связи слов в словосочетании и предложении не всегда совпадают. В предложении они, безусловно, сложнее и многообразнее, чем в словосочетании. Но в тюркских языках на это явление пока не обращается должного внимания, и вопросы в основном решаются применительно к словосочетаниям. Поэтому, как отмечает И. Х. Ахматов, проблемы, связанные с детерминантами, валентностью слов, с видами связи приложения и обособленных членов предложения с другими словами в предложении, остаются неисследованными или требуют уточнения, как, например, притяжательно-определятельные словосочетания типа *бизни юй* «наш дом», *терек бутакъ* «ветка дерева». Он сравнивает следующие словосочетания: *терекни бутакъы* – *терек бутакъ* «ветка дерева». По его мнению, последний вариант этого словосочетания по форме схож с 1-м изафетом, а по значению – со 2-м и 3-м типами изафета.

та, выражающими отношение принадлежности. Это предопределяется семантикой не второго компонента данного словосочетания, а первого, с чем невозможно не согласиться. Несомненно, что определяющим условием выбора зависимой формы в словосочетаниях типа *терек бутакъ* «ветка дерева» и *бийик бутакъ* «высокая ветка» является «потребность выразить тот или иной тип смысловых отношений».

В научных и методических работах И. Х. Ахматова особое внимание уделяется и управлению именных частей речи. Он считает, что задача синтаксиса заключается при этом в выявлении и описании всех категорий управляющих имен. Материалы тюркских языков показывают, что при изучении именного управления необходимо учесть то, что имена управляют другими словами в тех случаях, когда они в предложении занимают позицию сказуемого. При этом управляемое слово выполняет функцию какого-либо второстепенного члена (дополнения или обстоятельства). В тех же случаях, когда управляющее имя занимает позицию какого-либо другого члена предложения, «образуется именной оборот, в котором управляющее имя выступает в роли стержневого слова, а управляемое слово – в роли его зависимого компонента». Принимая во внимание то, что подобные обороты выполняют в предложении функцию развернутого члена предложения, И. Х. Ахматов впервые выявил и привел все формальные схемы, по которым строятся словосочетания в современном карачаево-балкарском языке.

В статье «Средства связи слов в словосочетаниях в карачаево-балкарском языке» (Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1993) анализируются глагольные словосочетания и факторы, влияющие на глагольное управление. К ним относятся лексическое значение и связанные с ним переходность и непереходность глагола, а также учет залоговых форм глагола. В связи с управлением глагольных лексем определяется количество и характер валентностей глагола.

Ценным вкладом в тюркологию являются монографии Ахматова «Проблемы семантического анализа простого предложения» (Нальчик, 1979) и «Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке» (Нальчик, 1983), в которых впервые в тюркском языкознании изложены теоретические принципы формально-семантического анализа предложения. Эта

важная проблема находит дальнейшую разработку в исследованиях И. Х. Ахматова, в работах его аспирантов и соискателей (см., например: *Кетенчиев*, 1993; *Додуева*, 1997; *Хуболов*, 1997). Вскоре появились монографии и диссертационные работы, написанные в русле ахматовского направления на материале уйгурского, алтайского, тувинского, шорского и других тюркских языков (*Тыбыкова*, 1994; *Серээдар*, 1995; *Телякова*, 1994, и др.).

Известно, что в синтаксических исследованиях предложение всегда занимало центральное место среди языковых единиц и традиционно рассматривается с различных точек зрения. И. Х. Ахматов в своих научных работах исходит из признания того, что не обеспечивается традиционной лингвистикой. В первую очередь, речь идет о членах предложения. Вопрос об их роли в строе предложения остается вне поля зрения исследователя. Задача последнего должна состоять в установлении конечного инвентаря моделей предложения, в показе взаимоотношений между грамматической и смысловой структурами предложения и т.д. К этому выводу приходит И. Х. Ахматов, учитывая достижения современного языкознания. Он отмечает, что полнота изучения предложения как предикативного языкового знака обуславливается полнотой учета его формальной и содержательной сторон, исследованием в единстве формы и содержания.

В работах И. Х. Ахматова выдвигается ряд проблем, требующих безотлагательного решения: а) определение семантической структуры предложения и ее состава, б) выделение компонентов семантической структуры предложения, в) установление иерархии структурной семантической организации предложения и т.д. Профессор А. З. Абдуллаев пишет, что эти и другие вопросы, решаемые автором, «имеют общетюркологическое значение» (Советская тюркология. 1984. № 5. С.75).

В монографии И. Х. Ахматова «Структурно-семантические модели простого предложения в карачаево-балкарском языке» показано, что в формировании семантических компонентов предложения решающую роль играют следующие факторы: а) характер синтаксической позиции слова в предложении; б) лексическое наполнение этой позиции; в) взаимодействие лексической и синтаксической семантики. В работе впервые в тюркском языкознании выявляются и определяются все категории и подкатегории семантических

компонентов смысловой структуры предложения, что, безусловно, имеет большое научное и практическое значение.

Необходимо отметить, что в указанной работе с опорой на предшествующие исследования и факты языка определение семантической структуры предложения репрезентируется как организованное и передаваемое на предикативной основе информативное содержание, представляющее собой результат сложного взаимодействия семантических компонентов и отражающее взаимосвязь отвлеченных элементов внеязыковой действительности. Это определение отличается от встречающейся в литературе трактовки семантической структуры предложения как набора семантических компонентов или как совокупности элементарных смыслов.

И. Х. Ахматов выдвигает концепцию о включающих и включенных предикатах, которая позволяет по-новому подойти к решению вопроса о некоторых структурных типах сказуемого и проблеме классификации безличных предложений тюркских языков, что имеет большое теоретическое значение. С докладом по данным проблемам он выступал на III Всесоюзной тюркологической конференции, которая проходила в 1985 г. в Ташкенте. Синтаксисты-тюркологи отмечают, что для образования безличных предложений используется сочетание неличных форм глагола со вспомогательными глаголами и различными вспомогательными словами. Заслуга И. Х. Ахматова в том, что он расширяет их за счет различных предикативных слов, прилагательных и наречий.

В статье «Формально-семантический анализ косвенно-субъективных предложений в тюркских языках» (Советская тюркология. 1989. № 6. С. 11–17) указанные конструкции выделяются и классифицируются впервые. Исследователи синтаксиса тюркских языков выделяют лишь незначительную часть косвенно-субъективных предложений и относят их к безличным предложениям. На богатом языковом и теоретическом материале И. Х. Ахматов показывает ошибочность такого мнения.

Понятие субъекта находится в положении одного из самых дискуссионных. Безусловно, правильность подхода к вопросам о выделении подлежащего и сказуемого и структурных типов простого предложения напрямую зависит от решения вопроса о средствах выражения субъекта. И. Х. Ахматов писал, что «исследователи ошибочно полагают, что

подлежащее является единственным членом тюркского предложения, который способен выразить субъект». Он объясняет это следующими причинами: во-первых, в большинстве случаев носителем субъекта выступает основной падеж; во-вторых, эту роль могут выполнять не все косвенные падежи: в-третьих, предложений, в которых субъект передается косвенным падежом, сравнительно немного. Таков далеко не полный перечень вопросов, успешно решаемых в его работах. Многие положения, разрабатываемые в научных исследованиях профессора Ахматова, нашли практическое применение в курсах синтаксиса тюркских языков, при составлении программ, учебников, учебно-методических пособий, при обучении карачаево-балкарскому и другим тюркским языкам в высшей и средней школе.

Научные изыскания И. Х. Ахматова в области синтаксиса дают исследователям массу ценных сведений, объединенных общей оригинальной концепцией ученого, побуждают к вдумчивому и внимательному отношению к языковым явлениям. При их чтении осознается необходимость тщательного изучения и использования всех достижений науки о языке как в прошлом, так и в настоящем. Работы И. Х. Ахматова получили широкое признание научной общественности и оказали значительное влияние на развитие тюркского языкознания в целом.

М. З. УЛАКОВ, *доктор филологических наук,*
М. Б. КЕТЕНЧИЕВ, *доктор филологических наук*

ЧАСТЬ I

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДОВ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ И ПРЕДЛОЖЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Усвоение многих разделов синтаксиса, морфологии, орфографии и пунктуации учащимися опирается на знание приемов связи слов в словосочетании и предложении. Поэтому исследователи тюркских языков этой проблеме посвятили большое число специальных исследований. Изучению видов связи слов отведен специальный раздел и во всех имеющихся грамматиках тюркских языков. Почти во всех этих работах утверждается, что подчинительные отношения могут быть выражены одним из трех приемов осуществления синтаксической связи – согласованием, управлением или примыканием. Однако в них нет единообразного определения понятий «согласование», «управление» и «примыкание», не установлен объем языковых явлений, относящихся к этим видам связи слов.

В тюркологии, как и в русской грамматической традиции, под примыканием понимают вид подчинительной связи слов, который выражается не путем изменения зависимого слова, а его местоположением и интонацией (см: *Балакаев*, 1959:14; ГКБЯ, 1976: 374, и др.). Такое определение примыкания наталкивает на мысль, что к примыкаемым следует относить прилагательные, числительные, причастия и местоимения, употребленные в нулевой форме перед определяемым словом в определительных словосочетаниях первого типа (изафет I), а также наречия, инфинитив и деепричастия, употребленные в роли зависимых элементов глагольных словосочетаний. Кроме того, нулевую форму имеют родительный и винительный неформленные падежи, первый из которых выступает в роли первого компонента II типа изафета, а второй – в роли зависимой части глагольного словосочетания.

Вопрос о том, каким способом связываются слова в неоформленных родительном и винительном падежах с главным компонентом словосочетания, является спорным. Одни исследователи, опираясь на то, что первый компонент изафета II не имеет формально выраженного падежа, утверждают, что это слово примыкает к стержневому компоненту словосочетания (Убратова, 1950; Халилов, 1960: 18). Другие считают, что второй стержневой компонент изафета II управляет первым его компонентом, в результате чего последний принимает «форму основного падежа» (ГАЯ, 1971: 370). Третья группа исследователей думает, что первый компонент таких словосочетаний связывается с определяемым его компонентом путем одновременного управления и согласования (Халилов, 1960: 40). Отдельные лингвисты кроме согласования и управления находят здесь еще и примыкание. Например, у Р. Ю. Халилова читаем: «В азербайджанском языке между компонентами второго типа определительного словосочетания, выступающего в предложении как сложный член, наряду со связью согласования и управления имеется также и связь примыкания. Если связь согласования может быть истолкована наличием одной и той же грамматической формы (третье лицо) у обеих сторон, а связь согласования – употреблением в первом компоненте неопределенного родительного падежа по требованию второго компонента, то связь примыкания обнаруживается благодаря тому, что первый компонент, не принимая никаких формальных показателей, присоединяется ко второму» (Халилов, 1960: 19).

Как видно из вышеизложенного, для ряда тюркологов управляемыми являются формы косвенных падежей. Однако пока еще не выяснено, относятся ли к таковым косвенные падежи, не имеющие формальных показателей. Одни синтаксисты отвечают на этот вопрос отрицательно и первый компонент рассматриваемых словосочетаний, а также винительный неоформленный падеж в глагольных словосочетаниях относят к примыкаемым словоформам, другие же, положительно отвечая на этот вопрос, считают, что эти словоформы связываются с главным компонентом указанных словосочетаний путем управления. Само управление понимается исследователями по-разному. Так, А. Аблаков пишет: «Под управлением... понимается такая синтаксическая связь, при которой падежная форма управляемого слова (кроме именительной и родительной форм) обус-

ловлена лексико-грамматическим содержанием управляющего слова» (Аблаков, 1966: 5). Отсюда видно, что он к управляемым не относит слова, стоящие в родительном оформленном и неоформленном и в основном падежах.

Большинство тюркологов связывают управление с употреблением всех падежей, кроме основного. В отличие от других исследователей, А. С. Аманжолов утверждает, что приемом управления связываются с главным словом словосочетания лишь слова, имеющие объектные значения: «Управление – способ синтаксической связи компонентов объектного словосочетания, где падежная форма зависимого (управляемого) имени обусловлена лексико-семантическим содержанием господствующего (управляющего) слова» (Аманжолов, 1969:16).

Однако такое понимание управления также не может быть принято без оговорок. Часто падежные формы в глагольных словосочетаниях выражают объектно-обстоятельственные значения (ср.: *терезеге къара* «смотри в окно»), поэтому они отвечают как на вопрос дополнения, так и на вопрос обстоятельства, что известно даже из школьной грамматики. Кроме того, следует учесть, что в своем утверждении автор исходит из того, что слова с обстоятельственными значениями распространяют все предложение, а не отдельные слова из его состава. Однако нередки случаи, когда стержневой компонент словосочетания оказывается информативно недостаточным без такого распространителя (ср.: *Ол жашайды* «Он живет» – *Ол шахарда жашайды* «Он живет в городе»).

Если при изучении связей слов исходить из предложенной А. С. Аманжоловым концепции и считать, что все слова с обстоятельным значением в глагольных словосочетаниях связываются со стержневыми их компонентами путем падежного примыкания (Аманжолов, 1969: 11), то пространственные падежи окажутся то в числе управляемых, когда они будут употребляться в объектном значении, то в числе слов, характеризующихся падежным примыканием, когда они будут употребляться в обстоятельном значении. Когда же эти падежи будут выражать объектно-обстоятельственные значения, они окажутся и там и там. Все это глубоко противоречиво.

Как явствует, решить этот вопрос только на основе семантики зависимых элементов словосочетаний без

учета их формальных показателей нельзя, а с учетом только формальных признаков зависимых компонентов словосочетаний, как показала практика, можно. При таком формальном подходе все неизменяемые слова и слова, не оформленные падежными аффиксами, относят к примыкаемым словоформам (1), а слова, употребленные с формально выраженными падежными аффиксами или послеслогами, – к управляемым словоформам (2). Семантические отношения между словами можно изучить внутри этих двух больших групп словосочетаний.

Известно, что виды синтаксической связи слов в словосочетании и предложении не всегда совпадают. Синтаксические связи, формирующиеся в предложении, гораздо сложнее и разнообразнее связей в словосочетании. Однако в тюркских языках на это пока еще не обращалось достаточного внимания. Связи слов тюркологи до сих пор рассматривали в основном на материале словосочетаний. Поэтому некоторые важные синтаксические вопросы остаются неисследованными или требуют уточнения. К таковым можно отнести вопросы о детерминантах, валентности слов, о виде связи приложения и обособленных членов предложения с другими словами в предложении. Имеются такие синтаксические конструкции, которые исследователями не берутся во внимание при рассмотрении вопроса о видах связи слов. Это: 1) глагольные и именные обороты, в которых содержится слово в основном падеже, выражающее значение субъекта (например: *мен кёргенде* «когда видел я»; *боюну кынгыр* «с кривой шеей»); 2) притяжательно-определятельные словосочетания типа *бизни юй* «наш дом», *терек бутакъ* «ветка дерева» и др. Ср.: *терекни бутакъы* – *терек бутакъы* – *терек бутакъ* «ветка дерева». Последний вариант этого словосочетания с формальной точки зрения ничем не отличается от первого типа изафета, а по значению ничем не отличается от 2-го и 3-го типов изафета, то есть выражает принадлежностное отношение, и это предопределяется семантикой не второго компонента данного словосочетания, а семантикой его первого элемента, который выступает как зависимое слово. Ср.: *терек бутакъ* «ветка дерева» и *бийик бутакъ* «высокая ветка».

Сравнивая словосочетания *терек бутакъ* «ветка дерева» и *бийик бутакъ* «высокая ветка», можно сделать вывод, что определяющим условием выбора зависимой формы в этих словосочетаниях является не

лексико-грамматическое значение главного компонента, как это бывает при управлении, а потребность выразить тот или иной тип смысловых отношений. Поэтому в данном случае речь следует вести о примыкании. Рассматривая же словосочетания типа *терек бутаггы* «ветка дерева», мы приходим к другому выводу. Оформленность второго компонента таких словосочетаний аффиксом принадлежности 3-го лица уже говорит о том, что перед этим компонентом должно быть употреблено слово, обозначающее то же самое третье лицо. А в какой форме должно стоять это слово, в оформленном или неоформленном родительном падеже, словом *бутаггы* не сигнализируется. Это зависит от категории определенности-неопределенности, как и в случае с оформленным и неоформленным винительным падежом, что обязательно должно быть учтено при рассмотрении этого вопроса.

Важно отметить, что при исследовании проблемы иерархической организации предложения ученые исходят из различных оснований, в результате чего в современной лингвистике сложилось несколько противоречивых мнений, суть которых сводится к следующему: 1) вершину иерархии образуют подлежащее и сказуемое (Закиев, 1954); 2) в качестве главного члена предложения, его ядра, должно рассматриваться только сказуемое (Есперсен, 1958: 95; Мейс, 1938: 360); 3) вершину иерархии отношений образует подлежащее (Мусаев, 1964: 27). В тюркологии господствует последняя точка зрения, что тоже отрицательно влияет на решение вопросов, связанных с проблематикой связи слов в предложении.

Не отрицая того, что предикат и субъект – соотносительные понятия и что предикат никогда не выражает отношения в «чистом виде» (Белошапкина, 1977: 129), необходимо признать, что в предложении с многоместным предикатом субъект всегда противостоит остальным аргументам и «как бы главенствует над ними, и, как правило, предшествует им» (Кацнельсон, 1974: 107). Это не противоречит положению о том, что количество и качество компонентов предложения в конечном счете обуславливается и предопределяется предикатом (Распопов, 1973: 73). При предикативном отношении между словами устанавливается связь, что можно показать следующим образом: *Мен китап окъуйма* «Я читаю книгу». Нельзя не признать, что господство подлежащего по отношению к сказуемому здесь обнару-

живается лишь в логическом плане: признак принадлежит субстанции, со стороны же синтаксической связи такая подчиненность не усматривается (Валгина, 1973: 57, 58; Распопов, 1970: 36). Совершенно очевидно, что местоимение *мен* «я» предопределяет форму глагола *окгуйма* «читаю» точно так же, как этот глагол предопределяет позицию основного падежа личного местоимения 1-го лица единственного числа. В правильности этого положения можно убедиться, разбирая предложения со сказуемыми, выраженными самыми различными средствами.

Такую взаимонаправленную связь подлежащего и сказуемого называют координацией. Одни исследователи координацию рассматривают как вид согласования (Ахманова, 1966: 208), другие же, изучая этот вопрос на материале русского языка, отмечают, что «координация существенно отличается от согласования... согласование – связь односторонняя, координация – связь взаимонаправленная» (СРЯ/ Под ред. Розенталя, 1984: 455).

В тюркских языках координация (взаимонаправленная связь) обнаруживается и в изафете III: *мени китабым* «моя книга», *сени китабынг* «твоя книга» и т.д.

Кроме того, зависимость первого компонента таких словосочетаний от их второго элемента можно определить как управление, так как, подобно другим случаям управления, эта зависимость выражается постановкой местоимения *мен* «я» в определенном (в данном случае в родительном) падеже. Зависимость же второго компонента этого словосочетания от его первого элемента проявляется в том, что этот элемент принимает аффикс принадлежности 1-го лица, что предопределяется значением первого компонента словосочетания.

Связь, которая устанавливается между подлежащим и сказуемым, также можно назвать взаимозависимой связью. Например, в предложениях *Мен устазма* «Я учитель», *Сен окгуйса* «Ты читаешь» и т.п. сказуемые подчиняются подлежащим, т.е. согласуются с ними. Однако характеристика связи между этими членами предложения на этом не исчерпывается. Имеется и другая зависимость, которая исходит от сказуемых. По требованию последних подлежащие употребляются в форме основного падежа (Распопов, 1970: 25–37). Учитывая подобные факты, такую зависимость подлежащего определяют как управление (СРЯ/Под редакцией Белошапковой, 1981: 386). Это положение на мате-

риале тюркских языков подтверждается тем, что в них, как отмечают многие исследователи, слово, которым выражается субъект, может стоять в форме и других падежей. Ср.: 1) кар.-балк. *Манга школгга барыргга керекди* «Мне необходимо идти в школу»; 2) *Санга мында кгалыргга кыйынды* «Тебе трудно оставаться здесь». В этих предложениях употребление субъектной лексемы в форме дательного-направительного падежа объясняется валентными свойствами слов *керекли* и *кыйынды*.

В тюркских языках имеются фразеологизированные и другие предложения, в составе которых родительный, местный и винительный падежи участвуют в выражении субъекта: 1) кирг. *Менин анын билишим керек* «Мне необходимо это знать»; 2) кар.-балк. *Сенде уат жокгду* «У тебя нет совести»; 3) кар.-балк. *Сен аны ёпкелетдинг* «Ты обидел его» и т.д.

Особое внимание должно быть уделено управлению именных частей речи. Как показывают материалы тюркских языков, при изучении именного управления необходимо учитывать, что имена управляют другими словами чаще в тех случаях, когда занимают в предложении позицию сказуемого. Однако это не дает основания отрицать, что, находясь в другой синтаксической позиции, они способны выступать в роли управляющих слов. В тюркских языках такой способностью обладает лишь незначительная часть имен. Задача синтаксиста в данном случае заключается в выявлении в этих языках всех категорий слов, которые могут выполнять функцию управляющих слов, и в описании их. При этом необходимо иметь в виду, что в тех случаях, когда управляющее имя занимает позицию сказуемого, оно выступает в роли выразителя предиката, а управляемое им слово выполняет функцию какого-либо второстепенного члена предложения: *Ол жук санга ауурду* «Этот груз для тебя тяжелый»; *Алтын кююшден баггады* «Золото дороже серебра» и т.д.

В тех случаях, когда управляющее имя занимает позицию какого-либо другого члена предложения, складывается совершенно другая картина: образуется именной оборот, в котором управляющее имя выступает в роли стержневого слова, а управляемое слово – его зависимого элемента. Такие обороты, образуемые неличными формами глагола, представляют собой синтаксически неразложимые комплексы, выполняющие в предложении функцию какого-либо развернутого его члена (в

традиционном его понимании). Ср.: 1) *Сенден тамата келди* «Пришел тот, кто старше тебя»; 2) *Мен сенден таматаны заводда кѳргенме* «Я видел того, кто старше тебя, на заводе»; 3) *Мен сенден таматагга тубедим* «Я встретил того, кто старше тебя»; 4) *Сенден тамата да анга хурмет этеди* «Ему оказывает уважение и тот, кто старше тебя»; 5) *Анда сенден тамата адамла ишлейдиле* «Там работают люди старше тебя». В этих предложениях управляющие имена выступают в роли выразителей предикатов. В отличие от предикатов, выраженных сказуемыми словоформами, их условно назовем включенными предикатами.

В составе приведенных оборотов нет слова, стоящего в форме основного падежа и выражающего субъект, которому приписывается признак, выражаемый включенным предикатом. Но некоторые слова благодаря своей лексико-грамматической природе образуют такие обороты, в которых имеется самостоятельный субъект, передаваемый основным падежом. Ср., например: кирг. *Катыны жок кыдуу юйге телинет, Кайгысы жок сары сууга семирет* (Посл.) «Кто не имеет жены, тот обращает внимание на дом, где имеется девушка; кто не имеет горя, тот поправляется от простой воды»; кар.-балк. *Саулугу бар, кишиге да сукъланмаз* «Тот, у кого есть здоровье, никому не позавидует».

Подобные обороты образуются и другими частями речи. Ср.: кар.-балк. *Аягы уллу – жарсыу, кѳолу уллу асыу келтиреди* (Посл.). Буквально: «То, что нога большая, приносит беспокойство, а то, что рука большая, – пользу». Здесь в роли стержневого компонента оборотов выступает прилагательное.

Перечисленные выше и другие факты показывают, что в тюркских языках для осуществления подчинительной связи между словами используются: формы слов, послелог и послеложные слова, порядок слов и интонация. Почти такие же средства связи слов есть и в других языках (Ахманова, Микаэлян, 1963: 146). Несмотря на это, тюркские средства связи слов имеют свою особенность и не укладываются в «прокрустово ложе» известных в лингвистике трех способов подчинительной связи слов, обозначаемых терминами «согласование», «управление» и «примыкание».

Учитывая это, М. З. Закиев еще в 1963 году предложил отказаться от этих терминов, «разделить подчинительную связь по характеру использования синтаксических средств или по способу связи на два вида:

согласование и управление, т.е. несогласование» (*Закиев*, 1963: 98) и при рассмотрении каждого конкретного случая показать средство связи слов и смысловые отношения, устанавливаемые между этими словами (Там же). Эту точку зрения разделяет Л. А. Покровская (1978: 14). Следуя ее примеру, можно выделить на основе формальных признаков зависимых компонентов словосочетания следующие три вида подчинительной связи слов: 1) примыкание, 2) управление и 3) взаимозависимость. При этом необходимо уточнить эти понятия.

Примыкание – это такой вид подчинительной связи, при которой подчиненное слово, являясь изменяемой частью речи, употреблено в нулевой форме падежа или, являясь неизменяемой частью речи, свою зависимость от главного слова выражает лексически.

При таком понимании примыкания словосочетания с примыкаемыми компонентами можно разделить на две группы: 1) именные словосочетания с примыкаемыми зависимыми компонентами и 2) глагольные словосочетания с примыкаемыми зависимыми компонентами.

В первую группу словосочетаний входят:

1) определительные словосочетания, в роли зависимых элементов которых выступают следующие слова в своей основной форме: а) имя существительное: *темир эшик* «железная дверь», б) имя прилагательное: *кызыл байракъ* «красное знамя», в) имя числительное: *беш юй* «пять домов», г) причастие: *билген адам* «знающий человек», д) местоимение: *бу шахар* «этот город»;

2) притяжательно-атрибутивные словосочетания, в роли зависимых компонентов которых употребляются лишь существительные в неформальном родительном падеже, выражающие значение 3-го лица. Главный компонент таких словосочетаний принимает аффикс принадлежности того же лица. В отдельных языках этот аффикс может быть опущен: *кгой жюню* «шерсть овцы», *кгой жюн* «шерсть овцы», «овечья шерсть»;

3) полупредикативные словосочетания, первый компонент которых выражается именем существительным с аффиксом принадлежности, употребленным в форме основного падежа, а в роли второго компонента выступают: а) отдельные прилагательные: *башы уллу* «тот, у кого голова большая», «большоголовый», б) слова «бар», «жокъ», «кён», «аз»: *китабы бар* «тот, у кого имеется

книга», *кэатыны жокэ* «тот, у кого нет жены», и т.п.

К словосочетаниям с примыкаемыми компонентами в виде исключения можно отнести и словосочетания типа *бизни юй* «наш дом». В них зависимый компонент примыкает к главному слову словосочетания с помощью аффикса родительного падежа.

К ним следует относить и такие словосочетания, в которых в роли зависимого компонента выступают послеложные сочетания. Например: *жюз чакгылы юй* «около ста домов», *Азиз тенгли жашла* «ребята, являющиеся ровесниками Азиза».

К глагольным словосочетаниям с примыкаемыми зависимыми компонентами относятся объектные, обстоятельственные и объектно-обстоятельственные словосочетания, примыкаемые компоненты которых выражены:

1) именем существительным в неформальном винительном падеже: *юй ишле* «строить дом», *китап жаз* «писать книгу»;

2) наречием и близким ему по синтаксическим функциям словами: *терк бар* «идти быстро», *чабыл бар* «идти бегом», *кёп ишле* «работать много»;

3) одиночной инфинитивной формой глагола или инфинитивным оборотом: *окгургга бар* «ехать учиться», *китап окгургга кел* «приходить читать книгу»;

4) формой имени на **-ча**: *аныча окгю* «учиться, как он» и др.

Управление – такой способ подчинительной связи слов, при котором зависимый компонент словосочетания употреблен с каким-либо формально выраженным показателем падежа, послелогом или послеложным словом.

Словосочетания с управляемыми зависимыми компонентами бывают глагольными и именными. Зависимые компоненты глагольных словосочетаний выражаются дательно-направительным, оформленным винительным, местным, исходным падежами именных частей речи и других склоняемых слов, а также различными послеложными и послеложно-именными сочетаниями. Между компонентами таких словосочетаний устанавливаются объектные, обстоятельственные и объектно-обстоятельственные отношения: *анга болуш* «помочь ему», *аны кёр* «увидеть его», *юйде кэал* «остаться дома», *аны бла ишле* «работать вместе с ним» и т.п.

Именные словосочетания с управляемыми зависимыми компонентами встречаются реже глагольных

словосочетаний. В роли их опорных компонентов выступают отдельные лексико-семантические типы прилагательных, существительных и наречий: каз. *малга бай* «богат скотом», кар.-балк. *ишге уста* «мастер дела», кар.-балк. *ишге ие бол* «стать хозяином дела», *партиягъа член* «член партии», *сенден тамата* «старше тебя» и др. Между элементами таких словосочетаний устанавливаются объектные отношения. В роли их управляемых компонентов употребляется ограниченное число падежей. В функции управляющих компонентов словосочетаний устанавливаются объектные отношения.

В роли их управляемых компонентов употребляется ограниченное число падежей.

В функции управляющих компонентов словосочетаний употребляются и такие слова, как «*бар*», «*жокъ*», «*кѣп*», «*аз*», «*верек*»: *менде бар* «у меня есть», *санга керек* «нужное тебе» и др.

Как видно из вышеизложенного, взаимозависимая связь устанавливается: 1) между подлежащим и сказуемым предложения, 2) между определением, выраженным родительным оформленным падежом склоняемых частей речи, и подлежащим (или дополнением), выраженным словом, которое оформлено притяжательным аффиксом. Между компонентами таких словосочетаний устанавливаются определительные отношения. В тех же случаях, когда в роли второго компонента таких словосочетаний выступают причастия или имена действия, между компонентами этих словосочетаний устанавливаются субъектно-предикатные отношения. Ср.: *мени китабым* «моя книга» и *мени жырлагъаным* «мое пение».

СРЕДСТВА СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение видов связи слов в словосочетании и предложении имеет большое значение. Об этом говорит то, что «слово не живет в языке изолированно, оно употребляется только в тексте, только в условиях его связи с другими словами» (Чеснокова, 1980: 3). Усвоение многих вопросов о синтаксическом строе языка опирается на знание связи слов. Несмотря на это, в карачаево-балкарском языкознании до сих пор почти никакого внимания не уделено средствам связи слов в словосо-

четании и предложении. Сведения о них, содержащиеся в имеющихся синтаксических исследованиях, нельзя считать достаточно полными. Они нуждаются в дополнении, уточнении и систематизации.

Связь слов в словосочетании и предложении осуществляется по законам, присущим языку. Карачаево-балкарский язык для выражения синтаксических связей использует разнообразные средства: грамматические формы слов, относящихся к знаменательным частям речи, служебные слова (союзы, послелог и послеложные слова, отдельные частицы), союзные слова, порядок слов, а также интонацию.

Среди указанных средств связи слов особое место занимают формы слов, которые бывают нулевыми и материально выраженными. Они используются в роли средств выражения синтаксических отношений между словами как в именных, так и глагольных словосочетаниях.

Средства связи слов в глагольных словосочетаниях

1. В нулевой форме присоединяются к главному слову глагольного словосочетания следующие слова:

а) наречия: *терк кел* «приходить быстро», *ары бар* «идти туда», *алай ишле* «так работать», *кел бил* «знать много», *анда жаша* «жить там»;

б) причастные и инфинитивные формы отдельных лексико-семантических групп глаголов, причастные и инфинитивные обороты: *чабыл кел* «приходить бегом», *оксуй бар* «ехать, читая книгу», *оксургъа бар* «ехать учиться», *билли алыргъа бар* «поехать получать знания»;

в) формы на *-сыз/-сиз* имен существительных и слов, употребляющихся в их функции, например: *атасыз кгал* «остаться без отца, лишиться отца», *малсыз жаша* «жить без скота»;

г) формы на *-ча* именных частей речи: *Асанча ишле* «работать, как Асан», *аныча оксу* «читать, как он».

Почти все эти словосочетания являются обстоятельными. В роли их стержневого компонента употребляются глаголы всех семантических групп.

2. Ср. примеры: а) *Мурат китап оксуйду* «Мурат читает книгу»; б) *Мурат китапны оксуйду* «Мурат читает книгу».

В этих примерах зависимое слово *китап* «книга»

стоит в винительном падеже. В первом примере оно никаких словоизменительных аффиксов не имеет. Многие исследователи это связывают с тем, что в данном случае речь идет о неопределенной книге. А во втором случае говорится об определенной книге, поэтому зависимое слово указанного словосочетания принимает аффикс винительного падежа. Как в первом, так и во втором случае переходный глагол *окъу* «читать» требует обязательного наличия в предложении слова в винительном падеже. Учитывая это, одни исследователи оба рассматриваемых случая связывают с управлением. При таком подходе нулевая форма слова, каковым является винительный неформленный падеж, также относится к управляемым формам. Например, И. А. Батманов писал: «Хотя формально основной падеж и не управляется, тем не менее, мы относим его к числу управляемых форм, если он выражает объект действия» (Батманов, 1940: 14). Такого же мнения придерживается А. С. Аманжолов (1969: 12–14).

Однако такой подход к данному вопросу противоречит традиции. Дело в том, что почти все тюркологи слова, которые связываются с главным словом, не принимая никаких морфологических показателей, относят к примыкаемым. Если нарушить этот принцип, то вид связи придется определять исходя не из формальных средств связи слов, а исходя из смысловых отношений, устанавливаемых между словами, как это предлагают сделать вышеуказанные авторы. В таком случае, например, винительный падеж, когда он выполняет функцию дополнения (*Биз жолну ишлейбиз* «Мы строим дорогу»), придется относить к управляемым словоформам, когда же он выступает в роли обстоятельства (*Мен жолну оздум* «Я прошел по дороге»), придется относить его к примыкающим словоформам. Кроме того, в карачаево-балкарском, как и в других языках, много случаев, когда одна и та же форма слова выражает одновременно значение объекта и значение обстоятельства. Объектно-обстоятельственными могут быть все пространственные падежи. Ср.: 1) *Мен директордан келеме* «Я иду от директора»; 2) *Ол китатны шкафдан алды* «Он взял книгу из шкафа»; 3) *Науруз терезеге къарайды* «Науруз смотрит в окно» (Ахматов, 1983: 150–153).

Если следовать примеру вышеуказанных авторов, то такие словоформы придется относить и к примыканию, и к управлению, что противоречиво. Поэтому к управля-

емым, вероятно, в методических целях целесообразно относить лишь те слова, которые оформлены формально выраженными падежными аффиксами. Н. К. Дмитриев был прав, когда писал, что при управлении зависимое слово принимает падежный аффикс (Дмитриев, 1962: 360).

Как и в других тюркских языках, в карачаево-балкарском языке, «по требованию» управляющего слова зависимое слово принимает не только падежный аффикс, но и какой-либо послелог. Поэтому к управляемым словам многие исследователи относят не только слова с падежными аффиксами, но и с послелогами (Сарыев, 1974: 17; Балакаев, 1959).

Управляющими могут быть не только глаголы, но и именные части речи. В зависимости от того, какой частью речи является управляющее слово, управление бывает глагольным и именным.

Одним из основных факторов, влияющих на глагольное управление, является лексическое значение и связанные с ним переходность и непереходность глагола, что можно показать ниже при разборе языковых фактов.

Именные части речи, управляемые переходными глаголами, почти всегда обозначают прямой объект. Исключение составляют имена существительные пространственного значения, которые, сочетаясь с глаголами движения, выполняют функцию обстоятельства места. Непереходные глаголы выражают процесс пассивного действия или состояния, связанного с субъектом и не переходящего на прямой объект. К непереходным относятся глаголы движения, психического состояния, изменения качества, признаков и свойств.

Непереходные глаголы сочетаются с формами имен во всех косвенных падежах, кроме родительного и винительного.

Некоторая часть непереходных глаголов для раскрытия своей семантики требует наличия в предложении слов, оформленных маркерами косвенных падежей. Сюда относятся: а) большинство глаголов движения, б) ряд глаголов речи, в) глаголы, выражающие психическое состояние человека. Другая часть глаголов для раскрытия своей семантики не требует косвенного дополнения. Сюда относятся: а) глаголы, обозначающие изменение качества, б) глаголы, образованные от звукоподражательных слов, и некоторые другие.

Большое значение в глагольном управлении имеет

и учет залоговых форм глаголов. Ср.: *сабийге к̄гара* «смотри за ребенком», *сабийни к̄гарат* «дай посмотреть ребенку», *от ёчюлдо* «огонь потух», *Мазан отну ёчюлтдо* «Мазан потушил огонь» и т.п.

Количество и характер валентностей глагола иногда зависит от характера лексического наполнения «мест» в предложении. Например, предложение *Асият ок̄гуйду* «Асият читает» не обладает информативной достаточностью, хотя предложение является полным с грамматической точки зрения. При заполнении позиции объекта действия словом *жомак̄* оно становится информативно достаточным: *Асият жомак̄ ок̄гуйду* «Асият читает сказку».

Глаголы, обозначающие различные действия и движения человека, в форме основного залога, как правило, бывают двухвалентными. Однако, при необходимости они могут быть использованы и для построения предложения, в состав которого входит еще большее число необходимых компонентов. При этом определенную роль играет точка зрения участников коммуникации. Говоря о психологии восприятия, В. Г. Гак подчеркивает, что среди свойств предмета наблюдатель выделяет одно или несколько свойств в качестве наиболее информативных (Гак, 1972: 80). Ср.: 1) *Мазан юйге барды* «Мазан едет домой»; 2) *Мазан школдан юйге кетгенди* «Мазан ушел из школы домой».

Управление двухвалентных глаголов

Глаголы, управляющие дательно-направительным падежом, служат для построения информативно достаточных семантических моделей предложений, построенных по схеме $S_1 + S_3 + G$. Из них наиболее часто употребляются следующие лексико-семантические типы глаголов:

1) Глаголы движения: *мин* «подняться», *олтур* «сесть», *ташай* «исчезнуть», *кел* «приходить», *ёрле* «подняться» требуют обязательного наличия в предложении S_3 , выступающего в роли обстоятельства места: а) *Кюн кыбылагга ётгенди* (Б. Г.) «Солнце перешло на юг»; б) *Детдомгга комиссия келди* (Б. Г.) «В детдом приехала комиссия»; в) *Хасан минарагга ёрледи* (Б. Г.) «Хасан поднялся на минарет».

2) Глаголы речи: *к̄гычыр / хахайла* «кричать, накричать», *уруш* «ругать», *шыбырда* «шептать» откры-

вают позиции для субъекта речи и адресата речи, выраженного формой S_2 : а) *Азамат нёгерине шыбырдайдды* (К.ж.) «Азамат шепчет своему другу»; б) *Тахир кёзына кёкчырады* «Тахир кричит своей дочери».

3) Глаголы отношения, психического состояния и мышления: *кёууан* «радоваться», *кюл* «смеяться», *ийнан* «поверить», *жарсы* «переживать», *бюсюре* «нравиться» открывают в предложении позицию для объекта, выраженного S_3 : а) *Марат анга кёууанды* «Марат рад этому»; б) *Биз анга ийнаныбыз* «Мы верим этому».

4) Глагол уподобления *уша* «быть похожим» открывает места для субъекта и объекта уподобления, которые являются обязательными компонентами предложения: а) *Азиз Хамитге ушайды* (К.ж.) «Азиз похож на Хамита»; б) *Аны аты Тойтукёгёга ушайды* «Его конь похож на Тойтука».

Глаголы, управляющие винительным падежом, служат для построения предложений по схеме $C_1 + C_4 + \Gamma$. Приведем наиболее часто встречаемые из них:

1. Глаголы действия. К ним относятся глаголы, выражающие действия, обозначающие воздействие субъекта на объект. Это воздействие разнообразно и обуславливается разнообразием лексического значения этих глаголов. Это дает возможность разделить глаголы действия на несколько подгрупп:

а) глаголы созидательного действия: *тик* «шить», *ишле* «построить», *сапла* «вставить ручку во что-либо», *басмала* «издать» и др.: *Асхат юй ишлейди* «Асхат строит дом»;

б) глаголы разрушения: *буз* «испортить, разрушить», *сундыр* «разбить, сломать», *хурттакла / жыртыр* «разорвать», *кёыр* «уничтожить», и др.: 1) *Жел юлени бузду* «Ветер разрушил дома»; 2) *Азамат илляуун бузду* «Азамат испортил (свою) игрушку»;

в) глаголы действия частичного изменения объекта: *боя* «покрасить», *жама* «штопать», *гумух эт* «затупить», *кёыркё* «стричь», *кёый* «наточить» и др.: 1) *Кёойчула кёойланы кёыркёадыла* «Чабаны стригут овец»; 2) *Аминат нашаланы тузлады* «Аминат посолила огурцы»;

г) глаголы со значением динамического воздействия на предмет. В результате действия, обозначаемого этой подгруппой глаголов, предмет перемещается, происходит изменение в положении предмета в пространстве: *келтир* «принести», *кетер* «убрать», *тарт* «тянуть», *ташы* «возить» и др. Например: 1) *Азиз шахардан бизге сауёгала келтирди* «Азиз привез нам гостинцы

из города»; 2) *Биз столну жеринден тепдирдик* «Мы сдвинули стол с места».

Как видим, эти глаголы служат для построения различных типов предложений, в составе которых наличествует словоформа S_1 ;

д) глаголы со значением принятия пищи: *аша* «есть», *жут* «глотать», *ич* «пить», *кемир* «грызть», *кҕап* «откусить», *чайна* «жевать» и др.

Примеры: 1) *Ол айранны ичди* (Ж. З.) «Он выпил айран»; 2) *Ит сюекни кемиреди* «Собака грызет кость».

2. Глаголы чувственного восприятия, которые подразделяются на две подгруппы: а) глаголы зрительного восприятия, б) глаголы слухового восприятия: *Биз аны эшитмегенбиз* «Мы этого не слышали»; *Мен аны кёрмегенме* «Я его не видел».

3. Некоторые глаголы знания также требуют наличия в предложении S_1 : а) *Аслан аны биледи* «Аслан знает это»; б) *Биз аны ангылаганбыз* «Мы это поняли».

4. Глаголы состояния обозначают изменение качества, признаков и свойств, происходящих в органическом и неорганическом мире: а) *Марат этни жылытды* «Марат подогрел мясо»; б) *Ала картофланы чиритдиле* «Они испортили картофель».

5. Глаголы движения *кҕуу* «гнаться», *кҕыдыр* «обойти», *бар* «идти, ехать», *кел* «прийти», *уч* «летать», *оз* «обогнать», *жет* «догнать» и др. требуют обязательного наличия в предложении субъекта движения и локального конкретизатора, выраженного S_1 . Примеры: а) (*Бир кесекден сора*) *солдат асмакэны кҕатына кҕайтды* (Э. Г.) «Через некоторое время солдат вернулся к виселице»; б) *Ит Адикни жетди* (К. ж.) «Собака догнала Адика».

6. Глаголы *басынчакҕла* «издеваться», *масхарала* «надсмехаться», *тансыкҕла* «скучать» открывают в предложении места для субъекта и объекта, выраженного S_1 : *Жашла Ахматны масхараладыла* (Ш.) «Ребята надсмехались над Ахматом».

Глаголы, управляющие местным падежом, служат для построения предложений по схеме $S_1 + C_2 + G$. Сюда относятся в основном:

1. Глаголы равновесного состояния (*Ломтев*, 1972: 145): *солу* «отдыхать», *сирел*, *сюел* «стоять», *жат* «лежать», *жаша* «жить», *бол* «быть», *тохта* «остановиться» и некоторые другие. Примеры: а) *Кҕойчу элде жашай эди* «Чабан жил в селении»; б) *Исса Чегемде турады* «Исса живет в Чегеме».

2. Глаголы со значением обоснования: *юйюрсюн, тох-таш, орунсун: Малчыла жайлыкда юйюрсюннгендиле* «Животноводы обосновались в летнем урочище» и др.

Глаголы, управляющие исходным падежом, служат для построения таких предложений, которые состоят из подлежащего, дополнения (или обстоятельства) и сказуемого. К ним относятся:

1. Глаголы действия: *ал* «взять», *аша* «кушать», *тут* «держаться», *тарт* «потянуть» и т.д., которые открывают в предложении места для субъекта и объекта, выраженного формой S_6 обозначающей, как показано Н. З. Гаджиевой, объект, представляющий собой неопределенную часть от целого (Гаджиева, 1973: 140): *Сабийде алмаладан ашадыла* «Дети поели яблок».

2. Глаголы состояния: *эрик* «скучать», *уял / бетсин* «стесняться», *жийирген* «брезгать», *ёпкеле* «обижаться», *кгоркэ* «бояться», *эсир* «опьянеть», *элген* «вздрогнуть», *кгарыл* «подавиться» и др., которые служат для построения предложений по схеме $S_1 + S_6 + Г$: 1) *Мен сизден кгоркэма* «Я боюсь вас»; 2) *Фатима ыннадан уялады* «Фатима стесняется бабушки».

3. Глаголы разобщения: *айыр / бёл, ёнгеле* связаны с понятиями «отделяться от чего-либо», «отнимать от чего-либо» и т.д. В предложениях, сказуемые которых связаны с формой S_6 , обозначается определенный объект или совокупность объектов, от которых отделяется, отстраняется субъект, выраженный формой S_1 (Тенишев, 1976: 111). Ср.: *Бузоула ийнекледен айырылдыла* «Телят отделили от коров».

Управление трехвалентных глаголов

1. Среди глагольной лексики большое место занимают глаголы, на основе которых строятся предложения, построенные по схеме $S_1 + S_3 + C_4 + Г$. В таких предложениях позицию Г в большинстве случаев занимают глаголы действия с разнообразными оттенками значения. Ср.: 1) *Кгойчу башлыкъны ундурукъгга атды* «Чабан бросил башлык на кровать»; 2) *Ол кгойланы бизге юлешди* «Он раздал овец нам»; 3) *Ишчиле жашны бригадирге айырдыла* «Рабочие избрали парня бригадиром»; 4) *Мюлк тракторну анга сатханды* «Хозяйство продало трактор ему»; 5) *Атасы жашына Масхут атады* «Отец назвал сына Масхудом» и т.д.

2. Предложения с предикатами, выраженными гла-

голами движения, имеют такую же структуру. В них, в отличие от вышерассмотренных примеров, C_3 и C_4 выступают в роли выразителей обстоятельства места: *Атлыла жолну фермагга оздула* «Всадники проехали по дороге на ферму».

3. Элементы C_3 и C_4 имеют в своем составе предложения, сказуемые которых выражены отдельными глаголами речи: 1) *Радио бизге жангы хапар билдирди* «Радио сообщило нам новую весть»; 2) *Хасан аны манга сорду* «Хасан спросил это у меня».

4. Глаголы *кёпсүн* «считать, что это много», *жорала* «посвятить» и др. тоже управляют C_3 и C_4 : 1) *Мен аны санга кёпсүнмейме* «Я не считаю, что это для тебя слишком много»; 2) *Къайсын позмасын Чегемге жоралаганды* «Кайсын посвятил свою поэму Чегему».

Во всех рассмотренных выше предложениях в роли сказуемого выступают глаголы в форме основного залога. Формальную структуру $C_3 + C_3 + C_4 + \Gamma$ могут иметь и предложения, в которых предикат выражен глаголами различных лексико-семантических типов, стоящими в форме повелительного залога: 1) *Биз къонакъланы шинтиклеге олтуртдукъ* «Мы посадили гостей на стулья»; 2) *Мен Розаны санга урушдурдум* «Я сделал так, чтобы Роза поругала тебя» и др.

Глаголы, управляющие винительным и местным падежами

Глаголы со значением «победить», «догнать», «перегнать» управляют C_4 и C_5 , например: 1) *Аслан Азизни окуудуа озду* «Аслан перегнал Азиза в учебе»; 2) *Мен сени чабышыуда жетген эдим* «На соревновании по бегу я тебя догнал».

Глаголы, управляющие винительным и исходным падежами

1. Глаголы действия *ал* «взять», *урла* «украсть», *сыйыр* «отобрать», *тёк* «вылить» и др. Данные глаголы требуют наличия в предложении личного субъекта, выраженного формой C_4 . Например: 1) *Ол бузоулары ийнекледен айырды* «Он отделил телят от коров»; 2) *Къыз шаудандан суу алды* «Девушка набрала воды из родника».

2. Глаголы *жашыр* «скрыть», *айыр* «различать», *бил* «узнать» служат для построения информативно достаточных предложений, обязательными компонентами которых кроме S_1 выступают S_4 и S_6 , являющиеся выражителями объекта и локального конкретизатора. Например: *Къартла аны бизден жашырдыла* «Старики скрыли это от нас»; 2) *Аны биз Харундан билгенбиз* «Мы это узнали от Харуна».

3. Глаголы отношения *сүй* «любить», *жарат* «нравиться» и др., на основе которых строятся предложения по схеме $S_1 + G + S_4 + T$, требуют наличия в синтаксической конструкции субъекта и двух объектов, как бы не сравниваемых друг с другом: 1) *Мазан шахардан элни суюди* «Мазану больше нравится село, чем город».

Глаголы, управляющие дательно-направительным и исходным падежами

1. Глаголы движения *къач* «убегать», *къайт* «вернуться», *уч* «летать», *кёч* «перейти», *жюрю* «ходить», *кел* «приходить» и др. служат для построения предложений, в состав которых входят, кроме S_1 – субъекта движения, S_2 – конечная точка движения и S_6 – начальный пункт движения: 1) *Мен шахардан элге кёчгенме* «Я переехала из города в село». 2) *Правление орамдан адамла келдиле* (Б. Г.) «В правление с улицы пришли люди».

2. Предложение такой же формальной структуры строится на основе глагола *йүрен* «научиться». Однако это предложение по смыслу отличается от выше рассмотренных конструкций: *Азамат сенден чалгыгыга йүренгенди* «Азамат научился косить у тебя».

3. То же самое относится к глаголу *тарыкъ* «жаловаться», который открывает места для S_2 и S_6 : *Фатима сенден анасына тарыкъды* «Фатима пожаловалась на тебя матери».

4. Теми же падежами управляют глаголы *узай* «удалиться», *чыкъ* «прожить», *жукъ* «заразиться», отличающиеся друг от друга по семантике: 1) *Хасан элден юч километрге узайганды* «Хасан удалился от села на три километра»; 2) *Къойла къышдан жазгга къоранчсыз чыкъдыла* «Овцы перезимовали без потерь»; 3) *Санга андан безгек жукъганды* «Ты заразился от него малярией».

Сказуемые во всех вышерассмотренных конструкциях выражены глаголами, стоящими в форме основного залога. Из-за ограниченности объема настоящей статьи мы не затрагиваем вопрос о валентности других залоговых форм глагола.

Средства связи слов в именных словосочетаниях

В роли зависимого компонента именных словосочетаний выступают различные слова в нулевой форме. Сюда относятся отдельные лексико-семантические группы имен существительных, прилагательные, числительные, причастия, некоторые местоимения, слова *аз, кѐп*, обороты, в роли стержневых элементов которых выступают причастия, имена действия, слова *бар, жокъ* и *кѐп*, *аз: кѳагъыт машок* «бумажный мешок», *узакъ жол* «далекий путь», *он терек* «десять деревьев», *ол юй* «тот дом», *билген адам* «знающий человек», *кѐп китап* «много книг», *зден келген киши* «мужчина, приехавший из села» и т. п. Все эти словосочетания построены по схеме $S_{01} + C$.

Как известно, в тюркских языках первый компонент второго типа именных словосочетаний выражается нулевой формой родительного падежа имени, обозначающего 3-е лицо, а ко второму его компоненту прибавляется аффикс принадлежности 3-го лица: *терек бутакъы* «ветка дерева», *кѳой жүню* «шерсть овцы, овечья шерсть» и т. п. Такое употребление именных словосочетаний имеет место и в карачаево-балкарском языке. Однако и в нем, как заметил еще Н. К. Дмитриев (Дмитриев, 1961: 47), второй компонент рассматриваемых словосочетаний в большинстве случаев употребляется без аффикса принадлежности: *терек бутакъ* «ветка дерева», *кѳой жүн* «овечья шерсть», *Ленин орам* «улица Ленина, Ленинская улица». Как и в первом типе именных словосочетаний, здесь в роли средства связи слов используется порядок слов, при котором определение употребляется в препозиции определяемого.

Первый компонент третьего типа именных словосочетаний оформляется аффиксом родительного падежа, второй их компонент – аффиксом притяжательности. Функцию средств связи слов в данном случае выполняют эти аффиксы.

В карачаево-балкарском языке встречаются и та-

кие словосочетания, в которых в роли главного слова выступают отдельные лексико-семантические типы прилагательных, а зависимые слова присоединяются к ним с помощью аффикса дательно-направительного или местного падежа: *жукъугъа ёч* «склонный поспать», *менден тамата* «старше меня» и т.п. В таких словосочетаниях, как *депутатха кандидат* «кандидат в депутаты», *колхозгъа председатель* «председатель колхоза», в роли главных слов выступают имена существительные, а зависимые слова обязательно принимают аффикс дательно-направительного падежа.

Послелогии как средства связи слов в словосочетаниях

Смысловые компоненты предложений выражаются не только нулевыми и аффиксальными формами слов, но и сочетаниями именных частей речи с послелогами и послеложными именами. Большинство послеложных сочетаний выполняют функцию зависимого компонента глагольных словосочетаний: *юй таба бар* «идти в направлении к дому», *юйге дери бар* «идти до дома», *отунну балта бла жар* «колочь дрова топором», *юйню юсюнден сёлеш* «разговаривать о доме» и т.д. Некоторые послеложные сочетания встречаются как в глагольном, так и в именном словосочетании: *сени кибиб адам* «такой человек, как ты», *Хасан тенгли жашла* «ребята, которые по возрасту являются такими, каким является Хасан», *Хасан тенгли ишле* «работать столько, сколько работал Хасан», *мени кибиб ал* «брать так, как брал я» и т.п.

Во всех приведенных примерах зависимые слова связаны с главными словами с помощью послелогов и послеложных имен.

Как видно из рассмотренных словосочетаний, имена, использованные в препозиции послелогов, употребляются в нулевой форме или в аффиксальной форме. Нулевую форму таких имен обычно называют основным или родительным падежом, а аффиксальные формы слов относят к C_2 и C_3 . Однако без послелогов и послеложных слов эти словоформы никакой синтаксической функции не выполняют, поэтому указанную точку зрения вряд ли можно считать приемлемой.

Как видно из приведенных выше примеров, в карачаево-балкарском языке основную нагрузку в осуще-

ствлении подчинительной связи слов в словосочетании берут на себя падежные аффиксы и послелоги. Поэтому порядок слов здесь характеризуется большой свободой. Несмотря на это, в тех случаях, например, когда зависимые компоненты словосочетаний выражены S_{02} и S_{04} , перестановка слов в них невозможна. Это показывает, что порядок слов здесь служит основным средством связи слов. В большинстве случаев порядок слов используется в роли средства связи слов в словосочетании и предложении вместе с интонацией, которая объединяет синтаксически связанные словоформы в одну синтагму.

Именные словосочетания бывают определительными и объектными. Они строятся по схемам $S_{01} + C$, $S_{02} + C_{02}$, $S_{02} + C$, $S_{03} + C$, $S_{04} + C$, $S_{05} + C$, $S_{06} + C$, $S_{07} + C$, т.е. связь слов в них осуществляется с помощью нулевого аффикса, основного и родительного падежей, формально-выраженных аффиксов родительного падежа вместе с притяжательными аффиксами, присоединяемыми к стержневому компоненту словосочетаний, а также дательного-направительного и исходного падежей. Зависимые компоненты обстоятельственных словосочетаний строятся по схемам $C_3 + Г$, $S_{04} + Г$, $C_5 + Г$, $C_6 + Г$, $S_{07} + Г$, наречие + Г. Для осуществления связи зависимых компонентов глагольных объектных словосочетаний с их стержневыми словами используются C_3 , S_{04} , $S_{05} + C_5$, C_6 , S_{07} . Иначе говоря, формы зависимых частей обстоятельственных и объектных словосочетаний в большинстве случаев совпадают.

ФОРМАЛЬНЫЕ СХЕМЫ ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о выявлении и описании семантических моделей синтаксических единиц и их формально-семантический анализ является одним из актуальных в современной лингвистике. Несмотря на это, в карачаево-балкарском языкознании пока еще нет специальных исследований, посвященных формально-семантическому анализу именных словосочетаний. Правда, в имеющихся работах о них содержатся ценные сведения. Однако эти сведения являются неполными. Из-за ограниченности объема статьи невозможно в ней решить все вопросы, связанные с данной проблемой. Поэтому здесь ставится задача показать лишь то, по каким фор-

мальным схемам строятся именные словосочетания в современном карачаево-балкарском языке.

1. Наиболее часто встречающимися являются определительные словосочетания, построенные по схеме $S_{01} + C$, где S_{01} – это слово в форме основного падежа, а C – любое имя существительное. Синтаксическую позицию первого, зависимого, компонента таких словосочетаний занимают:

а) имена существительные определенных лексико-семантических групп: *алтын сагъат* «золотые часы», *къош гыржын* «лепешка, испеченная в коше», *тау эчки* «горный козел», *нефть байлыгъы* «(его) богатство нефтью», *кгоншу къыз* «девушка-соседка»;

б) прилагательные: *огъурлу адам* «благородный человек», *бийик терек* «высокое дерево», *ташлы жер* «каменистая земля», *къарт адам* «пожилой человек» и т.п.;

в) причастия: *билген адам* «знающий человек», *алыр затым* «вещь, которую я возьму».

Причастия в предложении употребляются обычно в сочетании с относящимися к ним словами, а одиночное употребление для них не характерно. Поэтому позицию первого компонента замещают причастные обороты, а не отдельно взятые причастия: *дерсин билген адам* «человек, знающий свой урок», *школгъа барлыкъ къызла* «девушки, которые пойдут в школу» и т.п.; но ср.: *окъугъан адам* «грамотный человек»;

г) определенные группы числительных: *он китап* «десять книг», *бешинчи тизгин* «пятый ряд»;

д) отдельные виды местоимений: *хар адам* «каждый человек», *ол юй* «тот дом», *анча юй* «столько домов», *аллай иш* «такая работа»;

е) слова *кѣп* «много», *аз* «мало», которые одни лингвисты относят к наречиям (Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 205), другие – к модальным словам (Аблаков, 1987), а третьи – к предикативам (Ахмедов, 1970): *кѣп насып* «много счастья», *аз мал* «малое количество скота», *кѣп терек* «много деревьев» и т.д.

2. Некоторые наречия времени могут образовать словосочетания в сочетании с именными сказуемыми, выраженными именами прилагательными или существительными: *Мен бусагъатда къойчума* «Я в настоящее время являюсь чабаном»; *Биз алыкъа жайбыз* «Мы пока молоды» и т.п.

В отличие от вышеперечисленных примеров, эти словосочетания строятся по схеме $N + C$, где N – это

наречие, а С – имя прилагательное, употребленное в роли сказуемого предложения. Имя существительное, выступающее в роли такого сказуемого, употребляется не только в форме основного, но и косвенных падежей, ср.: *Ол энди мениди* «Это теперь принадлежит мне»; *Ол бююн тауггады* «Он сегодня собирается в горы»; *Ол тюнене элде эди* «Вчера он находился в селе»; *Ол энди элденди* «Теперь он возвращается из села» и т.п.

3. Среди именных словосочетаний особое место занимают притяжательные словосочетания, первый компонент которых выражается именем существительным и заменяющими его словами, стоящими в родительном падеже. Этот падеж в карачаево-балкарском языке бывает оформленным и неоформленным.

В тех случаях, когда позиция первого компонента притяжательных словосочетаний занята родительным падежом имени, второй их компонент в подавляющем большинстве тюркских языков оформляется притяжательным аффиксом. В отличие от них, в современном карачаево-балкарском языке указанный компонент рассматриваемых словосочетаний может быть оформленным, а чаще неоформленным притяжательным аффиксом. В первом случае рассматриваемые словосочетания строятся по схеме $S_{02} + S_{01}$, где S_{02} – это неоформленный родительный падеж имени существительного, а S_{01} – имя существительное с притяжательным аффиксом 3-го лица, который имеет различные фонетические варианты. Примеры: *кэой башы* «голова овцы», *кэоян териси* «заячья шкура, шкура зайца», *ийнек аягъы* «нога коровы» и т.п.

В тех случаях, когда второй компонент подобных словосочетаний не оформлен притяжательным аффиксом, эти синтаксические конструкции строятся по схеме $S_{02} + S$. В данном случае компоненты притяжательных словосочетаний формально ничем не отличаются от компонентов словосочетаний, построенных по схеме $S_{01} + S$. Несмотря на это, эти словосочетания четко отличаются друг от друга по семантике.

Для выражения притяжательных отношений чаще используются словосочетания, построенные по схеме $S_{\text{им}2} + S_{\text{им}, \text{пг}, \text{л}}$, где $S_{\text{им}2}$ – это слово, относящееся к именной части речи, употребленное в оформленном родительном падеже, а $S_{\text{им}, \text{пг}, \text{л}}$ – это слово с притяжательным аффиксом 1-го, 2-го или 3-го лица. Примеры: *мени ёгюзюм* «мой бык», *аны ёгюзю* «его бык», *бизни ёгюзюбюз* «наш бык» и т.д. Первый компонент словосоче-

таний, выраженных схемой $C_{02}+C$ (или $C_{\cdot}$), выражается лишь словами, обозначающими 3-е лицо. А позиция первого компонента притяжательных словосочетаний, построенных по схеме $C_{\text{пл}2}+C_{\text{зм.пр.м}}$, наполняется словами, обозначающими 1-е, 2-е или 3-е лицо. Второй компонент словосочетания соответственно оформляется аффиксом 1-го, 2-го или 3-го лица. Но ср.: *бизни ат* «наш конь», *сизни ат* «ваш конь», *аланы ат* «их конь». Эти словосочетания построены по схеме $C_{\text{пл}2}+C$, где $C_{\text{пл}2}$ – это личные местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица мн. числа. В данном случае, как видно из приведенных примеров, второй компонент словосочетаний иногда может не принимать притяжательного аффикса.

Словосочетания, построенные по схеме $C_{01}+C$ (изафет I), $C_{02}+C$ или $C_{02}+C_{\text{м}}$ (изафет II) и $C_{\text{пл}2}+C_{\text{зм}}$ (изафет III), объединяет то, что они являются определятельными словосочетаниями. Первый компонент в $C_{01}+C$ и $C_{02}+C$ связывается со вторым элементом словосочетания с помощью нулевого аффикса, т.е. способом примыкания. То же самое относится к обстоятельным словосочетаниям, построенным по схеме $H+C$. Что же касается словосочетаний, построенных по схеме $C_{\text{пл}2}+C_{\text{зм}}$, то здесь для осуществления связи между членами словосочетаний используется аффикс родительного падежа, которым оформляется первый из них, и аффикс принадлежности, которым оформляется второй элемент словосочетания. При этом значение лица, выражаемое первой частью словосочетания, соответствует значению лица, которое передается аффиксом принадлежности, которым снабжается второй компонент словосочетания.

Участие такого комплекса средств для осуществления связи между частями именного словосочетания показывает одну из специфических черт тюркских, в том числе и карачаево-балкарского, языков. Что же касается словосочетаний, построенных по формуле $C_{\text{пл}2}+C_{\text{зм}}$, то здесь связь зависимой части синтаксической конструкции с ее главным компонентом осуществляется с помощью аффикса родительного падежа.

4. Как уже отмечено, в карачаево-балкарском языке возможно факультативное использование аффикса принадлежности при втором компоненте второго типа изафета. Однако, в тех случаях, когда позиция первого компонента притяжательных словосочетаний занята словом в оформленном родительном падеже, их второй компонент всегда принимает аффикс принадлеж-

ности: *мени атым* «моя лошадь», *сени кызынг* «твоя дочь» и т.п. Это говорит о том, что в осуществлении связи между компонентами таких словосочетаний участвуют в данном случае и аффиксы принадлежности.

В карачаево-балкарском языке второй компонент этих словосочетаний может употребляться без указанного аффикса в тех случаях, когда в роли первого их элемента используется местоимение мн. числа: *бизни ат* «наша лошадь», *сизни ат* «ваша лошадь», *аланы ат* «их лошадь».

5. В языке довольно часто встречаются именные словосочетания, первый, зависимый, компонент которых в составе предложения выполняет функцию приложения. Этот компонент данных словосочетаний чаще всего выражается словами, обозначающими: 1) родственные и другие близкие отношения человека к другому человеку; 2) названия городов, сел, газет, журналов и т.п. В первом случае зависимый компонент рассматриваемых словосочетаний принимает аффикс принадлежности: *эгечим Раузат* «моя сестра Раузат», *кьоншум Аслан* «мой сосед Аслан». Такие словосочетания строятся по формальной схеме $S_{-амл} + C$.

В других случаях словосочетания с приложениями строятся по схеме $C_{01} + C$, т.е. в формальном отношении ничем не отличаются от определительных словосочетаний первого типа. Примеры: *Чегем эл* «село Чегем», *Басхан шахар* «город Баскан», «*Москвич*» *автомашина* «автомашина «Москвич» и т.п.

Компоненты данных словосочетаний, относимых отдельными авторами к определительным словосочетаниям первого типа, легко могут быть переставлены, и тогда они строятся по схеме $C_{01} + C_{амл}$. Как и в первом случае, здесь притяжательным аффиксом оформляется второй компонент словосочетания, который является определяемым: *Раузат эгечим* «моя сестра Раузат», *Мазан шуьхум* «мой друг Мазан» и т.п.

Некоторые исследователи эти словосочетания относят к определительным словосочетаниям первого типа (Анжиганова, 1974). Однако только что приведенные типы именных словосочетаний с приложениями по своим вышеуказанным формальным признакам отличаются от всех видов именных словосочетаний.

Правда, компоненты словосочетаний: 1) *жемталачы жаш* «парень-жемталинец», 2) *Жемтала эли* «село Жемтала», 3) *Жулдуз» роман* «роман «Звезда», 4) «*Москвич*» *автомобиль* «автомобиль «Москвич» не могут

быть переставлены. Это сближает их с определительными словосочетаниями первого типа.

6. Во всех тюркских языках встречаются именные словосочетания с управляемыми зависимыми компонентами. Правда, их значительно меньше других типов именных словосочетаний. Факты говорят о том, что в некоторых языках они встречаются чаще, в других – значительно реже. Карачаево-балкарский язык можно отнести к той группе тюркских языков, где именные словосочетания с управляемыми компонентами встречаются сравнительно редко.

К наиболее часто встречаемым здесь, как и в других тюркских языках, можно отнести словосочетания с зависимой частью, употребленной в форме дательно-направительного падежа. В роли их главной части выступают отдельные лексико-семантические типы прилагательных, а иногда – существительных. Примеры: 1) *Осман шиге устады* «Осман – мастер дела»; 2) *Осман санга быллай китап борчлуду* «Осман должен тебе такую книгу»; 3) *Ол манга ангылашлыды* «Это мне понятно»; 4) *Ол манга белгилиди* «Это мне известно»; 5) *Осман жуксугъга ёчдю* «Осман склонен поспать»; 6) *Осман партиягга членди* «Осман – член партии»; 7) *Осман депутатха кандидатды* «Осман – кандидат в депутаты».

Как видим, в этих примерах именные сказуемые требуют наличия в предложении слова в форме дательно-направительного падежа, и таким образом образуются словосочетания по схеме $S_6 + C$.

7. Сравнительно часто встречаются в тюркских языках и такие словосочетания, которые строятся по схеме $S_6 + C$, где S_6 – это слово в форме исходного падежа: 1) *Масхут сенден таматады* «Масхут старше тебя»; 2) *Бу андан татлыды* «Это слаще того»; 3) *Масхут Асландан бийкиди* «Масхут выше Аслана»; 4) *Масхут кёйчуладан бириди* «Масхут является одним из чабанов»; 5) *Челек суудан толуду* «Ведро полно водой» и т.п.

Как видно из этих примеров, независимый компонент таких словосочетаний выражается прилагательными с различными значениями, а иногда числительными.

В отдельных синтаксических исследованиях отмечается, что в тюркских языках независимый компонент именных словосочетаний данного формального типа может выражаться и именем существительным: *тащданг тене* «стена из камня» (Анжиганова, 1974: 15), *сабийликден эсимдеди* «с детства в моей памяти» (Тикеев, 1974: 21) и др.

В карачаево-балкарском языке тоже возможны такие случаи, но они очень редки, что объясняется ограниченными возможностями имени существительного управлять исходным падежом.

Зависимый компонент таких словосочетаний выступает в роли обстоятельства времени, поэтому они чаще выражаются наречиями или наречными сочетаниями слов: 1) *Партиягга эрттеден членме* «Я давно член партии»; 2) *Сен 1930 жылдан колхозчуса* «Ты – член колхоза с 1930 года».

8. Гораздо реже, чем вышеуказанные формальные типы именных словосочетаний, встречаются словосочетания с управляемыми компонентами, стоящими в местном падеже. Они строятся по схеме $C_5 + C$, где C_5 – это слово в форме местного падежа. Этим падежом управляет ограниченное число слов, относящихся к именам прилагательным и существительным. Примеры: 1) *Бизге элде игиди* «Нам лучше в селении»; 2) *Бусагъатда тюзде салкъынды* «Сейчас на равнине прохладно»; 3) *Мазан юйде атады, заводда ишчиди* «Мазан дома является отцом, а на заводе рабочим».

Постановки слова в форму местного падежа требуют слова *бар* «есть», *жокъ* «нет», *керек* «нужно», *кѣп* «много», *аз* «мало». Ср.: 1) *Китапла Асландан эсе, сенде кѣпдѣле* «Книг у тебя больше, чем у Аслана»; 2) *Аллай китапла менде да бардыла* «Такие книги имеются и у меня»; 3) *Бу бизге элде керекди* «Это нам нужно в селении» и т.п.

9. Следует отметить, что в карачаево-балкарском языке встречаются именные сочетания слов, построенные по схеме $C_{\text{им}} + C$, где $C_{\text{им}}$ – это имя существительное в основном падеже с аффиксом принадлежности 3-го лица, а C – это имя прилагательное, очень редко – существительное: *боюну базыкъ* «тот у которого шея толстая», *мюйюзлери къынгыр* «та, у которой рога кривые», *баши уллу* «большеголовый; тот, у которого голова большая» и т.п.

Такие сочетания слов наличествуют и в других тюркских языках. Некоторые исследователи рассматривают их в одном ряду с другими именными словосочетаниями. Например, Ю. М. Сеидов считает, что второй компонент этих сочетаний слов является определением, а первый – определяемым (Сеидов, 1965: 51). Такой же точки зрения придерживается и Аблаков (Аблаков, 1987: 28). В отличие от него, Ю. М. Сеидов подчеркивает, что компоненты рассматриваемых сочета-

ний слов не могут выступать в роли самостоятельных членов предложения. С этим нельзя не согласиться. Указанные сочетания слов представляют собой точно такие же компоненты слов, какими являются, например, причастные обороты. Поэтому они синтаксически неразложимы. В предложении занимают позицию различных его членов: 1) *Башы уллу келди* «Пришел большоголовый»; 2) *Башы уллу адам келди* «Пришел большоголовый человек»; 3) *Мен башы уллуга тубедим* «Я встретил того, у которого голова большая» и т.п. Между компонентами этих словосочетаний устанавливается субъектно-предикативная связь.

В тюркских языках обороты образуют не только неличные формы глагола, но и прилагательные, слова *бар, жокъ, кеп, аз, керек, тийишли*.

Выше мы впервые выявили и привели все формальные схемы, по которым строятся именные словосочетания в современном карачаево-балкарском языке. Вопрос о лексическом наполнении синтаксических позиций этих схем, а также о формально-семантических моделях именных словосочетаний в карачаево-балкарском языке ожидает своего исследователя.

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ И НЕКОТОРЫЕ НЕДОСТАТКИ ТРАДИЦИОННОЙ СХЕМЫ ОПИСАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

При описании синтаксического строя тюркских языков исследователи в большинстве случаев до сих пор продолжают руководствоваться традиционной схемой, которая, как неоднократно отмечалось в литературе, страдает многими недостатками. Одной из характерных черт традиционной тюркологии является «отсутствие последовательных принципов описания, построенных на различении тех единиц синтаксической системы языка, с которыми имеет дело синтаксис» (*Москальская, 1974: 5*). Исследователи синтаксиса тюркских языков при изучении языка до последнего времени не уделяли внимания вопросам семантики. Это объясняется тем, что они продолжали считать, что «конкретное содержание предложения не может быть предметом грамматического рассмотрения» (*Виноградов, 1955: 389*). Однако современная синтаксическая наука не ограни-

чивает себя только вопросами построения синтаксических единиц. Она чрезвычайно расширила свои рамки с точки зрения методов описания синтаксического строя языка. Среди появившихся в последние годы направлений и методов обращает на себя внимание формально-семантический подход к синтаксическим явлениям и в первую очередь к предложению. Активизация исследования вопросов, связанных с семантикой предложения, с взаимодействием и взаимопроникновением его формальной и смысловой сторон, сейчас позволяет «говорить о своего рода семантическом взрыве в новейшем языкознании» (Сусов, 1975: 3). Благодаря этому в области изучения формально-семантической структуры предложения уже многое сделано: выработаны совершенно новые понятия, не свойственные традиционной схеме описания предложения, выдвинуты новые концепции, позволяющие изучить их формальную и семантическую структуру, показать соотношение между ними и т. п.

Применение результатов указанных исследований дает возможность вскрыть некоторые недостатки тюркской традиционной грамматики в описании предложения, проливает свет на многие спорные вопросы и позволяет более системно и экономно описать их. Приведем примеры. Исследователи тюркских языков в качестве минимальной синтаксической единицы рассматривают член предложения. Члены предложения ими подразделяются на главные и второстепенные. К первым традиционно относят те компоненты, которые входят в предикативную основу предложения. Остальные члены предложения рассматриваются как второстепенные. Второстепенными их называют потому, что они служат для пояснения главных членов предложения. Исходя из этого, делается вывод о том, что второстепенные члены предложения не входят в структурную основу предложения. Однако формально-семантический подход к языку показывает, что во многих случаях второстепенные члены с точки зрения семантической устроенности предложения являются такими же необходимыми компонентами, как подлежащее и сказуемое.

Этот недостаток является следствием того, что семантика предложения в тюркских языках до сих пор не подвергалась специальному изучению. Слабым местом традиционной теории членов предложения является то, «что члены предложения, хотя и выделяются на базе предложения, исследуются в значительной степени без-

относительно к предложению. Их изучение ведется зачастую в аспекте отношений членов предложения. Тем самым изучение членов предложения смещается в плоскость словосочетания» (Почепцов, 1971: 31). А вопрос о том, какую роль играют они в построении предложения, остается вне поля зрения исследователя. Отсюда видно, что изучение членов предложения, особенно второстепенных, почти ничем не отличается от изучения словосочетаний.

Что же касается формально-семантического подхода к языковым явлениям, то он позволяет показать, что роль отдельных членов в организации предложения далеко не одинакова. Одни из них в одних случаях структурно необходимы, другие лишь возможны. Первые своими валентными свойствами предопределяют друг друга и являются конструктивно значимыми, обязательными. Вторые могут употребляться в предложении, если это диктуется какими-либо коммуникативными целями, но могут быть опущены без какого-либо ущерба для грамматической правильности предложения, без влияния на его содержание (Почепцов, 1968; Иванчикова, 1965).

Отсюда видно, что члены предложения, исходя из их указанного свойства, можно делить на две группы: а) члены предложения, участвующие в создании номинативного минимума предложения (моделеобразующие члены предложения); б) члены предложения, не участвующие в создании номинативного минимума предложения (немоделеобразующие члены предложения) (Белошапкина, 1977: 136).

Формально-семантический подход к синтаксическим явлениям позволяет говорить о формальной и семантической структуре предложения. Внешнее сходство компонента семантической структуры предложения с традиционными членами предложения не должно приводить к мысли об их прямолинейной соотносительности. Между данными понятиями существуют принципиальные внутренние различия. Семантические компоненты – это единицы семантической структуры предложения. Известно, что между семантической структурой и грамматической структурой предложения существуют сложные отношения, регулируемые взаимоотношениями формы и содержания. Возможны случаи совпадения членов предложения и компонентов семантической структуры предложения. Ср.: *Адил Москвада жашайды* «Адил живет в Москве»; *Адил сени таныйды* «Адил знает тебя» и т.п.

Но такое явление не всегда имеет место, что не учитывается традиционной грамматикой. В отличие от традиционной грамматики, указанное направление всегда устанавливает, что предложение представляет собой такую формально-организованную единицу, значение которой в большей степени зависит от наполняющего эту форму лексико-семантического материала. И в новейшем языкознании вопрос о лексическом наполнении синтаксических позиций предложения подвергается специальному изучению (Арват, 1975: 13), что позволяет установить, что компоненты семантической структуры предложения могут быть синкретичными, т.е. они могут совмещать качество двух компонентов. Ср.: *Кийимле рюкзакга жыйылгандыла* «Одежда (кем-то) собрана в рюкзак». Здесь словоформа *рюкзакга* одновременно обладает качеством объекта и обстоятельства. В традиционных синтаксических исследованиях подобные синкретичные компоненты предложения относятся то к обстоятельствам, то к дополнениям, и в этом заключается одно из противоречий традиционной грамматики.

Традиционная тюркология в качестве членов предложения рассматривает лишь словоформы, включенные в предложение, что также является одним из ее недостатков.

В отличие от традиционных членов предложения, в роли которых выступают только словоформы, семантические компоненты предложения выражаются еще и морфемами из состава указанных словоформ. В результате этого какой-либо один член предложения может быть выразителем нескольких компонентов семантической структуры предложения. В зависимости от того, выразителем какого количества семантических компонентов они являются, члены предложения могут быть разделены на две группы: а) члены предложения, являющиеся выразителями одного семантического компонента; б) члены предложения, являющиеся выразителями двух и более семантических компонентов.

Члены предложения первой группы можно называть моноэлементными, а члены предложения второй группы – полиэлементными. Полиэлементными являются члены предложения, имеющие в своем составе аффиксы, которые, подобно отдельным словам, способны выражать различные понятийные категории. К таким аффиксам в тюркских языках относятся в первую очередь: а) лично-предикативные аффиксы, ср.:

Мен устазма «Я – учитель» и *Устазма* «(Я) учитель»; б) аффиксы принадлежности: *Мени китабым сендеди* «Моя книга у тебя» и *Китабым сендеди* «(Моя) книга у тебя»; в) различные падежные аффиксы: *Мен шахаргъама/Мен шахаргъа барама* «Я еду в город»; г) аффикс *-дагъы/-деги*: ср.: *библиотекадагъы китап/библиотекада тургъан китап* «книга, находящаяся в библиотеке»; д) аффикс *-ча*: *Ол сенчады/Ол, сен къалай эсенг да, аллайды* «Он таков, каков и ты» и др.

Как известно, при выделении членов предложения в тюркских языках опираются не только на формальный, но и на семантический признак. Несмотря на это, недостаточно четко определяются семантические признаки словоформ, что особенно часто бывает при членении предложений с предикатами, выраженными залоговыми формами глаголов. Эти недостатки бывают в основном двух типов: 1) исследователи не учитывают, стало быть, не выделяют такие семантические компоненты, которые выражаются залоговыми аффиксами глаголов. Например, в карачаево-балкарском языке предложения, в которых в функции предиката выступает возвратная форма глаголов, образованных от отдельных семантических групп существительных, являясь двухкомпонентными в плане выражения, представляя трехкомпонентные семантические структуры. Ср.: *Мухтар фатарланды/Мухтар фатар алды* «Мухтар получил квартиру»; 2) неправильно определяется семантическое качество отдельных формальных компонентов предложения, например, в предложениях с предикатами, выраженными понудительной формой глагола, слово, стоящее в винительном падеже, рассматривается как дополнение (объект). А на самом деле указанная словоформа является выразителем двух семантических компонентов. Например, в предложении *Фатима сабийни жукълатды* букв. «Фатима усыпила ребенка» слово в винительном падеже *сабийни* «ребенка» служит выразителем объекта каузации и субъекта состояния.

Таких фактов в тюркских языках очень много. Формально-семантический анализ этих явлений показывает, что подэлементные формальные члены предложения выражают субъектно-предикатное, предикатно-обстоятельствоное, предикатно-объектное, атрибутивно-объектное и другие значения, что нельзя не учитывать при описании синтаксиса тюркских языков (*Баскаков, 1974: 46; Шендельс, 1976: 263*).

Одной из актуальных проблем тюркской грамматики является проблема формально-семантического анализа предложений (с так называемыми включающими и включенными предикатами), которая на материале разноструктурных языков интенсивно разрабатывается в последние годы сотрудниками Ленинградского отделения Института языкознания РФ. Как известно, под включающим предикатом понимается любое слово, которое, занимая позицию сказуемого, требует наличия в предложении как минимум одного актанта, являющегося предикатным словом. В роли такого включающего предиката в тюркских языках выступают не только различные семантические типы глаголов, но и другие части речи: определенные разряды прилагательных, наречий, модальных слов и др. В роли же включенного предиката (или предикатного актанта) употребляются неличные формы глагола и другие слова. Эти разряды словоформ встречаются в роли предикатного аргумента в различных формально-семантических типах предложения и функционируют то в одиночном виде, то в составе оборотов, образуемых ими самими, например: 1) *Жашла анда ишлерге хазырдыла* «Ребята готовы работать там»; 2) *Жашла планлары кезиунден алгга толтурургга айтадыла* «Ребята обещают выполнить свой план досрочно».

Здесь комплексы слов *анда ишлерге* «работать там», *планлары кезиунден алгга толтурургга* «выполнить свой план досрочно» представляют собой обороты, образованные инфинитивными формами глагола: *ишлерге, толтурургга*. Однако традиционная грамматика не выделяет обороты как таковые из состава предложений приведенного типа. То же самое относится к оборотам, употребляемым в киргизских предложениях типа: *Мана китап окгуш керек* «Мне необходимо читать книгу».

В других же структурно-семантических типах предложений глагольные именные обороты выделяются и рассматриваются то как развернутые члены предложений, то как придаточные предложения.

Отсюда видно, что проблема изучения предложений с предикатными актантами связана с традиционными вопросами о выделении сказуемого отдельных типов предложений, о разграничении личных и безличных предложений и др.

С другой стороны, следует учесть, что применение разрабатываемой в современной лингвистике теории о

конструкциях с предикатными актантами к фактам тюркских языков требует решения следующих задач: 1) выявление лексико-семантических разрядов слов, выступающих в роли предикатов; 2) структурно-семантическая характеристика предложений с предикатными актантами, определение их особенностей в сравнении с конструкциями, не осложненными предикатными актантами; 3) интерпретация семантики предикатных актантов; 4) определение отличительных формально-семантических особенностей глагольных и именных оборотов в сравнении с простыми предложениями, имеющими включающие предикаты и выступающими в роли придаточной части сложноподчиненного предложения; 5) сравнение валентных свойств включенных и включающих предикатов, выраженных одинаковыми лексико-семантическими средствами; 6) выявление положительных и отрицательных сторон традиционного учения о развернутых членах предложения, о придаточных предложениях; 7) валентные свойства включающего предиката и форма субъектного компонента тюркского простого предложения, и др.

Все эти и связанные с ними вопросы могут быть удовлетворительно решены лишь при формально-семантическом подходе к ним.

ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение предложения как сложного лингвистического явления в единстве его формы и содержания имеет большое научно-теоретическое значение. Грамматическая и семантическая структуры предложения не функционируют в отдельности, самостоятельно, а составляют одно целое. Однако на определенной ступени изучения любого сложного явления становится необходимым исследование всех его компонентов с последующим их синтезом. Использование этого диалектического принципа познания в исследовании такого сложного языкового знака, каковым является предложение, в котором постоянно взаимодействуют форма и содержание (*Будагов, 1973: 9*), требует расчлененного подхода к изучению его формальной и семантической структуры. Но такой подход нужно понимать не как отказ от признания единства формы и содержания

предложения, а как прием выявления специфики формальной и содержательной организации предложения, как прием, способствующий более глубокому изучению отношений между семантикой и ее синтаксическими репрезентациями при учете взаимосвязи всех сторон «семантического треугольника» язык – мышление – объективная действительность (Гак, 1968: 4; Супрун, 1977: 4, 5; Арват, 1976: 6–24).

Как известно, вопрос о том, в каком направлении вести анализ предложения (от формы к содержанию или, наоборот – от содержания к форме), является спорным.

Вслед за Н. Ю. Шведовой, В. Г. Адмони, Н. Н. Арват, И. О. Москальской и другими лингвистами (Шведова, 1974: 107; Адмони, 1976: 6; Арват, 1976: 6–24; Москальская, 1974: 46; Ульянова, 1974: 4) при анализе семантической структуры предложения в качестве исходной ступени нами используется анализ грамматической структуры предложения, затем рассматривается вопрос о лексическом наполнении мест синтаксической модели предложения, вопрос о формировании семантического компонента и смысловой структуры предложения. Выбор такого направления анализа предложения определяется целью нашего исследования и обусловлен тем, что предложение нами рассматривается как такой языковой знак, который, имея определенную форму, обладает информативной самодостаточностью, т.е. смысл его заключен в нем самом.

Как признают все лингвисты, занимающиеся исследованием синтаксической структуры предложений того или иного языка, выявление, описание и составление списков синтаксических и семантических моделей предложения отдельных языков является одной из важнейших задач синтаксиса. Введение в обиход понятия моделей предложения – значительный шаг вперед в развитии учения о предложении. Это понятие представляет собой такую научную абстракцию, которая выявляет общее и существенное в большом числе языковых фактов, способствует четкой классификации предложений (Москальская, 1974; Кодухов, Бондарко, 1971; Золотова, 1978). Поэтому теория моделей стала одной из центральных в описательном и теоретическом синтаксисе. Моделированию простого предложения русского и других языков посвящено значительное количество работ (Шведова, 1970; Золотова, 1967). Однако полностью отсутствуют труды, посвященные выявлению и описанию моделей простого предложе-

ния как карачаево-балкарского, так и других тюркских языков. Во-вторых, несмотря на сравнительное единодушие лингвистов в определении модели предложения, которая понимается как абстрактная схема, отвлеченный образец построения минимальных самостоятельных предложений, в практике выделения и описания моделей предложения имеются существенные расхождения. В-третьих, следует отметить, что в силу определенных причин в разных языках возможны одинаковые типы моделей предложения, но общий их набор в каждом языке в силу специфики его грамматического строя является уникальным (*Москальская, 1974: 26; Почепцов, 1971: 53*).

Все это свидетельствует о том, что выявление и описание моделей простого предложения карачаево-балкарского языка – весьма актуальная, но очень трудная задача. Выявление набора моделей предложения того или иного языка дает исследователю такое же ясное представление о синтаксических структурных единицах. Нет сомнения в том, что решение этой важной задачи будет способствовать решению многих спорных вопросов синтаксиса не только простого, но и сложного предложения тюркских языков, в частности проблемы сложноподчиненного предложения, связанной с синтаксической и семантической природой глагольно-именных оборотов.

При моделировании грамматических типов предложения необходимо широкое использование таких понятий, как понятие валентности, структурной необходимости и факультативности компонента предложения, структурного типа предложения и др. Многие из них здесь используются в общепринятом значении, поэтому нет необходимости объяснять их содержание и употребление. Ниже мы остановимся только на спорных вопросах и на тех понятиях, которые нами используются в несколько ином смысле или вводятся впервые.

Понимание структурной схемы как предикативного минимума предложения

Такое понимание структурной схемы предложения опирается на сложившееся в русской и тюркской грамматической традиции понимание границ нераспространенного предложения. Оно было предложено в работах Н. Ю. Шведовой (*Шведова, 1966; 1968; 1970*) и в

дальнейшем применено в исследованиях и других синтаксистов (Тулапина, 1973; Кокорина, 1974).

Н. Ю. Шведова определяет структурную схему как присущий языковой системе образец минимального построения, предназначенного для того, чтобы, будучи наполненным конкретным лексическим материалом, стать сообщением о какой-то действительности.

Компонентами структурной схемы в таком понимании являются словоформы – подлежащее и сказуемое в двусоставных схемах и главный член – в односоставных схемах. Деление структурных схем на двусоставные и односоставные опирается на традиционное деление предложений по составу главных членов и их форме. Двусоставные и односоставные схемы по форме своих компонентов делятся на определенные подклассы.

Такое понимание структурной схемы дает Грамматика–70. Здесь структурная схема рассматривается как формальное строение, грамматическим значением которого является предикативность. Данный подход предполагает отвлечение от всего, что не существенно для предложения как для предикативной единицы. Поэтому в структурную схему не включаются все распространители, в том числе и облигативные, при введении которых предложение становится информативно достаточным (Гр.–70; Кокорина, 1974: 3, 4). Считается, что эти распространители не противопоставляются главным членам предложения как «второстепенные» (Грамматика–70).

Однако, как отмечалось в литературе (Кубик, 1972: 67–78), этот принцип неоднократно нарушается в Грамматике–70. В чем же оно заключается? Среди не относящихся к строению структурной схемы словоформ Н. Ю. Шведовой выделены словоформы, имеющие «статус элемента словосочетания», детерминанты, имеющие «статус элемента словосочетания», и детерминанты – обстоятельственные и субъектно-объектные распространители предложения. Детерминант определяется как самостоятельный распространитель предложения «в целом», как элемент, не входящий в структуру предложения в качестве ее обязательного компонента. В Грамматике–70 встречаются случаи включения в структурную схему слов в дательном, родительном и винительном падежах (Гр.–70: 567–569), что противоречит исходному принципу выделения компонентов структурной схемы. Может быть, эти словоформы рассматриваются как главные члены предложения? В ра-

боте нет четкого указания на то, что именно считается компонентом структурной схемы (Кубик, 1972:67)

Необходимо решить вопрос о том, возможно ли, опираясь на такое понимание структурной схемы предложения, выявление и описание моделей простого предложения карачаево-балкарского языка. Как известно, вопрос этот никем из тюркологов не ставился и не решался. Наши же наблюдения показывают, что подобный подход к структурной схеме при анализе фактов карачаево-балкарского и других тюркских языков приводит исследователя к определенным трудностям и противоречиям. Остановимся на некоторых из них.

Сторонники рассматриваемой концепции утверждают, что выделенные ими структурные схемы – такие предикативные единицы, которые характеризуются грамматической достаточностью. Однако материал безличных предложений карачаево-балкарского языка показывает, что не все структурные схемы, выделенные на основании указанных правил, могут отвечать данному требованию. Например, главный член («структурная схема» – в терминологии сторонников рассматриваемой концепции) безличных предложений карачаево-балкарского и других тюркских языков, выраженный некоторыми сочетаниями слов, может приниматься за самостоятельно функционирующую предикативную единицу, ср. структурные схемы в вышеуказанном понимании: *Окьургга керекди* «Нужно учиться»; *Ишлемей жарамаз* «Не работать нельзя».

Такие «структурные схемы» могут осмысливаться двояко: в одних случаях – как самодостаточные единицы, а в других – как неполные предложения, нуждающиеся в распространении косвенным субъектом, выраженным словом в дательном-направительном падеже: *Манга окьургга керекди* «Мне необходимо учиться»; *Санга ишлемей жарамаз* «Тебе не работать нельзя».

Другая часть «структурных схем», лежащих в основе безличных предложений, отличается тем, что они обладают грамматической и информативной достаточностью, например: *Окьургугьум келеди* «Мне хочется учиться»; *Жукьунг келеди* «Тебе хочется спать»; *Танг атды* «Рассветло»; *Кёлюм боьланды* «Меня тошнит».

Третья группа таких «структурных схем», вне зависимости от контекста, не имеет ни грамматической, ни информативной достаточности и не может употребляться в качестве самостоятельно функционирующих предикативных единиц. В качестве примера достаточ-

но привести форму страдательного залога глагола, которая широко известна в тюркских языках как средство выражения главного члена безличных предложений (Мудждабаев, 1963; Донидзе, 1957; Сагитов, 1964). Например, ср.: *Барылады* букв. «Едется» и *Ары машина бла барылады* букв. «Туда едется на машине».

Многие слова с аффиксом предикативности в карачаево-балкарском языке могут выступать в роли сказуемого двусоставного предложения, так, например, в роли главного члена безличного предложения. Во втором случае они, если взять их в нераспространенном виде, не сигнализируют о безличном предложении. Это объясняется различными причинами, чаще – тем, что они слабо управляют второстепенными членами, только в сочетании, с которыми образуют безличные конструкции, реже – спецификой самой структуры предложения. Некоторые синтаксисты такое управление называют особой связью уровня предложения, связью, зависящей не от категориальных свойств господствующего слова, а от смысла всего предложения (Тулапина, 1973: 6; Аблаков, 1966: 8).

По указанным здесь причинам, опираясь только на предикативный минимум предложения, трудно установить наличие в языке некоторых безличных конструкций. В этом также сказывается одна из слабых сторон теории, согласно которой структурная схема односоставного предложения включает в себя только главный член. Представление структурной схемы односоставного предложения как образца, компонентом которого является один главный член, на уровне схем не разрешает и «омонимичность» схем. Ср. примеры: 1) *Къыш сууукъду* «Зима холодная» и 2) *Къыш сууукъду* «Зимой холодно».

Употребление термина «структурная схема» относительно единственного главного члена односоставного предложения, состоящего из одного слова, также не может не вызывать возражения.

Понимание структурной схемы как предикативного минимума предложения часто ведет к построению не только неполных, но и аграмматичных предложений, например: *Халы кёрюнеди* «Состояние (его) видится» или «Нитка виднеется»; *Заурбекни халы аман кёрюнеди* «Настроение Заурбека кажется плохим».

Еще примеры: 1) *Жарыкъ тийди* «Свет осветил» или «Весело тронул» (вместо: *Кюн жарыкъ тау башлагъа тийди* «Лучи солнца осветили вершины гор»);

2) *Нарзан болганды*. «Нарзана хватит; Превратился в нарзан; Нарзан был» (вместо: *Сууну ары жанында нарзан болганды*) «На том берегу реки был нарзан»).

Как видно из приведенных здесь примеров, при опущении всех второстепенных членов предложения мы получаем синтаксические конструкции, которые теряют свою однозначность, становятся аграмматичными или неполными предложениями.

Все это говорит о том, что, опираясь на рассматриваемое понимание структурной схемы, нельзя выделить список моделей предложения карачаево-балкарского языка, характеризующийся последовательностью и непротиворечивостью.

Факты карачаево-балкарского языка показывают: для того, чтобы односоставная структурная схема в рассматриваемом понимании стала грамматически достаточной предикативной единицей, в большинстве случаев бывает необходимо включить в ее состав те или иные обязательные распространители. Например, ср.: 1) *Таугга былайтын барылады* «В горы едут здесь», а не *Барылады* «Едется»; 2) *Статьяда аны юсюнден айтылады* «В статье говорится и о нем», а не *Айтылады* «Говорится»; 3) *Мында жашарга игиди* «Здесь хорошо жить», а не просто *Игиди* «Хорошо». Только в таком случае данные конструкции могут отвечать требованиям, предъявляемым к структурной схеме как к номинативному минимуму предложения.

Анализ фактов карачаево-балкарского языка свидетельствует, что это относится и к большинству двусоставных структурных схем, под которыми, согласно вышеуказанной концепции, понимается предикативная основа двусоставного предложения, т.е. сочетание подлежащего со сказуемым.

Например, словоформа *салгандыла* «положили» может служить сказуемым двусоставного неопределенно-личного предложения. Поэтому, согласно рассматриваемой концепции, в данном случае должны быть выделены две структурные схемы: 1) *Ишчиле салгандыла* «Рабочие поставили» и 2) *Салгандыла* «Поставили». Однако для того, чтобы утверждать, что слово *салгандыла* может быть выделено в качестве самостоятельной структурной схемы, необходимо сначала установить, что оно может функционировать в качестве главного члена односоставного неопределенно-личного предложения, т.е. выделить само неопределенно-личное предложение, в котором предикативная позиция

занята данным словом. Возникает вопрос: если наличие такого предложения уже установлено, надо ли говорить о том, что существует «структурная схема» *Салгандыла*? Если даже есть такая необходимость, то вполне ясно, что выделение таких «структурных схем», как *Салгандыла*, сводится к выделению слов и их форм, которые служат для выражения главного члена неопределенно-личного предложения, и по сравнению с традиционным анализом предложения ничего нового не дает нам в решении задачи, связанной с выделением структурно-семантических типов неопределенно-личного предложения.

Отдельно взятое слово *салгандыла* не сигнализирует о неопределенно-личном предложении. Только в сочетании с определенными распространителями оно может образовать предикативную единицу, обладающую тем или иным информативным содержанием. Будучи отдельно взятой, данная лексема осмысливается лишь как неполное двусоставное предложение.

Все это приводит нас к выводу, что отождествление главного члена односоставного предложения со структурной схемой, а структурной схемы в данном понимании – с понятием модели предложения противоречит фактам карачаево-балкарского языка.

Ряд исследователей, которые отрицательно относятся к пониманию структурной схемы как сочетания главных членов предложения (для двусоставных предложений) и главного члена (для односоставных предложений), различают два вида структурных схем: 1) минимальная структурная схема (МСС) и 2) расширенная структурная схема (РСС). Под минимальной структурной схемой понимают предикативную основу предложения, т.е. сочетание главных членов предложения (двусоставные структурные схемы) и главный член односоставного предложения (односоставные структурные схемы). А под расширенной структурной схемой понимают номинативный минимум предложения. При этом считается, что основная задача синтаксиса заключается в выделении и описании номинативного минимума предложения (*Белошанкова*, 1977).

Возможен ли такой подход к фактам карачаево-балкарского языка? О понятии МСС применительно к фактам односоставных предложений говорилось выше. Опора на понятие МСС не снимает всех трудностей и противоречий, которые мы рассмотрели выше. Выделение односоставных МСС фактически сводится к вы-

явлению тех языковых средств, которые могут выступать в роли выразителей предиката односоставных предложений. Выделению и описанию таких средств в тюркских языках посвящено много исследований. Сейчас особо стоит вопрос о выделении структурно-семантических типов самих односоставных предложений. Конечно, для решения его важно знать, какими средствами передается в языке предикат односоставных предложений.

Что же касается понятия МСС применительно к двусоставным предложениям, то следует отметить, что, например, в основе всех глагольных двусоставных предложений лежит одна и та же МСС, представляющая собой сочетание подлежащего со сказуемым, или $C_1 - \Gamma$. Двусоставные глагольные предложения, в основе которых лежит МСС $C_1 - \Gamma$, по признаку информативной достаточности-недостаточности бывают двух видов: 1) информативно-достаточные и 2) информативно недостаточные. Информативная достаточность-недостаточность глагольных конструкций зависит от лексического наполнения позиций C_1 и Γ . Ср.: 1) *Кюн тийди* «Солнце взошло»; 2) *Жауун жауады* «Идет дождь».

Данные конструкции относятся к первой из указанных групп глагольных двусоставных предложений и вне контекста пригодны к выполнению номинативной функции. Этого нельзя сказать о следующих предложениях: 1) *Халимат кирди* «Халимат зашла»; 2) *Къойчула кёбейтедиле* «Чабаны увеличивают»; 3) *Ол озду* «Он опередил»; 4) *Председатель чакъыртыды* «Председатель заставил вызвать» и т.д.

Чтобы стать семантически автономными, пригодными к выполнению номинативной функции, т.е. к выражению того содержания, которое свойственно предложению, данные конструкции должны быть распространенными. Иначе говоря, они должны включать в свой состав кроме $C_1 - \Gamma$ еще и другие облигаторные словоформы. Ср.: 1) *Халимат юйге кирди* «Халимат зашла в дом»; 2) *Къойчула къойланы кёбейтедиле* «Чабаны увеличивают поголовье овец»; 3) *Ол сени озду* «Он опередил тебя»; 4) *Председатель бригадирни санга правлениеге чакъыртыды* «Председатель заставил тебя вызвать бригадира в правление».

Первое из приведенных предложений построено по схеме $C_1 - C_2 - \Gamma$, второе и третье – по схеме $C_1 - C_4 - \Gamma$, четвертое – по схеме $C_1 - C_4 - C_3 - C_3 - \Gamma$.

Анализируемые предложения только в данном

структурном составе способны выполнить номинативную функцию.

Произведенное здесь сопоставление названных двух групп предложения показывает, что: 1) МСС $C_3 - \Gamma$ в одних случаях выступает в роли такого формального построения, которое обладает признаком информативной самодостаточности. Здесь речь идет о предложениях, входящих в первую группу; 2) в других же случаях приведенная схема не может выступать в качестве структуры, обладающей информативной самодостаточностью и нуждается в распространении за счет облигаторных распространителей. Схема $C_1 - \Gamma$ в данном случае может быть противопоставлена расширенной структурной схеме как минимальная структурная схема. Например, ср. формулу $C_1 - \Gamma$ с вышеприведенными расширенными схемами ($C_1 - C_3 - \Gamma$; $C_1 - C_4 - \Gamma$; $C_1 - C_4 - C_3 - C_3 - \Gamma$ и т.д.), которые лежат в основе предложений, входящих во вторую группу.

Отсюда следует, во-первых, что предикативная основа предложений первой группы совпадает с понятиями МСС – РСС, т.е. схема $C_1 - \Gamma$ по отношению к данным предложениям рассматривается и как МСС, и как РСС. А предикативная основа предложений, состоящих более чем из двух формальных компонентов (т.е. та же схема $C_1 - \Gamma$), не совпадает с понятием РСС. Здесь МСС (т.е. $C_1 - \Gamma$) и РСС, например, $C_1 - C_3 - \Gamma$, относятся друг к другу, как часть к целому. Но при анализе предложений, состоящих из двух формальных и семантических компонентов, такое противопоставление не имеет места. Это показывает, что понятие МСС к данным предложениям отношения не имеет. В этом заключается один из недостатков введения термина «минимальная структурная схема» и его противопоставления «расширенной структурной схеме».

МСС в большинстве случаев не может выступать в роли конструкции, способной выполнять номинативную функцию. Исключение составляет лишь часть простых предложений. Это говорит о том, что нельзя ставить знака равенства между такими понятиями, как «минимальная структурная схема» и «модель предложения».

Таким образом, в основе громадного количества предложений, отличающихся друг от друга как по форме, так и по содержанию, может лежать одна и та же минимальная структурная схема. Поэтому, опираясь только на понятие МСС и не учитывая семантики

предложения, невозможно структурно-семантическое описание синтаксической системы языка. Выявление минимальных структурных схем должно рассматриваться лишь как предварительный шаг, облегчающий выявление и описание структурно-семантических типов моделей простого предложения карачаево-балкарского языка.

МСС ориентирует исследователя лишь на формальное устройство предикативной основы одной части предложений и на средства выражения предиката другой части предложений карачаево-балкарского языка. От МСС нет непосредственного перехода к семантической структуре предложения. Поэтому при описании моделей предложения и квалификации каждого структурно-семантического образца нужно, не ограничиваясь выделением МСС как предикативной основы предложения, каким-то образом учесть еще и семантику анализируемых конструкций. Признание этой необходимости и привело некоторых исследователей к выводу о том, что следует пользоваться понятием РСС. Нельзя не учитывать семантики предложения при описании синтаксической системы языка, что особенно наглядно ощущается в тех случаях, когда на собственно формальных основаниях возможно несколько решений: Ср.: *Мурат Асанладанды* – а) «Мурат родом из Асановых» или б) «Мурат (идет) от Асановых».

То же самое относится и к тем предикативным конструкциям, позицию предиката в которых занимает многозначный глагол. Ср. МСС С₁–Г, позицию Г в которой занимает, например глагол «оз»: *Ол озду*. Каков смысл, выражаемый данной конструкцией?

Без учета семантики лексемы «озду» и без обращения к РСС, опираясь только на МСС, невозможно ответить на этот вопрос. Вне контекста мы не знаем, какое содержание выражается структурой «*Ол озду*». Опираясь же на понятие РСС, мы легко устанавливаем, что на основе глагола «оз» возможно построить следующие предложения, которые отличаются друг от друга по содержанию: 1) *Ол окгууда аны озду* «Он опередил его в учебе»; 2) *Ол былайтын озду* «Он прошел здесь»; 3) *Ол бу ишде чекден озады* «Он злоупотребляет в этом деле».

Исходя из этого, при анализе простого предложения мы считаем необходимым опираться на понятие РСС или на номинативный минимум предложения.

Структурная схема как номинативный минимум предложения

Вопрос об информативной достаточности предложения давно обращает на себя внимание исследователей. Если одни синтаксисты до сих пор при определении типов предложения продолжают исходить только из формальных критериев (*Байрамкулов*, 1962), то другие уже давно придают этому вопросу принципиальное значение. Так, еще авторы академической «Граматики современного русского языка» признавали, что предложения типа «Меня знобит», «Его следует согнать» только условно могут быть отнесены к распространенным (ГСРЯ, 1960, ч. 2:15). На то, что отсутствие второстепенных членов может быть признаком структурной неполноты бесличных предложений русского языка, указывает В. В. Бабайцева (*Бабайцева*, 1968: 71). Это в полной мере применимо и ко многим типам бесличных предложений карачаево-балкарского и других тюркских языков. Тем не менее, многие синтаксисты делят такие предложения на распространенные и нераспространенные (*Байрамкулов*, 1962), хотя эти предложения в нераспространенном виде не способны выражать значение данного типа предложения (*Низяева*, 1972: 5), не обладают признаком самостоятельного функционирования.

Признание необходимости ввести в минимальную структурную схему информативно-облигаторные распространители нашло отражение в работах многих современных лингвистов (*Грель*, 1967; *Адамец*, 1973; *Светлик*, 1970; *Ломтев*, 1969, 1972; *Холодович*, 1960; *Апресян*, 1967). Это привело к более широкому пониманию минимума предложения, который рассматривается как предел семантической автономности, пригодности к выполнению номинативной функции (*Арутюнова*, 1976: 306). Это центральная идея данного направления, и каждый из исследователей реализует ее по-своему. Например, Т. П. Ломтевым структура предложения определяется как последовательность форм слов, отражающая структуру информации, и структура предложения представляется системой отношений. Необходимыми элементами предложения являются словесные формы: 1) имена отношений (сказуемое или главный член односоставного предложения) и 2) имена предметов (подлежащее – «исходные предметы» и дополнения), связываемые этим отношением. Количе-

ство и характер предметов определяется предикатом. По данному признаку предикаты могут быть одноместными, двухместными и трехместными.

Структура предложения – это такое формальное строение, в котором находят символические отображения предметы и их отношения, т.е. формула предложения, представленная в виде специальных символов. Предложения и его компоненты имеют план выражения и план содержания, поэтому символами обозначается и формальная, и содержательная структуры предложения (Ломтев, 1969).

Следует отметить, что все адвербиальные распространители Т. П. Ломтевым в указанных его работах в модель предложения не включаются (Ломтев, 1979: 141–147). В отличие от него, чехословацкие синтаксисты в структурную схему предложения включают все элементы предложения, необходимые для его элементарной информативной достаточности: 1) все обязательные присловные распространители (формы косвенных падежей и адвербиальные распространители) сказуемого или главного односоставного предложения; 2) все падежные формы (им., дат., род. и творит. падежи в русском языке) с субъектным значением (Светлик, 1970; Адамец, 1973).

В работах Г. А. Золотовой различаются понятия модели и структуры предложения. Под моделью предложения понимается его предикативная основа. Модель определяется как «минимально достаточное сочетание синтаксических форм, образующих коммуникативную единицу с определенным типовым значением в ряду аналогичных единиц с тем же типовым значением» (Золотова, 1967: 91). В качестве структурно-смысловых элементов модели выступают синтаксические формы слов, которые выделяются на основе единства «категориально-лексического значения и морфологической формы слова (включая предлог для предложных) и характеризуются синтаксической функцией» (Золотова, 1969: 61).

Члены же предложения, по мнению автора, не являются структурными единицами, поскольку существуют модели предложения, организуемые «без одного, а то и без обоих главных членов», например: «Ему за пятьдесят»; «Времени в обрез» и т.д. (Золотова, 1969: 59).

Структура предложения включает в себя предикативную основу предложения (модель) и компоненты, распространяющие и осложняющие эту основу. Ком-

понентами структуры предложения могут быть все падежные формы с субъектным и агентивным значением, а формы с объектным значением в структурную схему не входят (Золотова, 1973).

Таким образом, сторонники второй точки зрения также не пришли к единому мнению по вопросам построения модели предложения. Расходятся они во мнениях о критериях вычленения тех компонентов предложения, которые являются модельобразующими.

Таким критерием, выдвинутым сравнительно недавно, может служить структурная обязательность компонентов предложения. Роль отдельных членов в организации предложения далеко не одинакова. Одни из них структурно необходимы, обязательны, другие лишь возможны. Первые своими валентными свойствами предопределяют друг друга и являются конструктивно-значимыми, обязательными. Вторые могут употребляться, если это диктуется теми или иными коммуникативными целями, но могут быть и опущены без ущерба для грамматического строя предложения, его содержания, содержания остальных компонентов, сохраняющих в совокупности статус предложения, и поэтому называются факультативными, избыточными (Почепцов, 1968; Иванчикова, 1965; Апресян, 1964; Адмони, 1958; Степанова, Хельбиг, 1978). Предложение, состоящее только из обязательных компонентов, способное функционировать как полное, грамматически правильное, обладает свойством синтаксической элементарности. Характерная особенность таких элементарных предложений заключается в том, что они информативно достаточны, независимы от контекста. Отсюда видно, что, если минимальная структурная схема ориентирует нас на формальное устройство предикативной основы предложения, то элементарное предложение – на формальную и семантическую организацию более обширного комплекса компонентов, необходимых для выполнения предложением номинативной функции. Иначе говоря, синтаксически элементарное предложение состоит из минимальной структурной схемы и других конструктивно-обязательных компонентов. Такие конструкции, в отличие от минимальных структурных схем, и можно называть расширенными структурными схемами (РСС) или синтаксическими моделями предложения.

МСС и РСС относятся друг к другу, как часть к целому. Нетрудно заметить, что МСС – это конструкция,

которая может совпадать с традиционным нераспространенным двусоставным предложением (*Мен кёреме «Я вижу»*), но может и не совпадать с таким односоставным предложением. Ср. МСС *Барылады* и односоставную синтаксическую модель *Шахаргга былайтын барылады* «В город едут так». А РСС, включая в себя только обязательные компоненты, представляет собою законченную, но открытую структуру. Такая структура чаще всего совпадает с традиционным распространённым (*Мен сени кёреме «Я тебя вижу»*), реже – с нераспространённым предложением (*Къыш келди «Зима пришла»*).

К получению РСС предложения можно прийти разными путями. Исходным объектом анализа может служить широко распространённое предложение. Все факультативные компоненты его могут быть опущены. Опущение компонентов осуществляется до тех пор, пока не возникнет конструкция, дальнейшее свергивание которой приводит к образованию неполного предложения. Полученные таким образом предложения бывают конструктивно завершенными, а с точки зрения своего состава – минимальными. Например: *Тау сыртланы жапхан жишил аггачны ичинде анда-мында аггарган субай къайынчыкъланы бурма чачларын жел тарайды – Жишил аггачны ичинде анда-мында аггарган субай къайынчыкъланы бурма чачларын жел тарайды – Субай къайынчыкъланы бурма чачларын жел тарайды – Къайынчыкъланы бурма чачларын жел тарайды – Къайынчыкъланы чачларын жел тарайды.*

Дальнейшее свергивание данной конструкции приведет к образованию неполного предложения. На основе сопоставления полученных таким способом конструкций можно выявить одинаковые по структуре и смыслу или одинаковые по структуре, но разные по смыслу предложения.

Полнота-неполнота предложений, полученных методом исключения (опущения) компонентов, зависит в основном от соблюдения правил построения предложения, налагаемых валентностью лексемы, занимающей предикатные позиции. Валентность же такой лексемы зависит от характера лексического значения данной словоформы. Как мы видели выше, валентность многозначного глагола может изменяться от значения к значению и может сама служить, по словам О. И. Москальской, «лакмусовой бумажкой при исследовании

смысловой структуры соответствующего глагола» (*Москальская, 1974: 26*). Поэтому для установления присущих языку моделей предложения можно исходить из учета валентных свойств предиката. Многие исследователи при выявлении и описании РСС опираются именно на такие свойства предиката. При решении этой задачи мы также исходим из указанных свойств предикативных лексем. Однако, как уже говорилось выше, в карачаево-балкарском языке нередки случаи, когда одна и та же предикатная лексема служит основой для построения как двусоставной, так и односоставной модели предложения. То, что на ее основе можно построить двусоставную модель предложения, установить легко, а о том, опираясь на эту лексему, можно построить и односоставную модель предложения, догадаться трудно. Это объясняется многими причинами. Основные из них следующие: 1) все рассматриваемые лексемы всегда употребляются в качестве предиката двусоставной модели. Исключений почти не бывает; 2) связь (управление) распространителей предложения с данными лексемами в двусоставных моделях – сильная, а в односоставных моделях – слабая; 3) указанные лексемы при построении односоставных предложений используются гораздо меньше, чем при построении двусоставных предложений, и не во всех формах. Ср., например, употребление глагола в роли предиката безличного предложения в нулевой форме лица единственного числа, использование его в качестве предиката неопределенно-личного предложения лишь в форме третьего лица множественного, а иногда и единственного числа, и др.

Известно, что степень полноты выявленного и описанного исследователем списка моделей предложения любого языка зависит от полноты охваченного им языкового материала. Учитывая это, путем сплошного расписывания основных прозаических и поэтических произведений карачаевских и балкарских писателей, мы накопили большое количество материала. На основе этого обширного материала путем применения метода исключения нами был получен список моделей простых предложений карачаево-балкарского языка. Затем для пополнения списка моделей из имеющихся источников были выписаны словарные формы всех содержащихся в них глаголов и других лексико-грамматических разрядов слов, опробованных нами на валентность, что дало возможность уточнить и несколько расширить список моделей.

Нам кажется, что применение указанного комплекса приемов выявления моделей предложения и проверки выявленных фактов может привести исследователя к объективным выводам. Однако применение некоторых из названных критериев требует ряда оговорок и ограничений. Это касается в первую очередь критерия структурной обязательности компонентов предложения.

Как уже говорилось, некоторые компоненты семантической структуры предложения в карачаево-балкарском языке и других языках способны выражаться одновременно двумя типами средств: лексическими и морфологическими, а иногда – только лексическими или только морфологическими. В тех случаях, когда они находят одновременно лексическое и морфологическое выражение, лексическое средство их выражения, являющееся фактом поверхностной структуры предложения, трудно отнести без особых натяжек к обязательным компонентам предложения, поскольку и без него смысл предложения оказывается полным. Ср. двусоставное и традиционное односоставное определенно-личное предложение: *Мен Москвада турама* «Я живу в Москве» и *Москвада турама* «(Я) живу в Москве».

Признание подлежащего таких двусоставных предложений, выраженного местоимениями 1-го и 2-го лица или другими словами того же значения, необязательным ставит исследователя в затруднительное положение, так как в тех же предложениях подлежащее, выраженное словом со значением 3-го лица, является обязательным компонентом предложения. Ср.: *Ол Москвада турады* «Он живет в Москве» и *Москвада турады* «Живет в Москве».

Как видим, в отличие от предложения «*Москвада турама*» конструкция «*Москвада турады*» является неполной.

Все ученые, занимающиеся исследованием синтаксической семантики и моделирования предложения, касаясь атрибутивного компонента высказывания, подчеркивают, что последний не может быть отнесен к моделиобразующим членам предложения. При этом все они исходят из фактов нетюркских языков.

Анализ фактов карачаево-балкарского языка показывает, что с таким мнением невозможно согласиться. Встречаются, например, такие предложения, в которых притяжательный атрибут никак не может быть опущен без ущерба для информативной достаточности

предложения. Дело в том, что в данном языке имеются существительные, которые только в исключительных случаях употребляются без притяжательного определения или аффикса принадлежности, являющегося носителем значения такого определения. К таким существительным относятся слова, обозначающие части тела человека, и термины родства, например: *ата* «отец», *ана* «мать», *эгеч* «сестра», *аякъ* «нога», *кгол* «рука» и т.п. Исследователь карачаево-балкарского языка проф. У. Б. Алиев справедливо подчеркивал, что существительные эти органически или родственно связаны с каким-либо лицом и чаще встречаются с притяжательными аффиксами. Он это объяснял «отсутствием в карачаево-балкарском языке отвлеченного представления матери, руки, сестры, желания и т.д., то есть тем, что мать, рука, сестра, желание могут быть только чьими-нибудь» (Алиев, 1962: 24). Собранные нами факты свидетельствуют, что указанные существительные иногда могут быть употреблены вне отношения к словам, обозначающим лица, которым принадлежат предметы и лица, обозначенные вышеуказанными группами существительных. При таком употреблении данные существительные используются в языке без аффиксов принадлежности, например: *Кёзден кетген кёлден кетер* (Посл.) «Кого часто не видишь, тот забывается»; *Кгол кголли жууар* (Посл.) «Рука руку моет».

Такое функционирование этих существительных характерно только для пословиц и поговорок. В современном же карачаево-балкарском литературном языке они почти всегда употребляются с аффиксами принадлежности. В языке возможны и такие случаи, когда данные слова без этих аффиксов не употребляются.

В тех случаях, когда приведенные группы слов употребляются с аффиксами принадлежности, при них могут быть и лексически выраженные атрибуты. Тогда атрибут выражается лексико-морфологически. Если же лексическое средство его выражения отсутствует, притяжательный атрибут выражается только морфологически – притяжательным аффиксом. Ср.: 1) *Мени атым эмликди* «Моя лошадь является необученной, необузданной»; 2) *Атым эмликди* «(Моя) лошадь является необученной».

В этих предложениях атрибут выражается разными способами: в первом из них – лексико-морфологически, а во втором – морфологически. Поэтому такие конструкции идентичны по содержанию, но различа-

ются по способу выражения. Опущение лексического средства выражения атрибута здесь допустимо, потому что оно представляет собою слово, обозначающее 1-е лицо. То же самое относится и к аналогичной словоформе, обозначающей 2-е лицо. А опущение словоформы, занимающей позицию атрибута и обозначающей 3-е лицо, недопустимо, так как это ведет к образованию неполного предложения. Например: *Аны аты эмликди* – *Аты эмликди*. Второе из этих предложений явно неполное.

Таким образом, в одних и тех же предложениях одни и те же формы слов, занимающие одни и те же позиции, в одних случаях могут быть опущены без ущерба для информативной достаточности предложения, в других случаях – нет. Чтобы разрешить это противоречие, можно ввести следующее правило: если дальнейшее сокращение конструкции приводит к образованию хотя бы одного неполного предложения данной структуры, дальнейшее опущение компонентов конструкции должно быть прекращено, потому, что расширенная структурная схема уже имеется. Отсюда следует вывод, что лексемы, занимающие позиции прямого субъекта и притяжательного атрибута, – необходимые компоненты предложения: *Мен устазма* «Я учитель»; *Ол эсепчиди* «Он учетчик»; *Мени китабым сендеди* «Моя книга у тебя»; *Аны китабы мендеди* «Его книга у меня».

Признание слова со значением 1-го или 2-го лица, являющегося выразителем субъекта, обязательным компонентом предложения может привести исследователя к отрицанию наличия личных односоставных предложений. Однако в языке такие предложения в действительности существуют (см. об этом ниже), и включение указанных словоформ в число необходимых компонентов предложения должно пониматься не как отказ от признания данных конструкций, а как условный прием, облегчающий анализ моделей предложения.

Включение в состав модели предложения того или иного слова в отдельных случаях предопределяется не валентными свойствами предикатной лексемы, а другими факторами, а именно: характером структуры предложения, типом связей и отношений между ее компонентами и т.д. Например, предложения, в которых согласование сказуемого с подлежащим во мн. числе обусловлено наличием количественного опреде-

ления, при опущении последнего становятся аграмматичными, поэтому в таких случаях определение должно рассматриваться как необходимый элемент модели предложения, например: *Бригадада он адам ишлейдиле* «В бригаде работают десять человек».

Опущение определений может привести к изменению смысла предложения, а иногда даже к образованию ложных суждений. Ср. примеры: 1) *Бизге беш сом жетмейди* «Нам не хватает пяти рублей» – *Бизге сом жетмейди* «Нам не хватает рубля»; 2) *Окьумагган адамны билими болмайды* «У человека, который не учился, знаний не бывает» – *Адамны билими болмайды* «У человека знаний не бывает» и т.д. На наш взгляд, в этих случаях нецелесообразно выводить определение за границы расширенной структурной схемы предложения. Ср. еще предложения: *Тууган журтун сыймеген адам адам туюлдою* «Не любящий свою родину человек не является человеком» – *Адам адам туюлдою* «Человек не является человеком».

Определение может быть составной частью сказуемого. Опущение определения в данном случае также приводит к искажению смысла предложения, например: *Петро ары да, бери да аууша айланган адам туюл эди* «Петро не был колеблющимся человеком» – *Петро адам туюл эди* «Петро не был человеком».

Не учитывая подобных фактов, многие лингвисты утверждают, что опущение определений не приводит к изменению смысла предложения. Исследователь узбекского языка А. С. Сафаев совершенно справедливо возражает: «...определение в структуре предложения занимает особое место... Но нельзя определение исключать из ряда других членов предложения, делая его их придатком. Предложение типа *Одам одам эмас* с точки зрения семантики представляет собой полную бессмыслицу» (Сафаев, 1968: 29).

В рассмотренных случаях в результате опущения определений мы получаем не только неоднозначные, но и некорректные с точки зрения норм современного языка предложения.

Причиной информативной недостаточности может служить отсутствие компонентов, только в соединении с которыми главный член односоставного предложения получает однозначность. Например, сочетание *тютюн ичмейдиле* «не курят» только в сочетании с обстоятельством места образует неопределенно-личное предложение. А словоформа *сууукьду* «холодно» в со-

четании с таким обстоятельством образует безличное предложение: *Мында сууукду* «Здесь холодно».

Иногда временная форма глагола употребляется не в своем значении. В данном случае она без обстоятельства времени не может обозначать соответствующей временной отнесенности действия, поэтому такое обстоятельство также нужно рассматривать как необходимый компонент предложения (Почепцов, 1970: 68–69): *Мен ол китاپны былтыр окгугъанма* «Я эту книгу прочитал в прошлом году».

Таким образом, информативная недостаточность предложения бывает обусловлена не только необходимостью введения в синтаксическую конструкцию распространителей, связанных с компонентами схемы. Вернее, с предикатной лексемой, являющейся ядром схемы, например: *Поезд шахарга барады* «Поезд едет в город»; *Алим шахарда жашайды* «Алим живет в городе» и т.д. (Холодович, 1960; Адмони, 1976), но и другими причинами. Учитывая эти причины, можно утверждать, что РСС (или модель) предложения может включать в себя МСС и следующие конструктивные компоненты предложения: 1) предметные компоненты, необходимые для обеспечения информативной достаточности предложения, а именно: а) дополнения с различными субъектными значениями; б) падежные формы с различными объектными значениями; 2) компоненты с обстоятельственными значениями, необходимые для выполнения предложениями номинативной функции, а именно: а) компоненты, восполняющие информативную недостаточность односоставной и двусоставной модели; б) компоненты, в сочетании с которыми главный член односоставной модели предложения получает однозначность; в) компоненты, в сочетании с которыми временная форма глагола может обозначать соответствующую временную отнесенность действия; 3) определительные компоненты: а) притяжательное определение, необходимое для информативной достаточности предложения; б) определения, отсутствие которых ведет к образованию информативно недостаточных, некорректных предложений, ложных суждений и др.

Иными словами, компоненты предложения в построении РСС играют неодинаковую роль. Для установления этого важного фактора большое значение имеет рассмотрение компонентов предложения не только в их отношении друг к другу, как это принято в тюркологии, но и в их отношении к самому предложению.

Такой подход к их изучению подсказывает, что элементы предложения могут быть разделены на две группы: 1) компоненты, участвующие в создании РСС предложения и 2) компоненты, не участвующие в создании РСС предложения.

ОДНОМЕСТНЫЕ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

К важным задачам синтаксиса простого предложения относится установление перечня его моделей. Моделям простого предложения в последние годы уделяется большое внимание. Тем не менее, общепризнанного определения модели предложения до сих пор не существует. Одними лингвистами под моделью понимается предикативный минимум предложения (Шедова, 1966), другими – его номинативный минимум. Представители второй точки зрения признают необходимость введения в минимальную структурную схему информативно облигаторных распространителей (Золотова, 1969; Адамец, 1973; Ломтев, 1979). Применение последнего принципа позволяет выделить информативно достаточные модели предложений, чем и определяется его преимущество перед первым принципом, на основании которого можно выделить лишь схемы предложения, включающие в свой состав только компоненты, образующие предикативный минимум, полностью свободный от выявления присловных связей.

В данной статье впервые предпринимается попытка выявить на основе второй из упомянутых концепций основные одноместные простые глагольные модели предложений на материале одного из тюркских языков – языка карачаевцев и балкарцев.

Предложение нами рассматривается как языковая единица, формальная и семантическая структуры которой неразрывно связаны друг с другом.

Для записи модели мы применяем формулу формально-семантической структуры предложения, представленную в виде дроби, числителем которой является обозначение морфологического выражения компонентов модели в терминах частей речи и их форм, а знамен-

пателем – семантическая запись, представленная в показателях семантических компонентов.

Данные конструкции имеют общую формальную структуру $S_1 - \Gamma$. Функционально эта структурная схема может быть выражена формулой: «Подлежащее + глагольное сказуемое». Позицию сказуемого здесь занимают одновалентные глаголы разных семантических значений и залоговых форм, поэтому схема $S_1 - \Gamma$ служит для выражения ряда семантических структур. Рассмотрим основные из них:

1. Семантическая структура $S_{\text{сост}} - P_{\text{сост}}$ выражается формальной структурой $S_1 - \Gamma$, в которой позиция сказуемого занята глаголами, обозначающими психофизическое состояние человека, а позиция подлежащего – словами, обозначающими личный субъект. К указанному классу глаголов в карачаево-балкарском языке относятся: *ауру* «болеть», *ёл* «умереть», *абызыра* «растеряться», *ары* «уставать», *уян* «проснуться», *кыбыш* «мерзнуть», *жылын* «согреться», *мудахлан* «стать грустным» и т.д. Примеры: *Кёйчу жукълайды* «Чабан спит»; *Сабий уянды* «Ребенок проснулся»; *Хасан абызырады* «Хасан растерялся» и т.д.

$$CCM: \frac{S_1}{S_{\text{сост}}} - \frac{\Gamma}{P_{\text{сост}}}$$

В данной ССМ позицию предиката обычно занимают глаголы основного залога. Сюда мы относим и такие глаголы, как *уян* «проснуться», *жылын* «согреться», *жалын* «умолять», *алын* «взбеситься», которые в своем составе имеют аффикс возвратного залога *-н*, но не имеют соотносимых исходных глагольных основ (Зиннатуллина, 1969: 169). Иногда в данной позиции встречаются и глаголы в форме возвратного залога.

Большинство глаголов, выступающих в роли предиката рассматриваемой семантической структуры, не производны. Те же из них, которые являются производными, образованы от именных частей речи с помощью аффиксов *-лан/-лен* (*гузабалан*, *мудахлан*), *-ла/-ле* (*чибинле*), *-сын/-син* (*жюрексин*), *-ай* (*тынчай*) и др. СемС предложения, образованная на основе некоторых из этих глаголов, бывает синонимичной СемС, выраженной формальной структурой, в которой позицию предиката занимают имена, от которых образованы указанные производные глаголы, в сочетании со вспомогательными глаголами. Ср.: *Хаким тынчайды/*

Хаким тынч болду «Хаким успокоился»; *Харун кгартайды/Харун кгарт болду* «Харун постарел».

Таким образом, мы видим, что в карачаево-балкарском языке некоторые глагольные и именные предложения могут выражать одну и ту же семантическую структуру.

Указанные выше глаголы передают состояние или ощущение субъекта, состояние, в котором он оказывается в силу действия каких-то от него не зависящих внешних причин. Эти причины могут быть известными, и при необходимости говорящий может указать на них. Для этих целей в языке используются либо наречия причины, либо придаточные предложения причины, либо их аналоги.

Деление семантических ролей по семантическому признаку личность-предметность, или одушевленность-неодушевленность, основано на признании того, что личные субъекты обладают собственным поведением, чего нельзя сказать о предметных субъектах. Так, например, личные субъекты, в отличие от предметных, сами могут быть источником своего действия, не нуждаясь при этом в каком-либо постороннем движущем факторе. Предметные же субъекты таким свойством не обладают, поэтому для выполнения какого-либо действия нуждаются в постороннем движущем факторе (Богданов, 1977: 10–12). Это значит, что личные предикаты всегда характеризуются признаком активности. При наличии такого признака у субъекта предикат бывает активным, а при его отсутствии – пассивным. Однако среди одновалентных глаголов состояния встречаются и такие, которые обозначают преднамеренные, активные действия субъекта, приводящие его самого в определенное состояние, например: *кэбул* «сделать вид, будто являешься молчаливым», *кгошакглан/кокалан* «кокетничать, показать себя таким, каким не являешься», *жойкгуллан* «подхалимничать» и др. Например: *Раузат кокаланады* «Раузат кокетничает». Общая семантика такой модели, как и приведенной выше, – выражение состояния личного субъекта.

Таким образом, структурная схема S_1-I при заполнении ее компонентов глаголами, выражающими различные психофизические состояния личного субъекта, и словами, обозначающими человека или другие живые существа, представляет структурно-семантическую модель, семантическая структура которой состоит из пассивного или активного субъекта и пассивного или

активного предиката состояния. Некоторые глаголы, входящие в данный класс, отличаются друг от друга тем, что образованные на их основе высказывания могут быть распространены разными по качеству факультативными компонентами. Общее для этих конструкций состоит в том, что почти все они могут быть распространены конкретизатором причины. Отдельные из них могут включать в себя кроме названного и другие компоненты.

Следует отметить, что конструкция S_1-G , в которой позицию сказуемого представляют некоторые из приведенных глаголов, иногда распространяется лично-возвратным местоимением, занимающим позицию прямого объекта. Например, *Къыз кесин омакъландырады* «Девушка красуется». Как видно из данного примера, глагол-сказуемое принимает форму повелительного залога, а предложение формально становится трехкомпонентным. Но это не приводит к изменению смысловой структуры предложения, потому что слово, занимающее позицию объекта воздействия, здесь обозначает же самое лицо, что и слово в позиции субъекта (Храковский, 1978: 60, 61).

Носителем такой семантической структуры являются и формальные конструкции типа S_2-S_1-G в тех случаях, когда позиция S_2 заполнена словом со значением одушевленного предмета, позиция S_1 – словом, обозначающим часть тела этого предмета, позиция G – глаголом состояния; например: *Мени башым ауруду* «У меня болит голова».

Такие факты показывают, что один и тот же тип семантической структуры может быть присущ нескольким типам различной синтаксической структуры.

В карачаево-балкарском языке много одновалентных глаголов, на основе которых строятся предложения с формальной структурой S_1-G , выражающей пассивное состояние, приписываемое предметным субъектам.

В анализируемых предложениях рассматривается такое состояние, к которому приходят неодушевленные предметы под воздействием каких-либо внешних факторов, которые не находят какого-либо выражения в данных конструкциях, а предикат выступает в форме основного залога. В результате всего этого предметные актанты этих предложений носителями языка осмысливаются как слова, функционирующие в роли семантического субъекта. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить рассматриваемые конструкции с предложе-

ниями типа: а) *Сют уютулду* «Молоко заквашено»; б) *Жел урады* «Дует ветер».

2. Синтаксическая структура $C_1 - \Gamma$, когда позиция сказуемого в ней занята глаголами возвратного залога с собственно-возвратным значением, представляет семантическую структуру $C_1 - O_1 - \Pi_1$, например: *Атты кийинди* «Дядя оделся»; *Жашла тешиндиле* «Ребята разделись»; *Ата журтум жасанады* «Родина моя наряжается».

Указанная трехкомпонентная структура может передаваться трехкомпонентной синтаксической конструкцией $C_1 - C_4 - \Gamma$, когда позицию сказуемого в ней занимает, например, глагол *жуу* «мыть» в основном залоге, а позицию прямого объекта – слово *юс* «поверхность чего-либо». Ср.: *Ол юсюн жууады* «Он купается». Ср. еще: *Жашла тешиндиле* ($C_1 - \Gamma$)/*Жашла кийимлерин тешедиле* ($C_1 - C_4 - \Gamma$) «Ребята раздеваются». В данном случае позиция объекта занята словом *кийим* «одежда». В других же случаях в аналогичных трехкомпонентных синтаксических конструкциях данная позиция может быть занята только лично-возвратным местоимением: *Лиза сымарланады/Лиза кесин сымарлайды* «Лиза наряжается». Если не иметь в виду этот случай, то можно утверждать, что факт синонимичности по смыслу приведенных здесь для сравнения двухкомпонентных и трехкомпонентных синтаксических моделей при указанном лексическом заполнении говорит о правильности того вывода, что $C_1 - \Gamma$ в данном случае действительно выражает трехкомпонентную семантическую структуру. Таким образом, здесь выступает следующая ССМ:

$$\frac{C_1}{C_1 - O_1} - \frac{\Gamma}{\Pi_1}$$

3. Двухкомпонентным синтаксическим построением может быть выражена трехкомпонентная семантическая структура и в других случаях. Ср.: *Къойла тёллендиле* ($C_1 - \Gamma$) и *Къойла къозула тапдыла* ($C_1 - C_4 - \Gamma$) «Овцы окотились». Эти предложения в плане выражения отличаются друг от друга, а в плане содержания являются идентичными. В первом из них глагол является одноместным. Позиция, открываемая им, заполняется словами типа *къой* «овца», *ийнек* «корова», *мал* «скот» и т.п. Указанный одноместный глагол служит выразителем не только предиката. В нем, кроме

того, в скрытой, неявной форме выражается и значение объекта, как результата действия субъекта, поэтому структурно-семантическая модель предложений типа *Кёойла тёллендиле* может быть представлена в виде следующей записи:

$$\frac{C_1}{C_d} - \frac{Г}{O_{\text{вс}} - П_1}$$

Ср. еще: 1) *Мухтар фатарланды* «Мухтар получил квартиру» и *Мухтар фатар алды* «Мухтар получил квартиру»; 2) *Мырзақұл юйдегиленди* «Мырзақул стал семейным» и *Мырзақұл Жаннетаны алды* «Мырзақул женился на Жаннете».

Различие между семантикой данных предложений зависит от морфологической структуры и семантики глаголов, заполняющих позицию предиката. Семантика глаголов, в свою очередь, зависит от производящих основ, ср.: *мудах* – *мудахлан*, *фатар* – *фатарлан*.

4. Количество и характер валентности глагола иногда зависит от характера лексического наполнения «мест» в предложении. Например, возьмем предложение *Мазан жазады* «Мазан пишет». С грамматической точки зрения оно является полным, но не обладает информативной достаточностью: в нем не заполнена позиция объекта действия. При заполнении данной позиции словом «роман» это предложение становится информативно достаточным: *Мазан роман жазады* «Мазан пишет роман». При заполнении указанной позиции словом «письмо» это предложение таким признаком не обладает, потому что в данном случае глагол предполагает еще и позицию объекта-адресата, при заполнении которой мы получаем другую структурно-семантическую модель предложения (*Мазан Керимге письмо жазады* «Мазан пишет письмо Кериму»), отличную от модели *Мазан письмо жазады*.

Здесь отмечается зависимость валентности глагола от семантики слов, заполняющих объектные места в предложении.

Некоторые глаголы в форме основного залога могут служить базой для построения как двухкомпонентных, так и трехкомпонентных предложений, обладающих грамматической и информативной достаточностью, ср.: 1) *Сабий жюриюдю* «Ребенок ходит» (то есть может ходить) и 2) *Сабийле школгга жюриюдюле* «Дети ходят в школу»; 1) *Ол окгуйду* «Он читает» (вооб-

ще может или умеет читать) и 2) *Ол жомакъ окъуйду* «Он читает сказку».

Первые предложения этих пар конструкций построены по схеме $S_1 - Г$. Сравнивая их, можно заметить, что второе из них (*Ол окъуйду*) для передачи содержащегося в нем смысла опирается на контекст или «угол зрения» участников речи.

Первое из них (*Сабий жюрюйдю*) воспринимается информативно достаточным и вне контекста. В чем причина? Почему глагол *жюрю* может быть то одновалентным, то двухвалентным? Нам кажется, что в этом определенную роль играет также семантика слова, занимающего позицию подлежащего. Это подтверждается тем, что при замене слова *сабий*, например, словом *студент* данное предложение теряет признак информативной достаточности. Ср.: *Студент жюрюйдю* «Студент ходит». Глагольная лексема в данном случае требует наличия локального конкретизатора: *Студент библиотекага жюрюйдю* «Студент ходит в библиотеку».

Замена предикатной лексемы указанных типов предложений со структурой $S_1 - Г$ глаголом в форме возможности-невозможности освобождает данные конструкции от опоры на конситуацию, ср.: *Сабий жюрюялды* «Ребенок может ходить»; *Алик окъуялды* «Алик может читать» и т.п.

На основе подобных фактов можно считать, что в карачаево-балкарском языке двухвалентные глаголы движения и действия в форме основного залога могут быть использованы для построения предикативных конструкций со структурой $S_1 - Г$, в которой позицию подлежащего замещают слова, обозначающие человека, то есть личного субъекта. Позиция сказуемого в них бывает занята предикатом движения или действия, и в результате этого мы получаем следующие ССМ:

$$\frac{C_1}{C_{\Delta}} - \frac{Г}{П_{\Delta}}$$

и

$$\frac{C_1}{C_{\Delta}} - \frac{Г}{П_{\Delta}}$$

В таких моделях действие, выражаемое глаголом, важно не само по себе, а подается как свойство личного субъекта (*Гак*, 1972: 80).

Глаголы, обозначающие различные действия и движения, перемещения человека, в форме основного залога, как правило, бывают поливалентными. Однако, как видно из наших примеров, при необходимости они могут быть использованы и для построения двухкомпонентных предложений. При этом определенную роль играет точка зрения участников коммуникации. Говоря о психологии восприятия, В. Г. Гак подчеркивает, что наблюдатель выделяет одно или несколько свойств предмета в качестве наиболее информативных. Процесс выделения признаков может быть более или менее осознанным, нередко он объясняется «активной доминантой сознания», – «установкой». Например, при восприятии некоторого движения может быть выделен признак «способ передвижения», либо оба признака (аспекта) одновременно (Шмелева, 1978: 358). В рассмотренных нами случаях мы имеем дело с выделением самого действия как свойства личного субъекта с отвлечением от его характеристик. Здесь можно видеть один из случаев того, что языковой знак меняет свою сущность в зависимости от точки зрения говорящих.

5. Глаголы страдательного залога образуют самостоятельный тип структурно-семантической модели предложения.

Следует отметить, что вопрос о залогах глагола вообще и об их отношении к структурно-семантическому моделированию предложения – в частности, в карачаево-балкарском языкознании пока еще никем не ставился. Вопрос о страдательной форме глагола, о ее семантике и значении в построении предложения в тюркских языках является спорным.

Так, например, Г. Садвакасов пишет: «Страдательный залог указывает на то, что субъект подвергается действию со стороны другого лица» (Садвакасов, 1976: 195). В действительности же субъектом в данных конструкциях является лексема, называемая рядом авторов «чужим источником действия» или «другим лицом», а та, которая квалифицируется ими как субъект (слово, занимающее в страдательной конструкции позицию подлежащего), представляет собой по сути дела объект. К такому неверному выводу исследователей приводит представление о подлежащем как о выразителе субъекта. Однако подлежащее не всегда может служить выразителем семантического субъекта. Рассматриваемая конструкция как раз показывает, что

асимметрический дуализм наблюдается не только между «поверхностной структурой», компоненты которой обозначены формами слов и семантической структурой, но и между «поверхностной» структурой, компоненты которой обозначены членами предложения и смысловой структурой предложения. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить конструкции, в которых позицию сказуемого занимают глагольные лексемы в основном и страдательном залогах:

1) *Студент китанны окъуйду* (С₁–С₄–Г) «Студент читает книгу»;

2) *Китап окъулады* (С₁–Г) «Книга читается (кем-то)».

При замене основного залога страдательным в структуре предложения происходят определенные изменения: а) субъектная лексема С₁ опускается; б) ее позицию занимает объектная лексема С₄; в) в результате этого меняется форма, следовательно, и синтаксическая функция объектной лексемы, но это не приводит к изменению ее семантической роли. И получается следующая ССМ:

$$\frac{С_1}{О_4} - \frac{Г}{П_4}$$

Формально выраженного субъекта в этих моделях нет. Такой конструкцией пользуются в тех случаях, когда необходимо указать не на производителя действия, а на то, что объект подвергается тому или иному воздействию. По признаку отсутствия формально выраженного производителя действия (субъекта) рассматриваемые предложения сходны с безличными конструкциями. Однако эти предложения к безличным никак из исследователей тюркских языков не относятся, ибо данные предикативные конструкции включают в свой состав лексически выраженное подлежащее, которое, как мы выше пытались показать, ошибочно рассматривается как выразитель субъекта. В некоторых тюркских языках в качестве выразителя субъекта в рассматриваемой конструкции могут выступать такие словоформы и последложные конструкции, которые на функциональном уровне играют роль дополнения (Грамматика азербайджанского языка, 1971: 135–141). Данное положение подтверждается фактами башкирского, татарского, хакасского и других тюркских языков. В одних из них в качестве средств выражения субъекта используются сочетания имени с послелогом

(Юлдашев, 1961: 241; Зиннатуллина, 1969: 135–141), в других – орудийный или дательно-направительный падеж (Грамматика хакасского языка, 1975: 178, 179).

Таким образом, возникает следующая модель предложения:

$$\frac{C_1\text{-подлежащее}}{O_{\text{действия}}} - \frac{C_1(\text{базис})\text{подлежащее}}{C_{\text{действия}}} - \frac{\Gamma(\text{в страд. залоге})}{\Pi_{\text{действия}}}$$

Позицию C_1 в схеме $C_1 - \Gamma$ могут занимать слова, обозначающие предметы или лица, а позицию Γ – глаголы в страдательном залоге с различной семантикой. В зависимости от этого на основе данной формальной схемы могут быть образованы следующие модели:

а) предложения, семантическая структура которых состоит из предиката действия и объекта, подверженного этому действию, например, *Бичакъ биленди* «Нож (кем-то) наточен»; *Тюкен жабылды* «Магазин (кем-то) закрыт».

Хотя здесь субъект и выражен формально, он может подразумеваться и из контекста. Им может быть сам говорящий или другие лица. Ср.: *«Жулдуз» колхозда кюз ишле иги бардырыладыла; Тирлик кезиунде жыйылганды; Мал ашла хазырлангандыла; Урлукъ себилгенди* «В колхозе «Звезда» осенние работы проводятся хорошо; Урожай убран вовремя; Заготовлены корма; Семена посеяны». Здесь три предложения рассматриваемого типа. Из контекста видно, что производитель действия в них общий и что он здесь мог бы быть выражен словом *колхозчула* «колхозники».

Структурно-семантическая организация всех таких предложений выражается следующей схемой:

$$\frac{C_1}{O_a} - \frac{\Gamma_{\text{страд.}}}{\Pi_a}$$

б) предложения, семантическая структура которых состоит из предиката состояния и объекта, подверженного этому состоянию: *Ат арытылды* «Лошадь (кем-то) утомлена»; ССМ таких предложений:

$$\frac{C_1}{O_{\text{сост}}} - \frac{\Gamma_{\text{страд.}}}{\Pi_{\text{сост}}}$$

в) в тех случаях, когда позиция сказуемого в формальной структуре $C_1 - \Gamma_{\text{страд.}}$ занята глаголами мышления, на ее основе строится следующая ССМ:

$$\frac{С}{О_{мышл}} - \frac{Г}{П_{мышл}}$$

Пример: *Адил танылды* «Адила узнали».

Страдательный залог образуется только от ограниченного числа глаголов мышления. При этом не все глаголы данного семантического класса в страдательном залоге выступают как одноместные лексемы. По этим причинам рассмотренная структурно-семантическая модель предложения встречается реже других моделей.

6. Некоторую часть глагольной лексики карачаево-балкарского языка составляют глаголы, образованные от звуко- и образоподражательных слов. Эти глаголы по своей семантике бывают различными. Среди них самостоятельную группу составляют глаголы звука, которые могут быть условно разделены на следующие подгруппы: а) глаголы, обозначающие звуки неодушевленных предметов; б) глаголы, обозначающие звуки одушевленных предметов (не-лиц); в) глаголы, обозначающие звуки одушевленных предметов (лиц).

Глаголы третьей подгруппы распределяются по другим семантическим типам: глаголы движения (*тыпырда* «отбиваться ногами, руками и проч.»), глаголы состояния (*хурулда* «храпеть»), глаголы речи (*дыбылда* «бормотать») и т.д.

Глаголы первой группы отличаются от глаголов других семантических типов, и некоторыми тюркологами они выделяются в самостоятельную группу (*Харитонов*, 1954: 13). Однако эту точку зрения разделяют не все исследователи (*Пзаяев*, 1970: 10–12). Анализ фактов карачаево-балкарского языка показывает, что данные глаголы среди одновалентных занимают особое место. В отличие от глагольных лексем, условно объединенных нами под общим названием «глаголы звука», рассматриваемые глаголы требуют предметного субъекта, так как они обозначают звуки, издаваемые неодушевленными предметами, то есть предметными субъектами под воздействием каких-либо внешних факторов, не имеющих формального выражения в модели простого предложения. Речь идет о простых предложениях, в которых предикатная лексема употребляется в форме основного залога. В других случаях эти факторы отражаются в языке тем или иным способом. Ср.: *Жел урады, тауукъ орунну эшиги гъыжылдайды* «Дует ветер, дверь курятника скрипит»; *Жел*

тауукъ орунну эшигин гыжылдатады «Из-за ветра дверь курятника скрипит».

Как и формальная структура, семантическая структура рассматриваемых предложений состоит из двух компонентов: предиката звука и субъекта звука. Их общая семантика: выражение звука как свойства предметного субъекта.

$$CCM: \frac{C_1}{C_{\text{тип}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{м.}}}$$

Примеры: *Телефон зынгырдады* «Зазвонил телефон»; *Юйбюэню терезелери зынгырдадыла* «Стекла окон нашего дома зазвенели»; *Самолётла гюрюлдей эдиле* «Самолеты гудели» и т.п.

7. Модель С – Г может иметь в качестве сказуемого одновалентные глаголы звука *кюкюре/гюрюлде* «греметь», требующие заполнения позиции подлежащего именем существительным *кёк* «небо». Например: *Кёк кюкюрейди* букв. «Небо гремит»; *Кёк гюрюлдейди* «Гром гремит».

В формальном отношении данные предложения состоят из тех же компонентов, что и предложения типа *Телефон зынгырдады*, *Самолёт гюрюлдейди*, однако последние два предложения отличаются от предложений указанного типа своей общей семантикой. Конструкции *Телефон зынгырдады*, *Самолёт гюрюлдейди* показывают способность предметных субъектов издавать звуки. Предложения же *Кёк кюкюрейди* и *Кёк гюрюлдейди* передают состояние атмосферы (см. ниже п. 9).

Таким образом, факты свидетельствуют, что предложения, состоящие из одинаковых формальных и семантических компонентов, могут различаться своей общей семантикой. Поэтому нельзя считать достаточной трактовку семантической структуры предложения, сводя ее к набору структурно-смысловых компонентов или к совокупности элементарных значений. Специфика семантической структуры предложения определяется не только составом компонентов, но и их взаимосвязью.

8. Ср. предложения: *Тауукъ кьанкьылдайды* «Квохчет курица»; *Атла кишнейдиле* «Кони ржут»; *Бёру улуйду* «Воет волк» и т.п.

Как видим, в основе всех этих предложений также лежит структурная схема $C_1 - \Gamma$. Однако, в отличие от только что рассмотренных предложений, в данных кон-

струкциях позицию сказуемого занимают глаголы звука, при которых позиция подлежащего может быть заполнена только словами, обозначающими животных и других живых существ, но не лиц. По этой причине субъекты приведенных здесь предложений отличаются от субъектов предложений, рассмотренных ранее, по признаку « активность-пассивность ». Субъект приведенных здесь предложений характеризуется активностью. Общая семантика этих конструкций – выражение звука как свойства одушевленного субъекта (не-лица). В отличие от личного субъекта ($C_{\text{л}}$) такой субъект можно назвать субъектом-не-лицом ($C_{\text{не-лицо}}$).

Семантическая структура указанных предложений двухкомпонентна: одушевленный субъект (не-лицо) звука и предикат звука.

$$\frac{C_1}{C_{\text{не-лицо}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{зв}}}$$

Однако глаголы, обозначающие звуки неодушевленного субъекта (не-лица), могут раскрыть позицию объекта-адресата, на что не способны глаголы, обозначающие звуки предметного субъекта. При этом позиция объекта-адресата бывает обязательной. В этом проявляется сходство некоторых из данных глаголов с отдельными глаголами речи, ср.: 1) *Раузат санга кгычырады* «Раузат кричит на тебя»; 2) *Ит атлыгга юреди* «Собака лает на всадника».

9. Говоря об отношении языка и мышления к действительности, Б. А. Серебrenников совершенно справедливо пишет, что «необходимо всегда иметь в виду известное качественное различие между мышлением и языком как средством коммуникации» (Серебrenников, 1977: 157). Создание языка ведет к искажению действительности. В предложениях типа «лес шумит» и «река течет» осуществлена явная персонификация предметов неживой природы: лес сам не может шуметь и река сама не может течь (Серебrenников, 1977: 158). То же самое можно сказать о таких предложениях, как *Кёк жашнайды* букв. «Небо сверкает» и *Кёк чаггады* букв. «Небо искрится». На определенном этапе развития человеческого мышления окружающая природа отождествлялась с живым существом, небу приписывались такие способности, как сверкать, искрится. В результате длительного употребления указанные эпитеты и выражения закрепились в языке.

Следует отметить, что в рассматриваемом случае схема С₁ – Г является структурой с прикрепленным лексическим составом: позиция С₁ заполняется только существительным *кёк*, а позиция Г – лишь глаголами *жашна*, *чакъ* (от *чакъ* «сверкать»), *гюрюлде/кюкюре* «греть». При таком лексическом наполнении компонентных мест данной схемы состояние атмосферы выражается как признак бытия.

В карачаево-балкарском языке имеется единственный в своем роде глагол (*чууакълан* < *чууакъ*+*лан*), который сочетается только со словом *кюн* «солнце», употребляющемся в значении «погода», например: *Кюн чууакъланды* «Погода проясняется». СемС этой модели предложения состоит из предиката состояния и субъекта состояния. Ее общая семантика – состояние погоды.

Такой же смысл передается двухкомпонентными предложениями, в которых позиция сказуемого занята глаголами *ачыл* «проясняться» (букв. «открываться»), *игилен/тюзел* «улучшаться», а в роли подлежащего выступает то же самое слово *кюн*, например: *Кюн игиленди* «Погода улучшилась»; *Кюн ачыллыкды* «Погода прояснится».

В языке имеются именные предложения, синонимичные данным глагольным конструкциям. Например: *Кёк чууакды* «Погода ясная»; *Кёк тазады* «Небо чистое». Замена лексемы *кёк* каким-либо другим словом обязательно приводит к изменению смысла как указанных глагольных, так и синонимичных с ними именных предложений. Ср.: 1) *Кёк жашнайды* «Сверкает молния» и 2) *Республика жашнайды* «Республика расцветает». Или: 1) *Кёк тазады* «Погода ясная» и 2) *Хауа тазады* «Воздух чист». Из этого следует, что для установления смысла и выделения структурно-смысловых типов предложения важно бывает учитывать характер семантического качества не только предикатной, но и субъектной лексемы.

10. Структурная схема С₁ – Г может включать в качестве сказуемого глаголы *жау* «идти, падать» (об осадках), *жабалакъла* «падать большими хлопьями» (о снеге), *себеле* «порошить», которые требуют заполнения позиции подлежащего только именами существительными *жауун* «дождь», *къар* «снег» и *буз* «град». При таком лексическом наполнении СемС указанной схемы также двухкомпонентна: предикат процесса и субъект процесса (*Гак*, 1977: 225).

$$\text{CCM: } \frac{C_1}{C_{\text{проц}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{проц}}}$$

Общая семантика данной модели предложения – выражение процесса как явления природы. Аналогичную СемС имеют и двухкомпонентные предложения, в которых в качестве выразителя предиката выступают глаголы *ур* «дуть», *шошай* «утихать» (о ветре), а в качестве выразителя субъекта – лексемы *жел* «ветер», *аяз* «ветерок», *тебенниги* «ветер, который дует снизу».

Этот семантический вид предложения также характеризуется прикрепленным составом лексики, заполняющей ее компонентные места. Примеры: а) *Къар жаугганды* «Выпал снег»; б) *Жел шошайды* «Ветер стих».

11. Самостоятельная структурно-семантическая модель предложения представляется схемой С – Г и в том случае, когда позиция С₁ занята именами существительными с предметно-временной семантикой: *къыш* «зима», *жай* «лето», *жаз башы* «весна», *кюз/къыр-къар* «осень», а позиция Г занята глаголами *кел* «прийти», «наступить», *оз* «проходить», *жууукълаш* «приближаться» и т.п. При этом данная схема показывает приближение, наступление и т.п. времен года. Например: *Къыш жууукълашады* «Зима приближается»; *Кюз кетди* «Осень прошла» и т.д.

Как видно из примеров, в данной модели предложения в качестве выразителя предиката выступают глаголы движения. Для того, чтобы предложение было информативно достаточным, глаголы данного класса обычно требуют наличия локальных конкретизаторов. Но в сочетании с указанными выше именами существительными, занимающими позицию С₁, эти глаголы «снимают» данные требования и образуют двухкомпонентные предикативные конструкции, являющиеся самодостаточными как в грамматическом, так и в смысловом отношении.

12. В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, имеются такие двухкомпонентные предложения, СемС каждого из которых состоит из субъекта и предиката количества. Общая семантика таких предложений: изменение количества личного и предметного субъекта под воздействием каких-либо внешних факторов.

$$\text{CCM: } \frac{C_1}{C_{\text{кол}}} - \frac{\Gamma}{\Pi_{\text{кол}}}$$

Примеры: *Къойла кёбейгендиле* «Овец стало больше»; *Спортсменле азайдыла* «Спортсменов стало меньше».

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что одна и та же реальность может быть обозначена разными языковыми средствами, точно так же, как одно и то же языковое средство может служить для выражения различных ситуаций. Структура модели предложения зависит в основном от валентных свойств предиката, а ее семантика – от лексического наполнения семантических позиций предложения.

МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫМИ ПОСЛЕЛОЖНЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ

Прежде чем приступить к анализу языковых фактов, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, следует отметить, что выявление и описание формально-семантических моделей предложений отдельных языков является одной из важнейших задач синтаксиса. Однако в вопросе о том, что понимать под моделью (схемой) предложения, среди лингвистов пока еще нет единого мнения. Дискуссии и поиски, которые велись вокруг этого понятия, привели к утверждению двух основных принципиально различных пониманий модели предложения, ориентированных на разный объем минимума предложения. Требование минимализации предложения, сведение его до «обязательного минимума» характерно для всех определений модели предложения, которые встречаются в лингвистической литературе последних лет. Одни лингвисты считают, что под моделью необходимо понимать предикативный минимум предложения. По их мнению, компонентами двусоставной модели являются подлежащее и сказуемое, а в состав односоставной модели входит лишь главный член предложения (*Шведова, 1966, 1970; Кокорина, 1974*). Однако анализ многочисленных фактов показывает, что для выделения формально-семантических моделей простого предложения не всегда возможно ограничиться включением в состав модели только главных членов предложения. Как и большинство исследователей (*Холодович, 1960; Лом-*

тев, 1974), при определении понятия модели мы опираемся на номинативный минимум предложения. При этом мы исходим из признания того, что необходимо говорить о формальной и смысловой структурах предложения. Под формальной моделью понимается такая абстрактная схема предложения, которая представлена в терминах классов слов или членов предложения и берется в отвлечении от ее конкретного лексического наполнения. В общем смысле синтаксической структурой предложения считают «представленное в абстрагированном виде соотношение сочетающихся в предложении смысловых отрезков, отраженное в его формальной и словесной организации и обобщенно представляющее его информативное содержание» (Шведова, 1975: 126). В состав формально-семантической модели предложения входят все обязательные компоненты предложения, обеспечивающие построения таких синтаксических структур, которые способны вне контекста выразить свойственный предложению смысл, «некое положение дел», определенное событие, ситуацию. Этот смысл формируется в результате лексического заполнения «мест» указанных структур. Как совершенно справедливо отмечает Н. Н. Арват, формальные модели предложения «не являются полностью охватывающими весь лексический материал языка и «равнодушными» к своему лексическому наполнению. В лексическом наполнении компонентных мест наблюдаются лексическая несвободность, ограничения и определенные тенденции» (Арват, 1975: 14). Оказываясь в различном лексическом окружении в предложениях с различными значениями, все имеющиеся в языке словоформы выражают определенное число различных семантических компонентов предложения. К словоформам, выражающим семантические компоненты предложения, кроме падежных форм слов относятся еще и послеложные сочетания.

В лингвистической литературе можно встретиться с трактовкой семантической структуры предложения как набора семантических компонентов или как совокупности элементарных смыслов. Однако нельзя считать полным такое определение смысловой структуры предложения. Специфика семантической структуры определяется не только набором своих компонентов, но и их отношениями, взаимосвязью. Отношения между семантическими компонентами устанавливаются на основе синтаксической и смысловой связи, отражаю-

щей отношения между фактами объективной действительности (Чеснокова, 1973: 8, 9).

В семантической структуре предложения его смысл представляется в расчлененном виде, что выражается в компонентном перечне. Например, семантическая структура предложения *Къурулушчу юй ишлейди* «Строитель строит дом» состоит из субъекта действия (С_з), объекта действия (О_з) и предиката действия (П_з).

В общей же семантике предложения его смысл передается целостно. Общая семантика предложения, в формировании которой решающее значение имеет направленность и характер отношений между компонентами, показывает обобщенную информативную сущность предложения. Ср. предложения *Мени атым барды* «У меня имеется лошадь» и *Мени саулугъум барды* «У меня есть здоровье», которые в плане выражения идентичны, но отличаются в плане содержания.

Общая семантика первого предложения: наличие у личного субъекта определенного одушевленного предмета. Общая семантика второго предложения: выражение состояния личного субъекта. Такую же общую семантику выражает предложение *Мен саулугълума* «Я здоровый».

Сравнивая такие факты, легко установить, что один и тот же смысл может выражаться различными по формальной структуре предложениями. Еще чаще встречаются случаи, когда одна и та же формальная схема служит для выражения нескольких семантических структур, следовательно, и для выражения различных смыслов.

Для записи формальной схемы предложения здесь применяются следующие символы: С₁, С₂, С₃, С₄, С₅, С₆ – падежные формы имени существительного или заменяющих его слов, где С₁ – имя в основном падеже, С₂ – имя в родительном падеже, С₃ – имя в дательно-направительном падеже, С₄ – имя в винительном падеже, С₅ – имя в местном падеже и С₆ – имя в исходном падеже; Стаб_з, С_{дери} и т.п. – имя в сочетании с последогом *таба*, имя в сочетании с последогом *дери* и т.п.; Г – глагол основного залога в личной форме, Г_{страд} – личная форма глагола в страдательном залоге, Г_{взаимн} – личная форма глагола во взаимно-совместном залоге, Г_{возвр} – личная форма глагола в возвратном залоге, Г_{понууд} – личная форма глагола в понудительном залоге. Значения символов и сокращений, используемых для записи семантической структуры предложения, объясняются в

тексте статьи. Структурно-семантическая модель (СМ) предложения представляется ниже в виде дроби, в которой над чертой указывается грамматическая форма компонента предложения, под чертой – выражаемый данной формой семантический компонент предложения.

Как известно, в тюркских языках имеет место использование одной падежной формы вместо другой. В отличие от этого явления, которое является редким (Щербак, 1972), чаще встречаются случаи взаимной замены падежной формы и послеложного сочетания, т.е. сочетание имени с послелогом. Об этом в достаточной мере свидетельствуют и факты карачаево-балкарского языка.

В карачаево-балкарском языке не все значения падежей находят себе замену в послеложных сочетаниях, точно так же, как и не все значения послеложных сочетаний могут быть репрезентированы падежными формами. Даже в тех случаях, когда они рассматриваются как взаимозаменяемые, падежные формы и послеложные сочетания отличаются друг от друга определенными оттенками значений. Часто послеложными сочетаниями выражаются такие семантические компоненты предложения, которые не передаются падежными формами слов. Это закономерно отражается на семантике синтаксических конструкций, что нельзя не учитывать при структурно-семантическом анализе предложения.

Задача данной статьи – выявление и описание тех моделей предложения, которые образуются с участием семантических компонентов, репрезентируемых такими послеложными сочетаниями, которые не заменяются падежными формами слов.

1. Структурно-семантические типы моделей предложения, построенные по схеме $C_1 - C_{\text{блн}} - T$

Предложения, построенные по данной абстрактной схеме, на функциональном уровне представляют собой структуру, состоящую из подлежащего, дополнения и сказуемого. Данная структура в зависимости от характера лексического наполнения синтаксических позиций выступает в роли выразителя различных семантических структур. Это в первую очередь определяется характером лексического наполнения позиции сказуемого. Как

показали наши наблюдения, в роли сказуемого рассматриваемых структур употребляется ограниченный круг глаголов, используемых в форме одного из залогов, кроме повелительного. Общим для всех этих лексико-семантических групп или подгрупп глаголов является то, что на основе своих валентных свойств они создают такие синтаксические структуры, представляющие собой высказывания, способные функционировать в качестве самостоятельной единицы сообщения, и независимо от контекста передающие свойственное соответствующему структурному типу семантико-синтаксическое значение.

1. В позиции сказуемого рассматриваемых структур употребляются такие глаголы речи, как *кенгеи*, *ушакъ эт*, *сёлеи*, которые в данном случае объединяются выражением общего для них значения «беседовать».

Синтаксические структуры с глаголами речи, кроме предиката речи ($P_{\text{речи}}$), могут содержать субъект речи ($S_{\text{речи}}$), объект речи ($O_{\text{речи}}$) и адресат речи ($O_{\text{адр}}$). В предложениях, выражающих процесс речи, некоторые из данных компонентов могут быть опущены. Как отмечалось выше, это может быть обусловлено не только контекстом, но и характером представления события реальной действительности. В том случае, когда событие речи представлено в языке так, что указание на тот или иной компонент процесса речи несущественно, он не называется, формально не выражается. Но это не значит, что он не может предполагаться как событие речи.

В предложениях с глаголами *сёлеи* и *ушакъ эт* «беседовать» по этой причине опускается объект речи ($O_{\text{речи}}$), который характеризуется неопределенностью, ср.: *Ибрагим жашчыкъ бла сёлеше тура эди* (Х. А.) «Ибрагим разговаривал с мальчиком»; *Устаз студент бла ушакъ этеди* «Преподаватель беседует со студентом».

Здесь возникает вопрос о статусе данных структур, то есть о том, являются ли они неполными реализациями соответствующих трехместных структур или самостоятельными моделями. Исходя из изложенного выше, мы считаем, что они, хотя в них объект речи и не выражен, должны рассматриваться как самостоятельные модели, обладающие особой семантикой по сравнению с трехместными предложениями, в которых выражены все компоненты процесса речи (Ломтев, 1979: 143; Величко, 1973: 3).

В вышеприведенных предложениях позиции S_1 и $S_{\text{бл}}$ замещаются наименованиями одушевленных предметов, чаще наименованиями лиц. Лица, обозначаемые

C_1 и $C_{\text{ана}}$, участвуют в одной и той же ситуации и выполняют одно и то же действие. Отношения между данными участниками процесса речи являются симметричными. Симметричным считается такое отношение между указанными участниками речи – собеседниками, при котором они в процессе речи поочередно меняются ролями: сначала первый собеседник становится субъектом, а второй – адресатом, а потом второй собеседник становится субъектом, а первый – адресатом. Это продолжается до конца процесса речи. Ср.: *Ибрагим жашчыкь бла сёлешеди* «Ибрагим разговаривает с мальчиком» и *Жашчыкь Ибрагим бла сёлешеди* «Мальчик разговаривает с Ибрагимом».

То, что участники процесса речи могут меняться ролями, объясняется спецификой семантики предиката. В этом определенную роль играет еще и то, что для выражения одного из данных семантических компонентов использовано сочетание $C_{\text{ана}}$. Ср. предложение, в котором адресат речи выражен другим средством, например, формой C_x *Ибрагим жашчыкьгга сёлешеди* «Ибрагим говорит мальчику». Здесь предикат выражен тем же глаголом *сёлеш*, но имеющим иное по сравнению с рассмотренными предложениями значение, а именно «говорить», а не «беседовать». Поэтому участники речи (субъект речи и адресат речи) в данном случае не могут меняться ролями. Отношения между участниками ситуации, при которых они в процессе речи не могут меняться ролями, является несимметричным.

Ситуации, требующие двух участников, между которыми устанавливается симметричное отношение, А. А. Холодович называет симметричными. Для обозначения таких семантических компонентов он использует термины «субъект» и «косубъект» (Холодович, 1978: 7). В предложениях типа *Ибрагим жашчыкь бла сёлешеди* семантический актанта, выраженный формой C_1 , является субъектом речи. А семантический компонент, выраженный сочетанием $C_{\text{ана}}$ (вслед за А. А. Холодовичем) можно было бы называть косубъектом. Однако косубъект встречается не только в предложениях, выражающих процесс речи, но и в других конструкциях. Поэтому, чтобы разграничить типы косубъектов, указанный актанта назовем косубъектом речи ($\text{Ко}C_{\text{речи}}$).

Семантическая структура (СемС) рассматриваемых предложений состоит из трех семантических актанта: субъекта речи, косубъекта речи и предиката речи.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{речи}}} - \frac{C_{\text{бли}}}{\text{Ко}C_{\text{речи}}} - \frac{G_{\text{замини}}}{\text{Пречи}}$$

Общая семантика: ситуация речи, в которой участвуют субъект и косубъект, каждый из которых совершает одинаковые действия.

Таковую же семантику имеют предложения, выражающие процесс речи, в которых позиция предиката замещена формой взаимно-совместного залога глаголов *ушакъ эт* «беседовать», *даула* «претендовать» (ср. *даулаш* «спорить»), *шыбырда* «шептать», *къычыр* «кричать», *дауур эт* «шуметь» и др. Например: *Мухажир къонишусу бла шыбырдаша эди* (Ж. Т.) «Мухажир шептался со своим соседом»; *Мустафир аны бла даулашды* (З. Т.) «Мустафир поспорил с ним» и т.п.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{речи}}} - \frac{C_{\text{бли}}}{\text{Ко}C_{\text{речи}}} - \frac{G_{\text{замини}}}{\text{Пречи}}$$

Следует отметить, что в форме данного залога в роли предиката предложений рассматриваемого структурного типа употребляются отдельные глаголы и некоторых других лексико-семантических классов или подклассов.

2. Из глаголов движения в данной функции встречаются только те, которые обозначают способ движения: *чап* «бегать», *секир* «прыгать», *сюркел* «ползать», *жюз* «плавать», а также *тубе* «встречаться». Например: *Эришудд** *Мирзоев Петров бла чабыша эди* «В соревнованиях Мирзоев бежал вместе с Петровым»; *(Россей) спортсмен да аны бла секиришеди* «Российский спортсмен в прыжках также соревновался с ним» и т.п. В таких предложениях позиции подлежащего и дополнения, как и в рассмотренных конструкциях, замещаются наименованиями лиц, а иногда и других одушевленных предметов.

Форма C_1 выражает субъект движения, а сочетание $C_{\text{бли}}$ – такой семантический актант, действие которого совпадает с действием субъекта движения. Поэтому данный элемент необходимо рассматривать как косубъект движения ($\text{Ко}C_{\text{д}}$).

Семантическая структура рассматриваемых предложений состоит из субъекта движения, косубъекта движения и предиката движения.

* В скобках здесь и далее даются факультативные компоненты предложений.

$$CCM: \frac{C_1}{C_{дл}} - \frac{C_{блн}}{КоС_{дл}} - \frac{\Gamma_{взаимн}}{\Pi_{д}}$$

Общая семантика: участие в одном и том же действии соревнующихся субъекта и косубъекта.

Следует отметить, что некоторые исследователи ставят знак равенства между косубъектом и контрагентом, включая их в категорию объекта – активного участника действий. Это ведет к отождествлению таких семантических структур, как $C_{решн} - КоС_{решн} - Прещц_ С_{дл} - КоС_{дл} - \Pi_{д}$ и др.

Поэтому такая точка зрения не может быть нами принята.

3. В тех случаях, когда позиция $\Gamma_{взаимн}$ в конструкции $C_1 - C_{блн} - \Gamma_{взаимн}$ занята глаголами действия, данная схема служит для выражения следующей СемС: Субъект действия (C_1) – косубъект действия ($КоС_1$) – предикат действия (Π_1). Таких глаголов немного: *квчакгълаш* «обниматься с кем-либо», *туйюш* «драться с кем-либо», *тенгълеш* «помериться с кем-либо (ростом)», *жыгъыш/тутуш* «бороться с кем-либо», *сермеш* «схватиться, сразиться», *салыш* «яростно драться». Все эти лексемы для образования информативно самодостаточных предложений открывают позиции C_1 и $C_{блн}$, которые заполняются только наименованиями одушевленных предметов. Например: *Жашла акъла бла (аямай) салышдыла* (Ж. З.) «Бойцы подрались с белыми, не жалея сил»; *Жансурат квонакъ бла (кваты квысып) квчакгълашды* (Б. Г.) «Жансурат обнялась с гостем, крепко прижимая его к себе»; *Азрет киши бла да туйюшмегенди* (Э. Г.) «Азрет ни с кем не дрался».

Как и в рассмотренных структурно-семантических моделях, в этих конструкциях отношение между компонентами C_1 и $КоС_1$ является симметричным. Ср.: *Жансурат квонакъ бла квчакгълашды* и *Квонакъ Жансурат бла квчакгълашды*.

Как видим, данными структурами выражается такая ситуация, в которой, как отмечает А. А. Холодович, точкой приложения действия субъекта является косубъект, а точкой приложения действия косубъекта является субъект (Холодович, 1978: 7). Этим и определяется характер общей семантики указанных предложений.

$$CCM: \frac{C_1}{C_{д}} - \frac{C_{блн}}{КоС_{д}} - \frac{\Gamma_{взаимн}}{\Pi_{д}}$$

4. Предложение *Устаз окъуучула бла танышады* «Учитель знакомится с учениками» также построено по схеме $C_1 - C_{\text{блн}} - \Gamma_{\text{взаимн}}$. Несмотря на это, оно по своей семантике отличается от всех вышерассмотренных конструкций. Это объясняется тем, что в нем, в отличие от них, в роли предиката употреблен глагол мышления.

Его СемС: субъект мышления ($C_{\text{мысл}}$) – косубъект мышления ($\text{Ко}C_{\text{мысл}}$) – предикат мышления ($\text{П}_{\text{мысл}}$).

$$\text{СМ: } \frac{C_1}{C_{\text{мысл}}} - \frac{C_{\text{блн}}}{\text{Ко}C_{\text{мысл}}} - \frac{\Gamma_{\text{взаимн}}}{\text{П}_{\text{мысл}}}$$

5. Ср. еще пример: *Мурат жараиды* «Мурат помирился». Это предложение не обладает информативной достаточностью. Глагол *жараиды* требует введения в его состав еще элемента $C_{\text{блн}}$, ср.: *Мурат Аслан бла жараиды* «Мурат помирился с Асланом».

Позиции подлежащего и дополнения здесь, как и в приведенных выше предложениях, замещаются словами, обозначающими одушевленные предметы. Несмотря на это, данное предложение отличается от них по смыслу, что объясняется характером семантики предиката, выраженного глаголом отношения.

СемС приведенного предложения: субъект отношения ($C_{\text{отн}}$) – косубъект отношения ($\text{Ко}C_{\text{отн}}$) – предикат отношения ($\text{П}_{\text{отн}}$).

$$\text{СМ: } \frac{C_1}{C_{\text{отн}}} - \frac{C_{\text{блн}}}{\text{Ко}C_{\text{отн}}} - \frac{\Gamma_{\text{взаимн}}}{\text{П}_{\text{отн}}}$$

Общая семантика: улучшение взаимоотношения субъекта и косубъекта.

Глаголы, замещающие позицию предиката в таких предложениях, по своей структуре бывают двух типов: а) глаголы, в основе которых аффикс взаимно-совместного залога выделяется, и б) глаголы, основы которых не разлагаются на корень и этот аффикс. Как видно из приведенных фактов, и те и другие глаголы требуют наличия в предложении элемента $C_{\text{блн}}$, являющегося выразителем косубъекта определенного типа.

6. Следует отметить, что косубъект как моделиобразующий компонент входит в состав не только тех предложений, в которых в роли выразителя предиката выступают глаголы в форме взаимно-совместного залога. Его обязательного присутствия для образования инфор-

мативно самодостаточных высказываний требуют и глаголы, связанные с понятием «объединиться». Ср.: *Бизни колхоз «Прогресс» колхоз бла бирикди* (К. ж.) «Наш колхоз объединился с колхозом «Прогресс»; *Партизанла кызыл аскерчиле бла бирикдиле* (Ж. З.) «Партизаны объединились с красноармейцами».

СемС второго из этих предложений состоит из субъекта объединения (С_{объед}), косубъекта объединения (КоС_{объед}) и предиката объединения (П_{объед}).

$$\text{ССМ: } \frac{С_1}{С_{\text{объед}}} - \frac{С_{\text{блн}}}{\text{Ко}С_{\text{объед}}} - \frac{\Gamma}{\text{П}_{\text{объед}}}$$

Общая семантика модели: объединение субъекта и косубъекта. Во всех вышерассмотренных структурах элемент С_{блн} может быть заменен формой С₁, ср.: 1) *Ибрагим жашчыкь бла сёлешеди* «Ибрагим разговаривает с мальчиком» и 2) *Ибрагим бла жашчыкь сёлешедиле* «Ибрагим и мальчик беседуют»; 1) *Жансурут кьонакь бла кьучакьлашды* «Жансурут обнялась с гостем» и 2) *Жансурут бла кьонакь кьучакьлашдыла* «Жансурут и гость обнялись»; 1) *Азрет аны бла бирикди* букв. «Азрет объединился с нею» и 2) *Азрет бла ол бирикдиле* «Азрет и она объединились» и т.д.

Сравниваемые здесь предложения построены по различным структурным схемам: первые – по схеме С₁–С_{блн}–Г(Г_{взаимн}), вторые – по схеме С₁–С₁–Г(Г_{взаимн}). Несмотря на это, они близки по смыслу: как в первых, так и во вторых имеются по два активных участника действия. Но в отличие от первых, во вторых конструкциях такими участниками ситуации являются субъекты, выражаемые однородными подлежащими.

В лингвистике существует концепция, согласно которой однородные члены предложения не являются модельобразующими. Например, И. В. Альтман пишет, что «однородные члены предложения соотносятся только с одним из мест предиката» (Альтман, 1976: 215). Такого же мнения придерживается Г. Г. Почепцов, который отмечает, что процесс расширения (т.е. включения однородных членов в предложение) не создает новых членов предложения (Почепцов, 1971: 116).

Данная концепция не может быть принята без оговорок. Дело в том, что ни один из однородных подлежащих вышеприведенных предложений невозможно опустить. Предикаты всех рассмотренных выше предложений двухместны. Ср.: *Устаз ушакь этеди* «Учи-

тель беседует»; *Аслижан бирикди* «Аслижан объединилась»; *Мурат жарашды* «Мурат помирился» и т.д. Эти предложения являются неполными или недопустимыми по нормам современного языка, поэтому в их состав обязательно должны быть включены компоненты, выраженные формой S_1 или сочетанием $S_{\text{блн}}$, ср.: 1) *Устаз окъуучула бла ушакъ этеди* «Учитель беседует с учениками»; 2) *Устаз бла директор ушакъ этедиле* «Учитель и директор беседуют».

Во втором из данных предложений два однородных подлежащих – выразители субъектов. В таких предложениях их может быть и больше. Но для обеспечения информативной самодостаточности высказывания достаточно сохранить в нем два из них.

Семантика таких структур, построенных по схеме $S_1 - S_1 - G$ ($G_{\text{взаимн}}$), зависит от предиката. Предикат в них может быть выражен всеми теми глаголами, которые лежат в основе вышерассмотренных предложений, построенных по схеме $S_1 - S_{\text{блн}} - G$ ($G_{\text{взаимн}}$). В зависимости от того, какими из них замещена позиция предиката, схема $S_1 - S_1 - G$ ($G_{\text{взаимн}}$) выражает следующие СемС: 1) $S_{\text{речи}} - S_{\text{речи}} - \text{Пречи}$; 2) $S_{\text{д}} - S_{\text{д}} - \text{Пд}$; 3) $S_{\text{облел}} - S_{\text{облел}} - \text{Поблел}$; 4) $S_{\text{ш}} - S_{\text{ш}} - \text{Пш}$; 5) $S_{\text{мышл}} - S_{\text{мышл}} - \text{Пмышл}$.

Интересно отметить, что в предложениях со сказуемыми, выраженными вышеуказанными глаголами, вместо комплексов $S_1 - S_{\text{блн}}$ и $S_1 - S_1$ может быть употреблена одиночная форма S_1 во множественном числе. Например: *Муратлары туйюшедиле* «Мурат и все те, кто вместе с ним, дерутся». Употребление сказуемого таких предложений в единственном числе невозможно. В данном случае в действии, названном сказуемым, участвуют несколько лиц. Без опоры на контекст невозможно установить их точное число. Такие предложения употребляются в тех случаях, когда участникам речи известно, с кем находится лицо, названное формой S_1 (во мн. числе), с какими лицами он составляет группу и участвует в ситуации вместе с ними. Ср.: *Биз тутушабыз* «Мы боремся»; *Биз бирикдик* «Мы объединились».

7. В караево-балкарском языке часто встречаются предложения, построенные по схеме $S_1 - S_{\text{блн}} - G_{\text{трпл}}$, в которых сказуемое выражается такими глаголами действия, которые требуют наполнения позиции $S_{\text{блн}}$ словами с инструментальным значением.

Говоря о глаголах, требующих объекта-инструмента, следует отметить, что не все они используются в

предложениях рассматриваемого структурного типа. Это объясняется в основном двумя причинами: 1) некоторые из данных глаголов вообще не употребляются в форме $\Gamma_{\text{страд}}$; 2) на основе некоторых из данных глаголов предложения строятся не по схеме $S - S_{\text{вл}} - \Gamma_{\text{страд}}$, а по другим схемам, что объясняется их валентными свойствами. В конструкциях, построенных по схеме $S - S_{\text{вл}} - \Gamma_{\text{страд}}$ предикат выражается формой страдательного залога глаголов *биле* «наточить», *сыйна* «подмести», *ёлчеле* «измерить», *бас* «давить, задавить», *жюлю* «брить», *чагала* «прополоть», *кес* «резать», *теши* «продырявить» и др. Например: *Арбаз сибиртги бла сыйпалганды* «Двор подметен веником»; *Бичакъ билеу бла биленгенди* «Нож наточен на бруске»; *Къангала бычхы бла кесилгендиле* «Доски распилены пилой» и т.п.

Позиция дополнения в таких предложениях замещается существительными, обозначающими инструмент.

СемС данных конструкций состоит из трех элементов: объекта действия, объекта инструмента и предиката действия.

Заметим, что объект-инструмент многими исследователями включается в число моделиобразующих семантических компонентов. В тюркских языках как в синтаксических исследованиях, так и в работах, посвященных послелогам, указывается, что сочетание $S_{\text{вл}}$ выражает значение инструмента. Однако в них нет указания на то, что в предложениях с данным сочетанием имеет место процесс включения. Вышеуказанные глаголы, называя определенное действие, одновременно обозначают и орудие этого действия, так как данное действие регулярно совершается именно данным орудием. Значение компонента, выраженного сочетанием $S_{\text{вл}}$ как бы «включается» в значение предиката. Вследствие этого $S_{\text{вл}}$ опускается, и перечисленные глаголы «образуют» предложения, состоящие только из подлежащего и сказуемого. Ср.: 1) *Бичен чалынды* «Сено скошено» и 2) *Бичен чалгъы бла чалынды* «Сено скошено косой». Первая из данных конструкций вполне может функционировать в качестве самостоятельной единицы сообщения. Вторая может быть использована в том случае, когда необходимо указать на то, что для совершения названного глаголом *чал* действия использован не обычный вид орудия (коса), а что-то другое, например, сенокосилка.

«Включению» значения инструмента в значение глагола способствует то, что многие из существитель-

ных, обозначающих инструменты, имеют общие с данными глаголами корни, ср.: *чал* «косить» – *чалгы* «коса», *жюлю* «брить» – *жюлгюч* «брита», *тара* «расчесать» – *таракъ* «расческа», *чага* «тяпка» – *чагала* «полоть, тяпать», *кес* «резать» – *кесгич* «резец, секач», *биле* «точить» – *билеу* «точило, брусок» и др.

К существительным, называющим инструменты, относят и слова, обозначающие некоторые части тела человека и многих живых существ. Некоторые из этих слов также имеют общий с глаголами корень, например: *тиш* «зуб» – *тишле* «кусать», *табан* «нога» – *табанла* «брыкать, лягать» и др.

Если компонент $S_{\text{блн}}$ при данных глаголах не бывает необходимым, то при некоторых из них опустить его нельзя. Например, основное значение глагола *ур* – «бить». Но он может быть употреблен и в значении «бодать», или в значении «лягать, брыкать». В данном случае появляется необходимость указания на инструмент, и компонент $S_{\text{блн}}$ не опускается. Он бывает обязательным и в тех случаях, когда говорящему нужно назвать «не совсем обычный» для указанного в предложении действия инструмент (Десник, 1966). Например: *Къама дерт бла биленнгенди* букв. «Кинжал наточен местью». В данном случае ССМ имеет следующий вид:

$$\frac{C_d}{C_d} - \frac{S_{\text{блн}}}{O_{\text{инстр}}} - \frac{Г_{\text{страд}}}{П_d}$$

В тех же случаях, когда элемент $S_{\text{блн}}$ является факультативным, т.е. опускается, ССМ может быть представлена формулой:

$$\frac{C_d}{O_d} - \frac{Г_{\text{страд}}}{O_{\text{инстр}} - П_d}$$

8. Компонент $S_{\text{блн}}$ в предложениях рассматриваемого структурного типа иногда выступает в качестве выразителя объекта, посредством которого осуществляется действие, передаваемое глаголом, например: *Терезеле жабьула бла жабьылдыла* (И. Б.) «Окна закрыты занавесками»; *Аны жарасы байлау бла байланнганды* «Его рана забинтована» и т.п.

СемС подобных предложений трехкомпонентна и состоит из объекта действия, объекта-средства ($O_{\text{сред}}$) и предиката действия.

$$\text{ССМ: } \frac{С_1}{О_d} - \frac{С_{\text{бла}}}{О_{\text{сред}}} - \frac{Г_{\text{возврат}}}{П_d}$$

9. Ср.: *Председатель радио бла сёлешеди* (К. ж.) «Председатель выступает по радио». Здесь предикат выражен глаголом речи в основном залоге. Форма $С_1$ выражает субъект речи, сочетание $С_{\text{бла}}$ – средство.

$$\text{ССМ: } \frac{С_1}{С_{\text{речи}}} - \frac{С_{\text{бла}}}{О_{\text{сред}}} - \frac{Г}{П_{\text{речи}}}$$

10. В тех случаях, когда позиция сказуемого замещается глаголами, связанными с понятиями «обеспечить кого-либо (что-либо) чем-либо (кем-либо)», формой $С_1$ выражается объект, в чью пользу совершается действие ($О_{\text{адр}}$), а сочетанием $С_{\text{бла}}$ – предмет, так или иначе отдаваемый объекту-адресату.

СемС: объект – адресат – объект отдаваемый ($О_{\text{отд}}$) – предикат действия.

$$\text{ССМ: } \frac{С_1}{О_{\text{адр}}} - \frac{С_{\text{бла}}}{О_{\text{отд}}} - \frac{Г_{\text{страд}}}{П_d}$$

Общая семантика: отдавание (обеспечение, угощение) одного предмета другому предмету как результат действия формально не выраженного в предложении субъекта.

Примеры: *Кёонакёла эт хычинле бла сыйландыла* (Б. Гул.) «Гости угощены хычинами (пирогоми) с мясом»; *Малла аш бла жалчытылгандыла* «Скот обеспечен кормами».

11. В основе предложений, построенных по схеме $С_1 - С_{\text{бла}} - Г$, могут лежать и глаголы, связанные с понятиями «обходиться», «содержаться», «выходить из создавшегося положения», «утешаться», «забавляться», «возиться», ср.: *Сабийле илляула бла жубанадыла* «Дети забавляются игрушками»; *Малла бичен бла кечинедиле* букв. «Скот обходится сеном».

В этих предложениях предикат выражен глаголами, обозначающими состояние одушевленных субъектов. В структуре данных глаголов имеется аффикс *-н*, поэтому они не принимают аффикса возвратного залога и не имеют соотносимых исходных глагольных основ. Тем не менее, они выражают состояние самого субъекта, т.е. имеют возвратное значение, ср.: *Сабийле кеслерин илляула бла жубатадыла* букв. «Дети увлекают себя игрушками».

Сочетанием $C_{\text{блн}}$ в рассматриваемых предложениях выражается объект, посредством которого субъект «поддерживает» свое состояние.

СемС: субъект состояния – объект-средство – предикат состояния.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{сост}}} - \frac{C_{\text{блн}}}{O_{\text{сред}}} - \frac{\Gamma_{\text{возвр}}}{П_{\text{сост}}}$$

Наблюдения показывают, что второстепенные члены предложения часто играют важную роль в определении моделей предложения. Ср.: 1) *Жаишчык жорюйдю* «Мальчик ходит» и 2) *Жаишчык школга жорюйдю* «Мальчик ходит в школу». Форма C_2 отличает второе предложение от первого, где она невозможна.

Особенно важна их роль в тех случаях, когда для образования той или иной модели глагол используется не в основном значении или в переносном значении. Например, глагол *уч* «летать», употребленный в своем основном значении, может образовать предложение по схеме $C_1 - \Gamma$: *Къанатлыла учадыла* «Птицы летают». Птицы имеют крылья и могут летать. Если слово *къанатлыла* в этом предложении заменить наименованиями других одушевленных существ, не имеющих крыльев, не способных летать, то появится необходимость в указании на средство передвижения: *Адамла самолёт бла учадыла* «Люди летают на самолете». Ср. также: *Жаишчыгъла чанала бла учадыла* «Мальчики катаются на санках». Здесь глагол *уч* использован в переносном значении «кататься», на это указывает сочетание $C_{\text{блн}}$.

Данные предложения построены по схеме $C_1 - C_{\text{блн}} - \Gamma$. Их СемС состоит из субъекта движения, объекта-средства передвижения ($O_{\text{сред}}$) и предиката движения.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{дв}}} - \frac{C_{\text{блн}}}{O_{\text{сред}}} - \frac{\Gamma}{П_{\text{дв}}}$$

Общая семантика: передвижение личного субъекта с помощью определенного средства передвижения.

Как видим, для построения ССМ по схеме $C_1 - C_{\text{блн}} - \Gamma$ используется лишь часть глаголов, относящихся к глаголам движения, речи, мышления, состояния, отношения и действия. Одни из них употребляются в форме одного залога, другие – в форме другого залога и т.д., таким образом, в рассмотренных моделях встречаются все залого, кроме понудительного.

2. Другие структурно-семантические модели предложения с послеложными сочетаниями в своем составе

1. Схема $C_1 - C_{\text{оокинди}} - \Gamma$ служит в качестве выразителя СемС: объект мышления ($O_{\text{мышл}}$) – объект делиберативный ($O_{\text{делиб}}$) – предикат мышления. Субъект в таких СемС всегда бывает личным. В роли предиката здесь выступают глаголы мышления *саггышлан* «задуматься», *саггыш эт* «думать», *ойла* «думать», *ойлан* «задуматься», а в роли объекта – наименования любых предметов.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_{\text{мышл}}} - \frac{C_{\text{оокинди}}}{O_{\text{делиб}}} - \frac{\Gamma}{P_{\text{мышл}}}$$

Примеры: *Устаз окзуучуланы юсюнден саггыш эте эди* «Учитель думал об учениках»; *Арбаны юсюнден кэрт да саггышланды* (Х. К.) «Задумался об арбе и старик».

На функциональном уровне данные предложения имеют следующую структуру: подлежащее – дополнение – сказуемое.

2. *Хажибекир Асланны орунуна ишлейди* (Х. К.) «Хажибекир работает вместо Аслана»; *Мени орунума да Ортабай туююледи* (С. Ш.) «И вместо меня трудится Ортабай».

В этих предложениях сочетание $C_{\text{орунуна}}$ выражает объект замещения ($O_{\text{замещ}}$). Субъект в них является личным, активным, предикат выражает действие, которое совершается субъектом, замещающая кого-либо. Отсюда видно, что данные структуры выражают следующую СемС: $C_d - O_{\text{замещ}} - P_d$.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_d} - \frac{C_{\text{орунуна}}}{O_{\text{замещ}}} - \frac{\Gamma}{P_d}$$

3. Ср.: *Ким да бетине кёре этеди* «Каждый поступает по совести»; *Сюдючю законнга кёре ишлейди* (С. Ш.) «Судья действует по закону».

Данные предложения построены по схеме $C_1 - C_{\text{кёре}} - \Gamma$. В таких конструкциях позиция сказуемого замещается глаголами действия, позиция подлежащего – наименованиями лица, а позиция обстоятельства – только словами типа *акгыл* «ум», *билим* «знание», *бет* «совесть, лицо», *буйрукъ* «закон, приказ, указание» в сочетании с послелогом *кёре* «в соответствии с». Такое обстоя-

тельство отвечает на вопрос *кзалай?* «как?», поэтому его обычно относят к обстоятельствам образа действия. Однако вопросы не всегда способствуют правильному выделению выражаемых в предложении отношений. Например, винительный и родительный, а также основной и винительный падежи отвечают на одни и те же вопросы, но в предложении выполняют различные функции.

Точно так же обстоит дело и в рассматриваемом случае. Сочетание $S_{к\acute{e}ре}$ в приведенных предложениях выражает конкретизатор соответствия ($K_{соотв}$), указывающий, в соответствии с чем производится действие. Совершенно правы исследователи, когда указывают, что при послелого *к\acute{e}ре* предмет, названный в дательном падеже, является «основанием, согласно которому совершается действие» (Булаховский, 1949: 27).

СемС: $S_1 - K_{соотв} - П_д$. Общая семантика: действие личного субъекта, совершенное им в соответствии с чем-либо.

$$\text{СМ: } \frac{S_1}{S_d} - \frac{S_{к\acute{e}ре}}{K_{соотв}} - \frac{\Gamma}{П_d}$$

4. Ср. конструкции: 1) *Биз кюрешибиз* «Мы стараемся» и 2) *Биз мамырлык кююн кюрешибиз* «Мы боремся за мир». Первая из них является неполным предложением, а вторая – полным. Это говорит о том, что послеложное сочетание $S_{кююн}$ обязательно должно включаться в состав данной структуры. Только при его наличии она может выражать типовое значение. Под типовым значением, согласно традиции, нами принимается такой смысл, который создается только в данной синтаксической структуре и наблюдается у всех единиц, построенных по данной схеме.

Все это говорит о том, что вторая из указанных структур является самостоятельным типом предложения, построенным по схеме $S_1 - S_{кююн} - \Gamma$, выражающей СемС, которая состоит из личного активного субъекта, конкретизатора цели и предиката действия.

Общая семантика: активное действие личного субъекта в определенных целях.

$$\text{СМ: } \frac{S_1}{S_d} - \frac{S_{кююн}}{K_{цели}} - \frac{\Gamma}{П_d}$$

5. В рассмотренном случае в сочетании с послеложом использовано существительное с абстрактным зна-

чением. В данной позиции может быть употреблено и наименование лица, и тогда схемой $C_1 - C_{\text{срочн}} - Г$ выражается СемС, состоящая из предиката действия, объекта, в чью пользу совершается действие (объект-получатель – $O_{\text{получ}}$), и предиката действия.

Общая семантика: действие личного активного субъекта, совершаемое им в пользу определенного объекта.

$$\text{ССМ: } \frac{C_1}{C_d} - \frac{C_{\text{срочн}}}{O_{\text{получ}}} - \frac{Г}{П_d}$$

Например: *Ата-анала сабийле ючюн кюрешедиле* «Родители все делают для детей».

6. Сочетание $C_{\text{таба}}$ в предложениях движения выражает направление движения ($K_{\text{лок}}$). В конструкциях с таким компонентом позиция подлежащего замещается наименованиями предметов, способных двигаться. Например: *Къабан мени таба тебиреди* «Кабан направился ко мне»; *Ючеулен юй таба атландыла* «Трое направилась к дому».

СемС таких высказываний трехкомпонентна: $C_{\text{дл}} - K_{\text{лок}} - П_{\text{пр}}$. Их общая семантика: направление движения как признак личного субъекта.

Указанная СемС выражается и структурами $C_1 - C_2 - Г$ с тем же лексическим наполнением синтаксических позиций. Ср.: *Атлы элге тебиреди* «Верховой направилась в село». Сравнивая данное предложение с вышеуказанными структурами, мы видим, что $C_{\text{таба}}$ и C_2 являются выразителями локального конкретизатора. Однако локальный конкретизатор, выраженный сочетанием $C_{\text{таба}}$ отличается от локального конкретизатора, выраженного формой C_2 , определенными оттенками значения. При семантическом анализе предложения выявление таких различий между семантическими компонентами, выраженными теми или иными грамматическими падежами и последующими сочетаниями, имеет определенное значение.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ БЕЗЛИЧНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

О безличных предложениях тюркологи часто высказывают самые противоположные точки зрения. Одни из них утверждают, что в тюркских языках при отсут-

ствии категории лица не может быть сказуемого, поэтому существование безличных предложений ставится ими под сомнение. Так, Н. А. Баскаков пишет: «Поскольку сказуемое в тюркских языках не может быть неличным, безличные предложения в них отсутствуют» (Баскаков, 1956: 95). В то же самое время некоторые тюркологи придерживаются мнения, что в тюркских языках имеются безличные глаголы (Зиннатуллина, 1969: 160, 170; Бектуров, 1966: 255, 262). Большинство же исследователей синтаксиса тюркских языков считает, что встречаются случаи, когда сказуемое не имеет показателя лица. Имея в виду последнее, Н. А. Баскаков пишет: «Все эти отдельные слова или словосочетания не имеют показателя лица, а следовательно, они не являются предложениями, хотя, выступая иногда в функции предложений, и имеют общую с предложениями, характерную для них интонацию законченности и утверждения, которая, однако, не является грамматическим средством выражения предикации» (Баскаков, 1975: 96).

Таким образом, он отрицает наличие в тюркских языках не только безличных, но и номинативных предложений, а это не кажется нам достаточно убедительным, ибо ведет к отрицанию существования неглагольных предложений (Структурный синтаксис английского языка, 1972: 158), что противоречит теории предикативности, выдвинутой и обоснованной В. В. Виноградовым и получившей широкое признание (Грамматика русского языка, 1960: 76, 82).

Наиболее распространенным среди тюркологов является мнение о существовании в тюркских языках односоставных предложений. По признаку наличия-отсутствия категории лица такие предложения ими подразделяются на две группы: 1) личные (определенно-личные и обобщенно-личные) и 2) безличные.

Основными признаками безличного предложения в тюркских языках, по их мнению, являются: а) наличие только одного главного члена – сказуемого; б) отсутствие и невозможность существования грамматического подлежащего; в) отсутствие в форме сказуемого указания на субъект, активного производителя действия. Поэтому во всех специальных исследованиях и грамматиках тюркских языков безличные предложения определяются почти адекватно. Так, например, в монографической работе, посвященной безличным предложениям якутского языка, говорится: «Безличным

называется предложение, в котором нет и не может быть грамматического подлежащего, а по форме сказуемого его нельзя выявить» (Неустров, 1972: 19). Почти такое же определение безличного предложения в хакасском языке дает Г. И. Донидзе: «Безличными в хакасском языке называются предложения с таким сказуемым, при котором нет и не может быть субъекта в форме грамматического подлежащего» (Донидзе, 1957: 39; Джакубов, 1966: 31, 32; Будагова, 1963: 36).

Подобные определения безличных предложений нельзя считать безупречными. Во-первых, наличие только одного главного члена характерно не только для безличного, но и для других типов односоставных предложений: номинативных, определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных. Во-вторых, утверждение, что в безличных предложениях «не может быть грамматического субъекта», требует уточнения. Анализ языковых фактов показывает, что в некоторые безличные предложения легко можно ввести подлежащее, однако, при этом меняется их структура, на что должно быть указано в определении. Ср., например: *Мында игиди* «Здесь хорошо» и *Мында жашау игиди* «Здесь жизнь хороша» и т.д.

Применение определения русских безличных предложений к фактам тюркских языков в данном случае неправомерно, ибо в русском языке имеются безличные глаголы, которые не сочетаются с грамматическим подлежащим, тогда как в тюркских языках таких глаголов нет, и поэтому любой из глаголов, употребляющихся в безличном значении и выступающих в роли главного члена традиционных безличных предложений, почти всегда допускает подлежащее. Правда, в некоторые безличные предложения невозможно ввести грамматический субъект, выраженный словом в основном падеже. Сюда могут быть отнесены, например, безличные предложения фразеологического типа: *Аны жаны кетди* «Он испугался» (букв. «Его душа ушла»); *Анга кѣз тийди* «Его сглазили» (букв. «Его коснулся глаз»). Главный член данных предложений выражен фразеологизмами *жаны кетди* «испугаться», *кѣз тийди* «сглазить», первые компоненты которых (*жаны* «его душа», *кѣз* «глаз») некогда были подлежащими, а в современном языке выступают как компоненты устойчивых словосочетаний. В этих предложениях позицию грамматического субъекта занимают компоненты сказуемых, чем и объясняется невозможность введения в эти конструкции подлежащего.

По данному признаку конструкции, называемые тюркологами безличными предложениями, можно подразделить на два типа: 1) предложения, в которые можно ввести слово в форме основного падежа, выступающее в роли подлежащего, и 2) предложения, в которые невозможно ввести грамматическое подлежащее.

Безличные предложения в тюркологических исследованиях классифицируются по морфологическому признаку, причем морфологический критерий часто объединяется с семантическим. Опираясь на морфологическую природу главного члена, тюркологи делят данные конструкции на: 1) глагольные и 2) именные. Как известно, такая классификация впервые была предложена А. А. Шахматовым, который считал, что в односоставном предложении субъект и предикат выражены одним главным членом (*Шахматов, 1941: 49–131*). Многие лингвисты указывают на недостатки данной классификации, основным из которых является отсутствие в ней единого критерия, в результате чего в одном ряду оказываются разные по своей структуре конструкции.

Тем не менее, разграничение односоставных предложений в тюркологии по настоящее время основывается на морфологической природе главного члена. Сравнительно недавно Н. Ю. Шведовой выдвинут принцип классификации указанных предложений на основе единого критерия – по их парадигматическим свойствам. (*Шведова, 1965*). Однако подобную классификацию никто из тюркологов пока не использовал.

Говоря о глагольных безличных предложениях, исследователи обычно выявляют определенное количество предложений в рассматриваемых ими языках и классифицируют их, исходя из морфологической природы главного члена. Иногда одни и те же факты разными авторами толкуются по-разному. Так, например, А. М. Джавадов (*Джавадов, 1971: 347*) и З. И. Будагова (*Будагова, 1963: 37, 38*) отмечают, что в азербайджанском языке в безличном значении употребляются глаголы действительного и страдательного залогов, а также глаголы долженствовательного наклонения. Они характеризуют глагол в страдательном залоге как личный глагол, употребляющийся в безличном значении. А. М. Муждабаев считает, что подобные глаголы «следует именовать безличными непереходными глаголами, называя соотносительные с ними непереходные глаголы в «действительном» залоге личными непереходными глаголами» (*Муждабаев, 1963: 34*). При этом

он отмечает, что в «узбекском языке безлично могут употребляться только такие непереходные глаголы, которые обозначают действие человека, причем нужно подчеркнуть, что не все непереходные глаголы, обозначающие действие человека, а, главным образом, такие непереходные глаголы, которые обозначают волевые, активные действия человека, т.е. такие действия, которые совершает человек сознательно, сообразуясь со своей волей» (Там же). К последним автор относит глаголы, обозначающие движение, положение, нахождение человека в пространстве. Однако применение термина «безличные глаголы» для обозначения таких глаголов ведет к признанию, во-первых, наличия в тюркских языках безличных глаголов, и, во-вторых, того, что, например, глагол *бар* «идти» и его форма страдательного залога *барыл* – различные глаголы. Все это противоречит положениям традиционной грамматики.

Особо следует подчеркнуть, что в предложении с главным членом, выраженным страдательным залогом указанных групп непереходных глаголов, ввести подлежащее невозможно. Что же касается глаголов действительного залога, образующих, по мнению тюркологов, безличные предложения, то они легко сочетаются со словом в форме основного падежа. Например, в предложении *Тауга бу жол бла барылады* «В горы едут (букв. едется) по этой дороге» сказуемое выражено формой страдательного залога глагола *бар* «идти». Данная форма не может сочетаться ни с каким словом, стоящим в основном падеже. Этого нельзя сказать относительно глаголов действительного залога, которые рядом синтаксистов рассматриваются как словоформы, «не требующие подлежащего» (Грамматика азербайджанского языка: 374). Так, например, А. М. Джавадов к предложениям, главный член которых выражен подобными лексемами, относит конструкции типа *Кече ортадан озду* «Перевалило за полночь»; *Ингурге аз кгалганды* «До вечера осталось мало» и т.п. Но ср.: *Заман кече ортадан озду*; *Ингурге аз заман кгалганды*. В обоих предложениях слово *заман* «время» выступает в роли подлежащего. Однако, как отмечает А. М. Джавадов, такие предложения часто употребляются и без подлежащего, при этом действие мыслится как бы безотносительно к какому-либо конкретному лицу. Исходя из этого, некоторые лингвисты относят подобные предложения к безличным. Рядом ученых такие предложения не выделяются в качестве отдельного типа

безличных предложений. Это связано, по-видимому, не с отсутствием данных конструкций в отдельных тюркских языках, а с их близостью к неполным предложениям. Во всяком случае, совершенно очевидно, что эти предложения нельзя ставить в один ряд с такими предложениями, в которых в роли главного члена выступают глаголы в форме страдательного залога.

Наиболее спорным является вопрос о предложениях, главный член которых выражается сочетанием причастия, деепричастия или имени действия в дательном падеже с такими словами, как *керекди* «нужно», *тюшеди* «приходится», *болады* «разрешается» и др. Подобные конструкции имеются почти во всех тюркских языках. Характерная их особенность заключается в том, что они могут употребляться как с дательным субъектом, так и без него: 1) *Манга окъургъа керекди* «Мне необходимо учиться»; 2) *Окъургъа керекди* «Необходимо учиться». Субъект в подобных предложениях всегда бывает личным и неопределенным. Так как этот субъект выражается косвенным падежом, большинство тюркологов относит эти предложения к безличным (Г. И. Донидзе, И. Д. Джакубова, А. М. Джавадов и др.). Основываясь на том, что субъект в них бывает определением, М. З. Закиев, в отличие от других тюркологов, относит эти конструкции к определено-личным предложениям (Современный татарский литературный язык. Синтаксис, 1961: 40), а Т. Болчунова предлагает называть их лично-бессубъектными (Болчунова, 1971: 98, *Лекант*, 1974: 35, 36).

Ряд грамматистов относит предложения с субъектом, выраженным косвенным падежом, к двусоставным, полагая, что в данных конструкциях слово, стоящее в дательном падеже, выполняет функцию конструктивного члена (Мухин, 1968: 135). Так, например, Г. А. Золотова пишет: «Противопоставление именительного падежа субъекта косвенным падежам с тем же синтаксическим значением вряд ли может быть основой деления предложений на личные и безличные, потому что именительный падеж – лишь одна из форм в функциональном ряду обозначений лица, субъекта состояния, сочетание которых с теми или иными способами обозначения состояния семантически и конструктивно обусловлено» (Золотова, 1973: 163). Отсюда автор делает вывод, что данные предложения являются личными двусоставными (Там же). В. С. Юрченко полагает, что такие предложения можно считать косвенно-

личными (Юрченко, 1972: 129). Говоря о члене таких предложений, выраженном дательным падежом, он подчеркивает, что этот падеж предназначен для обозначения только личного субъекта, и отмечает, что «это – не настоящий субъект, а нечто среднее между субъектом и объектом» (Там же: 126), так как «здесь субъект представлен через форму объекта – дополнение, и она соответственно преобразует его» (Там же: 131), предложение становится безличным. Если основываться на материале русского языка, то это утверждение представляется весьма убедительным. Особенно важно указание В. С. Юрченко на то, что здесь дательный падеж имеет двойственную природу, так как одновременно выражает значение субъекта и объекта действия. Что же касается тюркских предложений рассматриваемого типа, то следует отметить, что если в предложении *Манга окзурга керекди* «Мне необходимо учиться» возможно допустить, что слово *манга* имеет субъектно-объектное значение, то в предложении *Манга ары барырга буюрлганды* «Мне приказано ехать туда» такое допущение исключено, так как здесь реальным субъектом действия является какое-то третье лицо, которое не представлено «в качестве компонента синтаксического плана содержания, т.е. как грамматический субъект и, следовательно, не выражается через специальную форму-позицию подлежащего, замещаемую самостоятельным словом» (Там же: 134). Отсюда следует вывод, что данное предложение является безличным.

Последовательно исключая субординативные связи из структуры предложения «Нет у меня против него и смелости никакой», А. М. Мухин оставляет лишь два его члена: «Нет... и смелости...», которые рассматриваются как сказуемое («нет») и подлежащее («смелости»). Если с такой точки зрения подойти к тюркскому предложению *Манга иги окзурга керекди*, то в качестве предложения-минимума остается сочетание *окзурга керекди*. Иначе говоря, исходя из теории, предложенной А. М. Мухиным, можно заключить, что данное предложение безличное, так как слово *манга* в нем не является ядерным членом, то есть выражает объект действия.

Таким образом, можно прийти к выводу, что слово в форме данного падежа не является ядерным членом и в именных безличных предложениях: *Манга анда бек суукгду; Манга бек суукгду; Манга суукгду; Суукгду*.

Нетрудно понять также, что в предложениях такого

типа в роли субъекта состояния выступают слова, обозначающие предметный субъект. В приведенном примере таким предметным субъектом могло бы быть слово *хауа* «воздух», которое обычно опускается. Данное слово управляется главным членом предложения (*Балакаев*, 1957: 41–52), тогда как обычным типом связи главных членов предложения является согласование.

Особую модель безличных предложений составляют конструкции типа *Мени жырларыгым келеди*. Такие предложения в тюркских языках осмысливаются двояко: 1) «Мне хочется петь»; 2) «Идет тот из моих, который поет». В первом случае конструкция представляет собою безличное предложение, так как в качестве главного члена выступает фразеологизированное словосочетание *жырларыгым келеди*, состоящее из причастия *жырларык* с притяжательным аффиксом первого лица и глагол *келеди* «хочется». Во втором же случае причастие выступает в роли подлежащего, и предложение является двусоставным.

Таким образом, предложение обезличивается в результате слияния его подлежащего со сказуемым и выстуления этого сочетания в роли предиката. По той же причине образовались такие безличные предложения, как: *Асланнга кёз тийди* «Аслана сглазили»; *Асланны менден кёлю кгалды* «Аслан обиделся на меня»; *Асланнга эс бурулмайды* «На Аслана внимание не обращается»; *Асланны насыбы тутду* «Аслану повезло»; *Асланны жаны кетди* «Аслан испугался» (букв. «Аслана душа ушла»). В результате, включение в данное предложение слова в основном падеже оказывается невозможным.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. В тюркских языках имеются предложения, в которых действие, состояние и признак воспринимаются языковым сознанием как бессубъектные, то есть не связанные с каким-либо носителем признака или производителем действия.

К таким предложениям относятся различные по своей структуре конструкции. Реальный субъект в них может быть известен или неизвестен, то есть мы можем знать источник действия или процесса, обозначаемого главным членом предложения, но сам субъект может и не быть представлен отдельным словом в форме подлежащего, что и «обезличивает» предложение. Причина отсутствия субъекта бывает различной и зависит не только от морфологической природы главного

члена, но и от общей структуры и значения конструкции.

В тюркских языках практически все глаголы и имена, выступающие в роли сказуемого, сочетаются с подлежащим, обычно согласуясь с ним в лице и числе. Безличными становятся, как правило, только те предложения, в которых редуцирован предметный, а иногда и лично-предметный субъект. Безличное предложение нередко путают с неполным, хотя между ними и имеется существенное различие. В безличном предложении грамматический субъект, выраженный подлежащим, устраним, но он может быть нами выявлен. Например, мы можем установить, что в предложении *Санга окьургга буюрулганды* «Тебе приказано учиться» производителем действия является лично-предметный субъект. Однако этот субъект не указан в предложении. А субъект неполного предложения всегда бывает конкретным, активным производителем действия, и, если даже он отсутствует, его легко восстановить из контекста. О его наличии говорит и форма главного члена предложения. Сказуемое неполного предложения в зависимости от формы подлежащего в самом предложении или в контексте стоит в единственном или во множественном числе, тогда как главный член безличного предложения всегда оканчивается аффиксом *-ды/-ди*.

Некоторые предложения в зависимости от своего коммуникативного задания могут осмысливаться то как личные, двусоставные, то как безличные, односоставные конструкции.

В большинство безличных предложений можно ввести субъект, выраженный словом в основном падеже. С введением такого члена односоставное предложение становится двусоставным.

Односоставные и двусоставные предложения могут быть синонимичными: *Азиз элгенди/Азизни жаны кетди; Сен окьургга керексе/Санга окьургга керекди*; ср. также: *Мен школгга барам/Школгга барам/Школггама*. Последние два предложения некоторые тюркологи относят к двусоставным, основываясь на том, что в главных членах данных предложений содержится лично-предикативный аффикс, указывающий на субъект. Первый член (подлежащее) такого предложения, как *Атам келди* «Мой отец пришел», также содержит аффикс, указывающий на притяжательное определение. Однако это не может служить основанием для того, чтобы считать данное предложение трехчленным, то есть имеющим в своем составе притяжательное определение.

Подобный факт свидетельствует о непоследовательности указанных ученых, в результате чего происходит отождествление субъекта (элемента структуры содержания) с подлежащим (элементом структуры выражения), а их необходимо разграничивать.

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что вопрос о сущности безличных предложений в тюркских языках до сих пор остается спорным. В истории изучения синтаксиса тюркских языков относительно данной синтаксической категории высказывались самые противоречивые мнения.

В начальный период изучения синтаксического строя тюркских языков, когда доминирующим было логическое истолкование природы предложения, многие тюркологи ограничивались изучением лишь тех предложений, структура которых включает в себя словесно выраженные субъект и предикат. При этом односоставные конструкции оставались вне поля зрения.

В этот период вопросы синтаксиса тюркских языков освещались тюркологами в словесном плане. Тюркские языковые данные сопоставлялись с безличными предложениями русского языка, что не способствовало решению проблемы, а лишь приводило исследователей к отрицанию наличия в тюркских языках безличных конструкций. Так, проф. Н. К. Дмитриев, сопоставляя данные турецкого языка, утверждал, что «строго говоря, в турецком языке существуют не безличные, а обобщенно-личные обороты» (Дмитриев, 1962: 54). Позже проф. А. Н. Кононов также писал, что «факты не дают возможности говорить о безличных предложениях в узбекском языке даже в условном значении этого термина, в котором он употребляется в русском языке» (Кононов, 1960: 228).

Многие тюркологи вопрос о безличных предложениях связывали с наличием безличных глаголов, т.е. «предикатов с нулевой предикацией», как их называет С. Д. Кацнельсон, которые «лишь называют событие, не расчлняя его» (Кацнельсон, 1974: 107).

Анализ языковых фактов приводил их к мнению, что в тюркских языках безличные глаголы отсутствуют.

К такому выводу пришел еще А. Казембек в первой половине прошлого столетия (*Казембек*, 1839: 336). Данная точка зрения разделяется почти всеми современными исследователями синтаксиса тюркских языков (*Балакаев*, 1959: 209; *Баскаков*, 1956: 95; *Сатимов*, 1977: 4). Однако в решении вопроса о наличии в языках тюркской системы безличных предложений мнения тюркологов расходятся. Одни из них утверждают, что в данных языках в силу отсутствия безличных глаголов не может быть и безличных предложений (*Баскаков*, 1956: 95). По мнению же других ученых, несмотря на отсутствие безличных глаголов, в этих языках безличные предложения имеются. При этом безличные предложения ими определяются как конструкции, в которых при единственном главном члене – сказуемом нет и не может быть субъекта в форме грамматического подлежащего (*Алиев*, 1972: 106; *Неустров*, 1972: 19; *Джавадов*, 1956: 7). Исследователь узбекского языка И. Расулов основным признаком безличных предложений узбекского языка считает то, что эти конструкции «не допускают возможность определения лица по форме сказуемого» (*Расулов*, 1973: 24), и поэтому предлагает заменить термин «шахсиз гап» (безличное предложение) термином «гаши топилмайдиган гап» (предложение, не допускающее возможность определения подлежащего) (*Расулов*, 1973: 25).

Материал карачаево-балкарского языка показывает, что для выделения определения и классификации безличных предложений необходимо разграничить понятия подлежащего и субъекта.

Подлежащее – это элемент структуры предложения. Оно имеет присущие ему средства выражения (слова, выражающие предметные значения) и специфичную форму (основной падеж). Слово, выступающее в роли подлежащего, характеризуется грамматическими категориями лица и числа. Как и прочие элементы плана выражения предложения, подлежащее связывается с другими его компонентами (сказуемым и определением) определенным образом (*Белошапкина*, 1977: 38).

На уровне плана содержания подлежащее выступает в роли выразителя логического субъекта. Однако подлежащее – не единственное средство выражения субъекта. Например, в подлежащих предложениях со сказуемым, выраженным глаголом в страдательном залоге, подлежащее не выполняет функции выразителя логического субъекта: *Бичен чалынады* «Сено косится»; *Директор*

школга чакгырылганды «Директор вызван в школу».

В роли средств выражения субъекта выступают лично-предикативные аффиксы и слова в дательном-направительном падеже. Первые в данной функции выступают самостоятельно (морфологические средства) или вместе с подлежащим (лексическое средство). Субъект, выраженный морфологическим средством, всегда бывает соотносимым с субъектом, выраженным лексически.

Лексические средства выражения субъекта по своей грамматической форме бывают двух типов: 1) основной (прямой) падеж и 2) косвенный падеж. В соответствии с этим субъекты по форме своего выражения также делятся на две группы: 1) прямые субъекты и 2) косвенные субъекты.

В зависимости от того, что обозначается в предложении субъектом – лицо или не-лицо (предмет), субъекты также делятся на два вида: 1) личные субъекты и 2) предметные субъекты. Личные субъекты в зависимости от характера выражаемого ими лица могут быть подразделены на три вида: а) первый личный субъект, выраженный словами со значением первого лица и лично-предикативными аффиксами того же лица; б) второй личный субъект, выраженный словами со значением второго лица и лично-предикативными аффиксами того же лица; в) третий личный субъект, выраженный словами со значением третьего лица. Аффикс лица при таком субъекте нулевой. Ср.: а) *Мен алды+м* «Я взял»; *Сен алды+нг* «Ты взял»; *Ол алды+* нулевой аффикс лица «Он взял»; б) *Биз алды+кѳ* «Мы взяли»; *Сиз алды+гѳыз* «Вы взяли»; *Ала алдыла+* нулевой аффикс лица «Они взяли».

Таблица 1

Разновидности субъекта

По характеру обозначения лица или не-лица (предмета)	По характеру отношения к элементам знаковой системы	По характеру средств выражения	По характеру формы средств выражения
1	2	3	4
1. Лицевой субъект	1. Первый лицевой субъект (говорящий)	1. Субъект, выраженный лексико-морфологически	1. Прямой субъект, выраженный лексико-морфологически

1	2	3	4
3-й личный (прямой) субъект	<i>Синтаксис</i> <i>Синтаксис</i> высказывания связь <i>экскурс</i> <i>исходных</i> Личные и личностно- прямые местоимения ед. и мн. ч.: <i>он, она, мы, вы, кто-то</i> и а также все слова, обозначающие 3-е лицо	Основной падеж	
Предметный (прямой) субъект	Все слова, обозначающие не лица (предметы)	Основной падеж	
Личный косвенный субъект	Средства, которыми выражаются 1-й, 2-й и 3-й личные субъекты	Дательный-направительный падеж	

Как видно из данной таблицы, 1-й личный субъект и 2-й личный субъект двусоставного предложения выражаются лексико-морфологически. Поэтому опущение подлежащего двусоставного предложения при таких субъектах приводит к образованию односоставной личной конструкции, в которой субъект выражается морфологически. Третья разновидность личного субъекта выражается лексически, т.е. подлежащим. Показатель лица сказуемого при данном субъекте является нулевым. Вследствие этого опущение подлежащего, выражающего 3-й личный субъект, приводит к образованию не односоставной конструкции, а неполного предложения. Предложения с опущенными подлежащими, обозначающими 1-й и 2-й личный субъекты, в плане содержания продолжают оставаться идентичными двусоставными предложениями. Субъект в таких предложениях всегда известен, так как он обозначает участников речи – элементы знаковой ситуации. Поэтому данные предложения, всегда оставаясь личными, функционируют как самостоятельные высказывания с опущенным 3-м личным и предметным прямым субъектами вследствие их зависимости от контекста и не могут выступать в качестве самостоятельных высказываний. Их зависимость от контекста объясняется неопределенностью третьего личного и предметного прямых субъектов, которые при опущении подлежащих выражаются через нулевой

лично-предикативный аффикс сказуемого и конкретизируются, и индивидуализируются лишь в контексте. Поэтому такие предложения являются репликами диалога или ситуативно-неполными предложениями.

Из вышеизложенного видно, что предложения с лексико-морфологически или морфологически выраженными прямыми личными и предметными субъектами не могут рассматриваться как безличные. Для образования безличного предложения необходимо опущение подлежащего.

Предложения первой группы в современном карачаево-балкарском языке являются наиболее распространенными и отличаются большим семантико-грамматическим многообразием. Невозможность сочетания их главного члена с грамматическим подлежащим вызывается различными причинами. Так, например, одной из наиболее часто встречаемых в карачаево-балкарском языке безличных конструкций является предложение, главный член которого выражен формой страдательного залога непереходных глаголов. Такие глаголы выступают в нулевой личной форме, т.е. в форме так называемого 3-го лица ед. числа, не имеющей личностного значения. Ср., например: *Тюкенде киталла сатыладыла* «В магазине продаются книги»; *Шахаргга бу жол бла барылады* «В город едут (букв. «едется») по этой дороге».

Для первого предложения характерно, что его предикативный главный член выражен переходным глаголом в страдательном залоге. При нем имеется грамматическое подлежащее, подвергающееся действию (продаже). Субъект же здесь никакими средствами не выражен. Главный член второго предложения выражен непереходным глаголом в том же залоге и в той же форме лица и числа, что и в первом предложении. Однако в отличие от главного члена первого предложения, выраженного переходным глаголом, аналогичный член второго предложения не может сочетаться с подлежащим, а его форма не способна выражать значение какого-либо лица. Поэтому в таких предложениях действие мыслится безотносительно к какому-либо лицу. Глагольное окончание здесь имеет не только нулевую форму, но и нулевое значение лица.

Следует отметить, что в роли главного члена в таких безличных конструкциях выступают не все непереходные глаголы, а только те из них, которые могут выражать определение действия человека: его движе-

ние, перемещение и положение в пространстве. Например: *Москвага бусагатда тынч барылады* «В Москву сейчас легко ехать»; *Чалгыга танг аласында чыгылады* «На сенокос выходят на заре (букв. «выходится»)».

Однако из вышесказанного нельзя делать вывод, что переходные глаголы в указанной залоговой форме не могут функционировать в роли главного члена безличных предложений. Сравним примеры: 1) *Биз ол воясузюсюзюк* «Мы обсудили этот вопрос»; 2) *Воясузюсюзюк* «Вопрос обсужден»; 3) *Жыйылмуда ол воясузюсюзюк* «На собрании рассмотрен этот вопрос».

Сказуемое первого предложения выражено переходным глаголом в действительном залоге, требующем наличия местоимения *биз*, функционирующего в роли выразителя прямого личного субъекта. Поэтому данное предложение является двусоставным. Во втором предложении сказуемое выражено тем же глаголом, но в форме страдательного залога.

То же самое можно сказать о происхождении и других фразеологизированных моделей односоставных предложений: *Сени жанынг кетди* «Ты испугался (букв. «Твоя душа ушла»)»; *Сени кёлюнг бокганды* «Тебя тошнит (букв. «Твое настроение помутнело»)»; *Санга кёз тийди* «Тебя сглазили (букв. «В тебя попал глаз»)» и т.п.

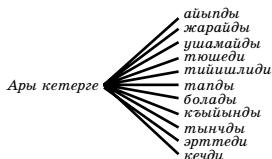
В этих предложениях позиция подлежащего также занята именной частью их сказуемых (*жанынг, кёлюнг, кёз*), которая раньше понималась как подлежащее. Исключение составляют случаи, когда причастие в такой конструкции употреблено с аффиксом притяжательности третьего лица. В таком случае причастие употребляется во мн.ч. Однако глагол не согласуется с ним в числе, что говорит о неподлежащем характере причастия. Говоря о фразеологизмах, выступающих в роли главного члена предложения рассматриваемого типа, З. Г. Ураксин пишет, что «их можно соотносить с предложениями лишь формально, по наличию в их составе компонентов, находящихся в отношениях подлежащего и сказуемого. Несмотря на такую структуру, фразеологизмы выполняют номинативную функцию, а не коммуникативную» (Ураксин, 1975: 21). У данного же автора читаем: «Отношение их к разряду глагольных словосочетаний связано с тем, что они выполняют функцию предиката...» (Там же: 75).

С этими высказываниями З. Г. Ураксина нельзя не согласиться. Компоненты рассматриваемых словосочетаний еще полностью не утратили своего вещественно-

го значения. Но, несмотря на это, они не могут функционировать в роли самостоятельных членов предложения, так как находятся в очень тесной связи между собой и выражают единый процесс, в результате чего предложение становится безличным.

В роли именного компонента рассматриваемых фразеологических сочетаний выступает ограниченное количество слов. Большинство из них употребляется только с аффиксом притяжательности: *жаным (-ынг, -ы)* – «моя душа (твоя, его)», *эсим (-инг, -и)* – «мое внимание (твое, его)», *акгылым (-ынг, -ы)* – «мой ум (твой, его)» и т.д. Поэтому в структуре предложений, в роли предикативного члена которых выступают такие фразеологизмы, всегда наличествуют морфологические (аффиксы принадлежности) или лексико-морфологические (местоимения, имена существительные и аффиксы принадлежности) средства выражения «субъекта принадлежности» (Тачмурадов, 1959: 6).

Исследователи отмечают, что в тюркских языках для образования безличных предложений используются сочетания неличных форм глагола с различными предикативными словами. Например, И. Д. Джакубов указывает, что в современном киргизском языке в функции предикативного члена безличных предложений выступают сочетания имен действия со словами *керек*, *тийиши*, *ыштымал*, *болот*, *туура келет*, причем имена действия в данных сочетаниях, как правило, выступают в форме дательного падежа (Джакубов, 1966: 32–36). Подобным конструкциям в карачаево-балкарском языке соответствуют предложения с «предикативным членом», выраженным сочетанием инфинитива глагола в дательном падеже с предикативными словами, глаголами и некоторыми прилагательными и наречиями. Это можно представить в следующей схеме:

Тюркологи считают, что все эти предложения образовались одним и тем же способом – путем выражения главного члена односоставного предложения указанными словосочетаниями. На самом же деле эти предложения отличаются друг от друга как по своему образованию, так и по структурным и семантическим характеристикам. Это вызвано многими причинами, одна из которых объясняется различными валентностными свойствами компонентов, из которых состоят предикативные члены данных предложений и самих этих членов.

Вторые компоненты главного члена таких предложений, если взять их отдельно, в принципе могут сочетаться с грамматическим подлежащим, но эта сочетаемость каждого компонента различная. Например, слово *айылды* сочетается только с подлежащим, выраженным причастием или причастным оборотом, а с подлежащими, обозначающими прямые личные субъекты, это слово не может вступить в предикативную связь. Сочетания же «инфинитив + *айылды*», «инфинитив + *жарайды*», «инфинитив + *ушайды*» и т.д., когда они образуют безличные предложения в традиционном понимании, предполагают сочетания с именем в дательном-направительном падеже.

В образовании таких предложений большая роль принадлежит инфинитиву, который, не имея характерные для подлежащего форму и значение, занимает в этих предложениях его позицию.

Ср. предложения: 1) *Сен айтыргга жарамаз*; 2) *Санга айтыргга жарамаз*. В первом из них местоимение *сен* относится к инфинитиву, тем самым образуется инфинитивный оборот. Допустим, что этот оборот выполняет роль развернутого подлежащего, где сказуемое выражено словом *жарамаз*. Тогда местоимение *сен* не имеет непосредственной связи со словом *жарамаз*. Второе же предложение может быть осмыслено двояко: а) *Говорить тебе нельзя*; б) *Тебе говорить нельзя*. В первом случае местоимение *санга* относится к инфинитиву, который в сочетании с последним образует оборот, выполняющий функцию подлежащего при сказуемом *жарамаз*. Во втором случае *санга* относится к *айтыргга жарамаз*. При этом местоимение меняет свою форму, ибо иначе оно не может сочетаться с предикативным членом данного предложения: *Сен айтыргга + жарамаз – Санга айтыргга жарамаз*.

Рассматриваемые предложения употребляются и с именем в дательном падеже и без него. Во втором

случае в предложении выражается действие, которое совершается или должно быть совершено безотносительно к какому-либо лицу. Во втором случае дательный падеж всегда обозначает косвенное лицо, которому приписывается какое-либо действие, состояние.

Вопрос о синтаксической функции дательного падежа в данной позиции – один из сложных в грамматике. Одни тюркологи этот вопрос обходят стороной, называя данную падежную форму просто дополнением, другие считают, что эта форма имеет субъектное значение. Но признание последнего приводит исследователей в тупик. Предложение, в котором содержится лицо (субъект), можно ли отнести к безличным? Не находя ответа на этот вопрос, некоторые ученые такие предложения относят к определено-личным. Большинство же исследователей синтаксиса тюркских языков, учитывая, что здесь выражается не прямой, а косвенный субъект, безоговорочно относят такие предложения к безличным.

Как отмечалось выше, чтобы выйти из создавшегося положения, И. Расулов предлагает заменить термин «безличное предложение» термином «предложение, не допускающее возможность определения подлежащего по форме сказуемого».

В тюркских языках встречаются безличные предложения, главный член которых выражается глаголом (*Сууукъсуратады* «Морозит»; *Къалтыратады* «Трясет» и т.д.) или именной частью речи (*Къарангыды* «Темно»; *Мында аманды* «Здесь плохо»).

Такие предложения образовались в результате редукции предметного субъекта. М. А. Сагитов правильно подчеркивает, что « их образование было связано с определенными целями сообщения, а именно: потребностью выразить действие – состояние отвлечено от производителя действия или носителя состояния, т.е. в виде самопроизвольно происходящего процесса» (Сагитов, 1964: 29; Расулов, 1975: 23–25).

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

В настоящее время изучению предложения в номинативном аспекте придается большое значение. При

этом одни синтаксисты считают, что исследование синтаксических единиц должно вестись в направлении от формы к содержанию, а другие, наоборот, – в направлении от содержания к форме. Общим для того и другого направлений является по существу то, что их представители признают, что предложение представляет собой такую предикативную конструкцию, которая одновременно имеет формальную и семантическую структуру. Этим и отличаются указанные направления от традиционного тюркского языкознания. Результаты новейших синтаксических исследований, проведенных на материале различных языков, показали, что установление как формальных, так и семантических моделей предложения показывает взаимодействие между ними, имеет большое научное и практическое значение. Целью этих исследований является выявление и описание формально-семантических моделей предложения в том или ином языке.

Анализ многочисленных фактов языка показывает, что одна и та же семантическая структура может передаваться несколькими формальными структурами, точно так же одна и та же формальная структура служит для выражения нескольких семантических структур. При этом исследователю нетрудно заметить, что число формальных единиц в каждом языке меньше числа возможных семантических рубрикатий. Это общее положение распространяется и на предложение: каждая из формальных структур предложения в зависимости от лексического наполнения синтаксических позиций служит для представления нескольких семантических моделей. Исключения из этого правила очень редки (см.: *Ахматов, 1983*). Если учесть это, то становится ясным, что исследование предложений в направлении от формы к содержанию гораздо продуктивнее. Сначала на основе валентных свойств предикатной леммы нужно установить формальные схемы предложения, а затем на основе изучения лексического наполнения синтаксических позиций, или мест, этих схем установить, какие семантические модели ими передаются. Общеизвестно, что форма и содержание любого знака, в том числе и предложения, неразрывно связаны друг с другом. Поэтому нельзя считать, что формальные схемы предложений можно выделить без опоры на их семантику.

Правомерность указанного метода анализа обусловлена еще и тем, что предложение является языковым

знаком, смысл которого заключен в нем самом, и тем, что предложение – это такая формально организованная единица языка, семантика которой в большей степени зависит от наполняющего эту форму лексико-семантического материала. Совершенно права Г. А. Золотова, когда подчеркивает, что, «поскольку элементы смысловой структуры предложения (в подавляющем большинстве случаев) материализуются лишь в языковых единицах, целесообразно изучать ее на материальном уровне этих единиц. Семантическая ситуация может быть структурирована в той мере, в какой различные отношения между ее составляющими выражены языковыми средствами» (Золотова, 1976: 125).

Целью настоящей работы является выявление основных формально-семантических моделей безличных предложений карачаево-балкарского языка и описание их исходя из вышеуказанных положений. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению имеющегося в нашем распоряжении материала, необходимо коротко остановиться на вопросе о том, что такое безличное предложение. Такая необходимость вызвана тем, что данный вопрос до сих пор остается спорным. Обзор имеющейся литературы показывает, что, по мнению одних лингвистов, в тюркских языках в силу отсутствия в них безличных глаголов нет безличных предложений (Баскаков, 1956). Другие же синтаксисты считают, что в этих языках такие предложения есть, и определяют их как конструкции, в которых нет и не может быть грамматического подлежащего, являющегося носителем субъекта (Джавадов, 1956; Неустров, 1972 и др.). Анализируя факты узбекского языка, И. Расулов приходит к выводу о том, что к безличным необходимо относить такие предложения, в которых по форме сказуемого невозможно установить субъект действия (Расулов, 1973: 25).

Учитывать указанные факты для определения безличных предложений, конечно, надо. Однако важно установить, почему в безличных предложениях невозможно употребление «грамматического подлежащего» и почему нельзя установить субъект действия по форме сказуемого безличных предложений. Многие тюркологи выделяют и описывают безличные предложения, а указанные вопросы остаются вне поля их зрения.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо учитывать следующие факты. Во-первых, следует помнить, что в тюркских языках для выражения субъекта в

предложении используются морфологические и лексические средства. Эти средства могут быть употреблены в этих целях в отдельности или в комплексе. Учитывая это, можно говорить, что в этих языках субъект выражается тремя способами: 1) морфологически; 2) лексически; 3) лексико-морфологически; ср.:

– *Къайрыса?* «Куда ты?»

– *Театрга.* «В театр».

– *Хасанны къайда болганын билемисе?* «Знаешь, где находится Хасан?»

– *Билмейме.* «Не знаю».

– *Аны башха ишге кёчюргендиле дейдиле. Ол керти болурму?* «Говорят, что его перевели на другую работу. Правда ли это?» и т.п.

В этих предложениях в роли морфологического средства выражения используются лично-предикативные аффиксы. Конструкции с субъектами, выраженными указанными аффиксами, по традиционной терминологии, бывают личными односоставными предложениями (определенно-личными, неопределенно-личными и обобщенно-личными). Эти типы односоставных предложений характеризуются определенными структурно-семантическими и стилистическими особенностями. Для выявления субъекта односоставных определенно-личных предложений в основном опираются на контекст, на конситуацию. Подлежащее, которое является выразителем субъекта, при этом опускается, и предложение в результате этого становится в формальном отношении односоставным. Однако здесь сохранено морфологическое средство выражения субъекта, т.е. лично-предикативный аффикс, в семантическом отношении такое односоставное предложение ничем не отличается от двусоставной конструкции, ср.: *Мен институтха барама* «Я иду в институт» и *Институтха барама* «Иду в институт». Семантическая структура (СемС) обоих предложений: субъект движения – конкретизатор локальный (обстоятельство места) – предикат движения.

Это показывает, что опущение подлежащего таких предложений не приводит к изменению их семантической структуры, а также к образованию безличной конструкции.

В качестве морфологических средств выражения субъекта используются и притяжательные аффиксы. Если лично-предикативные аффиксы употребляются в предложении вместе с подлежащими, то притяжатель-

ные аффиксы – вместе с таким компонентом предложения, который выражен родительным падежом: *Мени санга айтырыгым барды* «Я хочу что-то сказать тебе»; *Сени жырларыгын келеди* «Тебе хочется петь» и т.п.

Если в двусоставных предложениях субъект выражается одновременным использованием подлежащего и личного предикативного аффикса, то в приведенных предложениях в качестве выразителей субъекта выступают слова в родительном падеже и притяжательные аффиксы, присоединяемые к причастию, связанному с указанным словом по типу изафета III. Иначе говоря, как и в двусоставном предложении, субъект здесь выражается лексико-морфологически.

В выражении субъекта участвует не только родительный, но и другие косвенные падежи. Во всех предложениях, где эти падежи участвуют в выражении субъекта, сказуемое всегда стоит в нулевой форме лица. В такой же форме лица употребляются сказуемые предложений, в которых подлежащее обозначает 3-ий личный или предметный субъект: *Аслан келди* «Аслан пришел»; *Бу теректе терк ёседиле* «Эти деревья растут быстро». В таких предложениях основной падеж – выразитель субъекта согласуется со сказуемым – выразителем предиката в числе и лице. Что же касается других падежей – выразителей субъекта, то их связь с другими компонентами предложения носит совершенно иной характер. Независимо от числа слов, стоящих в этих падежах, предикатное слово всегда стоит в единственном числе. В том же числе в нулевой форме лица стоит и предикатное слово в безличных предложениях.

Прежде чем приступить к более детальному рассмотрению указанных вопросов, необходимо отметить, что в тюркских языках субъект может быть выражен и лексически. Однако в современном карачаево-балкарском литературном языке простые предложения с субъектом, выраженным только лексическими средствами, как правило, употребляются в составе сложного предложения: *Мен – кгойчу, сен – жылкычы* «Я – чабан, ты – табунщик». Самостоятельное же употребление таких синтаксических единиц является редким явлением, характерным для языка устного народного творчества и разговорной речи, ср.: *Умутсуз жашау – кюйген кесеу* (Посл.) «Жизнь без надежды – сгоревшая головешка».

Из вышеуказанного видно, что на основании средств выражения субъекта простые предложения условно

можно делить на следующие группы: 1) предложения, в которых субъект выражен лично-предикативными аффиксами или основным падежом и этими аффиксами одновременно; 2) предложения, в которых для выражения субъекта используются или могут использоваться слова, стоящие не в основном, а в других падежах; 3) предложения, в которых субъект никак не выражен. Остановимся на последних двух группах предложений.

Предложения, в которых для выражения субъекта используются или могут использоваться слова, стоящие не в основном, а в других падежах (косвенно-субъектные предложения). Такие предложения по характеру отношения между их компонентами, по структуре и семантике бывают самыми разнообразными. В некоторых из них для выражения субъекта вместе с притяжательным аффиксом используется родительный падеж (Сэ) слова, обозначающего какое-либо лицо. Среди таких предложений определенное место занимают конструкции, в составе которых употребляются причастия на *-рыкь/-рик, -лыкь/-лик*. Например: *Мени жырларыгым келеди* «Мне хочется петь»; *Бизни окгуругубуз келеди* «Нам хочется учиться» и т.п.

Такие предложения в современном языке осмысливаются двояко. Так, первое из приведенных предложений можно перевести на русский язык следующим образом: 1) «Мне хочется петь», 2) «Идет тот из многих, который поет». Во втором случае это предложение является двусоставным: в нем глагол *келеди* выступает в роли сказуемого, причастие будущего времени *жырларыгым* – в роли подлежащего, а местоимение *мени* – в роли притяжательного определения. В данном случае сказуемое согласуется с подлежащим в числе и лице: *Жырларыгым келеди; Жырларыкларым келедиле* и т.д.

В первом случае это предложение не может быть расчленено на подлежащее и сказуемое. Причастный компонент и глагол *келеди* здесь не принимают аффикса множественного числа. Исключение составляет случай, когда причастие в такой конструкции употреблено с аффиксом притяжательного 3-го лица, ср.: *Аланы жырларыклары келеди* «Им хочется петь». В данном случае причастие употребляется во множественном числе. Однако глагол не согласуется в числе, что говорит о неподлежащем характере причастия. Сочетание *жырларыгым келеди* является устойчивым, синтаксически неразложимым.

Предложения рассматриваемого типа в плане содержания состоят из двух элементов: субъекта, который выражается притяжательным аффиксом (или формой S_2 и тем же аффиксом одновременно) и предиката, выраженного устойчивым сочетанием *жырларыгъым келеди*.

В форме причастия будущего времени в таких предложениях могут употребляться глаголы различных семантических классов. В зависимости от этого данные конструкции могут включать в свой состав разное количество необходимых элементов и выражать различные СемС. Ср.: 1) *Мени жырларыгъым келеди* «Мне хочется петь»; 2) *Мени китап окъуругъым келеди* «Мне хочется читать книгу»; 3) *Мени космосха учарыгъым келеди* «Мне хочется полететь в космос»; 4) *Мени аны юсюнден сѣлеширим келеди* «Мне хочется говорить о нем»; 5) *Асланни сенден Хасаннга китап жиберлиги келеди* «Аслану хочется послать Хасану книгу через тебя» и т.п.

Как видим, количество необходимых компонентов предложения и его общая семантика находятся в прямой зависимости от семантики и валентных свойств глагола, от которого образован причастный компонент синтаксической структуры, а глагол *келеди* «хочется» во всех приведенных случаях остается неизменным и придает высказыванию модальное значение.

Известно, что в карачаево-балкарском языке для выражения отрицания используются различные средства: 1) аффиксы отрицания (в глагольных предложениях), 2) отрицательная частица *туйюл*; 3) слово *жокъ* «нет».

Употребление слова *жокъ* в данной функции приводит к образованию предложения, в котором для выражения субъекта используется S_2 . Такие предложения включают в свой состав, кроме S_2 , причастия будущего времени и слово *жокъду*. Ср.: *Мени ары барлыгъым жокъду* «Я туда не пойду»; *Фатиматны санга ёпкелериги жокъду* «Фатима на тебя не обидится» и т.п.

Нетрудно заметить, что по своей формальной структуре такие предложения отличаются от вышерассмотренных тем, что в них вместо глагола *келеди* употреблено слово *жокъду*, которое выражает отрицание.

Как и в вышерассмотренных предложениях, в данных конструкциях в форме причастия будущего времени употребляются глаголы всех семантических классов, выражающие значение различных предикатов. Формой S_2 и аффиксом притяжательности, присоединяемым к

указанным причастиям, выражается субъект, семантическое качество которого, как и в конструкциях с глаголом *келеди*, зависит от специфики семантики глагола, от которого образовано причастие. Как и в предложениях со словом *келеди*, в данных конструкциях словоформа C_2 может употребляться как в ед., так и во мн. числе. Независимо от этого слова *жокгду* и *келеди* всегда стоят в форме ед. числа 3-го лица. Ср.: *Мени ары бардыггым жокгду* «Я туда не пойду». СемС данного предложения трехкомпонентна: субъект движения, локальный конкретизатор и предикат движения. СемС предложения *Мени жукъларыггым жокгду* «Я не хочу спать» двухкомпонентна: субъект состояния, предикат состояния. А СемС предложения *Мени санга аны юсюнден айтырыггым жокгду* «Я тебе об этом не буду говорить» состоит из четырех семантических компонентов: субъекта речи, объекта-адресата речи, объекта-темы речи и предиката речи.

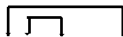
Нетрудно заметить, что с причастным компонентом приведенных предложений определенным образом связаны все их члены, что можно показать следующим образом:

Мени сени бла школгга кетеригим келеди «Мне хочется вместе с тобой уйти в школу».

Как видим, C_2 вступает в двойную связь, ср.: *мени кетеригим, кетеригим мени келеди*.

В такую же двойную связь вступает C_2 с другими компонентами предложения в конструкциях типа:

Мени жаным кетди букв. «Моя душа ушла».

Предложения этого типа состоят из слов, стоящих в родительном падеже (C_2), в основном падеже (C_1), и какого-либо глагола. В форме C_2 употребляются только слова типа *жан* «душа», *акгыл* «ум», *кёл* «настроение» и т.п. Сочетания, состоящие из данных слов и

вышеуказанных глаголов, являются устойчивыми и приводятся в словарях тюркских языков как фразеологизмы, а в синтаксических исследованиях – как средства выражения сказуемого.

Совершенно прав М. З. Закиев, когда говорит, что в рассматриваемых предложениях словоформа S_1 носителями языка раньше осмысливалась как подлежащее (Закиев, 1963: 48). А сейчас она в сочетании с указанными глаголами выражает единый процесс. Это признают и исследователи фразеологии тюркских языков. Например, З. Г. Ураксин подчеркивает, что указанные устойчивые сочетания «можно соотносить с предложениями лишь формально, по наличию в их составе компонентов, находящихся в отношениях подлежащего и сказуемого. Несмотря на такую структуру, фразеологизмы выполняют номинативную функцию, а не коммуникативную (Ураксин, 1975: 21), «выполняют функцию предиката» (Там же: 75).

Предложения, в которых в качестве сказуемого выступают такие фразеологизмы, по своей форме и содержанию бывают различными. Например, конструкции «Мени жаным кетди», «Мени кёлүм бокганды» выражают психофизиологическое состояние человека. Их СемС состоит из субъекта состояния, выраженного формой S_2 и притяжательным аффиксом, присоединяемым к словам, употребляющимся в форме S_1 , т.е. лексико-морфологически, и предиката состояния.

Фразеологизированные предложения, выражающие состояние человека, строятся по различным схемам. Например, предложения *Санга кез тийгенди* «Тебя сглазили» (букв. «В тебя попал глаз»); *Анга жётел тийгенди* «На него напал кашель» и т.п. состоят из слова, обозначающего одушевленное лицо и стоящего в дательном-направительном падеже (S_3), которое выражает субъект состояния, и фразеологизма, состоящего из слов типа *ауруу* «болезнь», *безгек* «малярия» и т.п. и глагола *тий* – букв. «трогать». Такой фразеологизм выражает предикат состояния. Общая семантика рассматриваемых конструкций: ухудшение состояния личного субъекта.

Ср.: *Мени Мажитге жаным ауруйду* (С.Ш.) «Мне жалко Мажита». Такие предложения в плане выражения трехкомпонентны и состоят из формы S_3 , выражающей субъект состояния, формы S_3 – личного объекта состояния субъекта и фразеологизма, состоящего из слов

типа *жан* «душа», *жюрек* «сердце» и т.п. и глаголов *ауру* «болеть», *кыйнал* «трудиться», «страдать» и др.: *Мени анга жүрегим эрийди* «Мне его очень жаль».

Как видно из примеров, смысл данных предложений в основном зависит от специфики семантики предиката. Рассматриваемые фразеологизмы различаются друг от друга как по своей формальной структуре, так и по содержанию. По форме они могут отличаться друг от друга даже в рамках одной смысловой группы предложений. Количество необходимых компонентов модели в основном зависит от валентных свойств и семантики предиката. Но иногда при одном и том же предикате, выраженном фразеологизмом, могут быть различные необходимые компоненты, которые могут отличаться друг от друга как формально, так и семантически. Это часто зависит от семантики включенного предиката. Ср.: 1) *Атны бирлеге берирге кёзюм кыймайды* (С. Ш.) «Мне жалко давать лошадь кому-либо»; 2) *Мени мындан кетерге кёзюм кыймайды* (О. Э.) «Мне жалко уходить отсюда» и т.п.

В первом предложении включенным предикатом является словоформа *берирге*, аргументами которой являются слова *атны* и *бирлеге*. Во втором примере таким предикатом является слово *кетерге*, а его аргументом – слово *мындан* (о включающем и включенном предикатах подробнее см. ниже).

Субъект, в передаче которого участвует или может участвовать не основной, а какой-либо другой падеж, мы условно называем косвенным, а предложение с таким субъектом – косвенно-субъектным.

Многие фразеологизированные модели косвенно-субъектных предложений имеют свои варианты, являющиеся двусоставными конструкциями, ср.: 1) *Мени ары барлыгым жокъду/Мен ары барлыкъ туююлме* «Я туда не пойду»; 2) *Мени жырларыгым келеди/Мен жырларгъа сюеме* «Я хочу петь» и др.

В отличие от предложений с ясной синтаксической структурой, некоторые конструкции с косвенным субъектом трудно поддаются или не поддаются синтаксическому членению. Поэтому при выделении членов, особенно сказуемого, таких предложений традиционная грамматика допускает определенные противоречия. Так, например, выделение сказуемого предложений, в составе которых имеются как личная, так и неличная формы глагола, связанные друг с другом смысловой и

формальной связью, является сложной задачей, к решению которой лингвисты подходят по-разному.

В русской лингвистической традиции определились два подхода к решению указанной задачи. Представители одного подхода, связанного с именем А. А. Шахматова, считают сказуемым только личный глагол, а инфинитивы рассматривают как самостоятельные части членов предложения, называя их дополнительными глагольными членами (Шахматов, 1941). Представители другого подхода, связанного с именем Д. Н. Овсяннико-Куликовского, считают, что сочетания инфинитива с личными формами глагола представляют собой один член предложения – сказуемое (Овсяннико-Куликовский, 1912; Храковский, 1972).

В большинстве тюркологических исследований одновременно используются оба эти подхода. Выбор того или другого из них определяется статусом независимого личного глагола. Если такой глагол рассматривается как служебный, то сказуемым считается сочетание инфинитива с данным глаголом: *Мухтар тюкенден китап сатып алды* «Мухтар в магазине купил книгу». Если такой глагол квалифицируется как самостоятельный, то сказуемым считается только один он, а инфинитив рассматривается как тот или иной самостоятельный член предложения (Ишбаев, 1975: 18 и далее). Ср.: *Жашла бери окгургъа келгендиле* (А. Т.) «Ребята приехали сюда учиться». В этом предложении личная форма глагола *келгендиле* относится к самостоятельным глаголам и является полнокровным членом предложения, а связанный с ним инфинитив *окгургъа* служит для выражения цели.

Но этого нельзя сказать об инфинитиве и личной форме глагола в предложении: *Жашла анда окгургъа боллукгъдула* «Ребята, возможно, будут учиться там». Опускание инфинитива приводит к изменению значения данного предложения: *Жашла анда боллукгъдула* «Ребята будут там». В некоторых случаях опускание инфинитива может привести к полному разрушению предложения. А иногда это вообще невозможно, потому что оставшийся одиночный вспомогательный глагол не способен выступать в роли сказуемого и выражать предикат.

Анализ фактов языка показывает, что слова, занимающие в рассматриваемых предложениях позицию предиката, бывают различными: 1) глаголы, употребляемые в модально-вспомогательном значении: *Поэзд*

шахарға ингирде кетерик ушайды «Оказывается, поезд уедет в город вечером»; 2) глаголы, связанные с понятиями намерения, общения, желания, разрешения, приказания, свободы действия и т.д.: *Жайла университетге кирирге сюедиле* «Ребята хотят поступить в университет»; 3) модальные слова, не являющиеся глаголами (*керекди, тийишлиди*): *Алагга университетге кирирге керекди* «Им необходимо поступить в университет»; 4) некоторые прилагательные (*кыйынды, тынчды, аманды, игиди* и т.п.): *Къартха таугга чыкъгъан кыйынды* «Старику трудно подниматься в горы» и др.

Некоторые из данных слов не могут самостоятельно выступать в роли сказуемого. Другие способны к самостоятельному функционированию в роли предиката, но в сочетании с инфинитивом выступают во вспомогательной функции, ср.: 1) *Иш башланды* «Работа началась»; 2) *Ол ишлеп башлады* «Он начал работать». Остальные также могут самостоятельно выступать в роли сказуемого, а в сочетании с инфинитивом сохраняют относительную самостоятельность. Ср.: 1) *Манга китап керекди* «Мне нужна книга» и 2) *Манга окгургга керекди* «Мне нужно учиться».

В первом из данных предложений слово *керек* является сказуемым. Во втором же из них оно рассматривается в традиционной лингвистике в качестве сказуемого только в сочетании с инфинитивом и выражает значение необходимости. При этом считается, что здесь невозможно говорить о какой-либо самостоятельности слова *керек*. Но ср.: *Мазан окгургга юйренгенди* «Мазан научился читать». Вряд ли можно говорить об относительной самостоятельности инфинитива и личной формы глагола. Об этом свидетельствует то, что к инфинитиву возможно поставить вопрос *неге? чему?* Об этом же говорит и то, что в данной структуре инфинитив может быть заменен другим словом, способным служить в качестве выразителя дополнения, ср.: *Мазан окгургга юйренгенди* «Мазан научился читать»; *Мазан ишге тюзелгенди* «Мазан научился работать» и т.п.

Такие факты показывают, что нельзя согласиться с точкой зрения, согласно которой все слова, разделенные нами выше на несколько групп, называются служебными. Многие из них имеют самостоятельное лексическое значение. Но в отличие от других слов, оказываясь в позиции предиката, они в силу своих валентных свойств, требуют замещения одной из синтаксических позиций

в предложении инфинитивом или какой-либо другой неличной формой глагола. Инфинитив же имеет при существе глаголу значение действия, процесса, поэтому его трудно подвести под категорию традиционных членов предложения. Этим и можно объяснить причину того, что инфинитив рассматривают как составную часть сказуемого, а связанный с ним по смыслу глагол относят к служебным словам.

Однако такой глагол, а также слова типа *керекди*, *кыйынды* и т.п., существенно отличаются от служебного слова. Служебные слова в составе сказуемого, как правило, служат для выражения абстрактно-грамматических значений, а также для показа отношения говорящего к высказываемой в предложении мысли. Как отмечают все исследователи, носителем же значения сказуемого является его основная часть. Валентность слова, которым выражается сказуемое, не зависит от служебной части сказуемого, ср.: 1) *Ол китап окзуй эди* «Он читал книгу»; 2) *Ол китап окзуй болур* «Возможно, он читает книгу»; 3) *Ол китап окзуй кереме* «Оказывается, он читает книгу»; 4) *Ол китап окзурук ушайды* «Оказывается, он будет читать книгу» и т.п.

Что же касается рассматриваемых глаголов, модальных и других слов, которые приводились выше, то нетрудно заметить, что именно они определяют количество синтаксических позиций в предложении, ср.: *Мен санга окзургга болудум* «Я помог тебе учиться»; *Мен сенден окзургга юрендим* «Я научился читать у тебя» и т.п.

Расширение же предложения за счет валентности инфинитивных форм глагола в данных структурах происходит по другой линии.

Все слова, замещающие позиции, открываемые инфинитивом, относятся к самому инфинитиву, образуя вместе с ним инфинитивный оборот. Как и другие обороты, образуемые неличными формами глагола, инфинитивный оборот замещает одну из синтаксических позиций предложения, открываемых личной формой глагола или каким-либо другим словом, замещающим позицию такой формы глагола, ср.: *Азиз билгенни мен да билеме* «То, что знает Азиз, знаю и я» (причастный оборот занимает позицию дополнения); *Азиз андан мен келгенлей кетгенди* «Азиз ушел оттуда, как только я пришел» (деепричастный оборот занимает позицию обстоятельства) и т.д. *Биз ары кюн батаргга жетген эдик* «Мы добрались туда к заходу солнца» (инфинитивный оборот занимает позицию обстоятельства) и т.д.

Каждый из этих оборотов традиционной грамматикой рассматривается как развернутый член предложения. В других же случаях стержневой компонент указанных оборотов рассматривается как элемент сказуемого, а другие слова, входящие в эти обороты, – как самостоятельные члены предложения. Такое противоречие содержится во многих синтаксических исследованиях (Грамматика азербайджанского языка, 1971: 271; Алиев, 1972: 151, 152, и др.). В тюркских языках стало традицией рассматривать сочетание неличных форм глагола с вспомогательными или другими словами как сказуемое, а предложения с такими сказуемыми – как безличные конструкции. Так, например, И. Д. Джакубов считает, что в киргизском языке в роли сказуемого безличного предложения выступают сочетания имени действия со словами *керек*, *мюмкюн*, *тийиши* и др. (Джакубов, 1966: 32–36).

Отнесение таких слов к «вспомогательным», «служебным» приводит исследователей к приравнению их роли к роли аффиксов предикативности. Так, Дж. Амантурдыев пишет: «Если уподобить составное сказуемое слову, то при таком уподоблении ведущий компонент будет равен основе слова, а формальный компонент – присоединяемым к основе аффиксам» (Амантурдыев, 1965: 13, 14), что является глубоко ошибочным.

Многие из тех глаголов, все прилагательные и модальные слова, которые в сочетании с неличной формой глагола «образуют» косвенно-субъектные предложения, являются самостоятельными словами, различающимися как по смыслу, так и по своим валентным свойствам. Они требуют замещения одной из синтаксических позиций предложения неличной формой глагола, в карачево-балкарском языке – чаще инфинитивом. Данный инфинитив может быть одиночным или распространенным различными субъектными, объектными и другими элементами. Это зависит от валентных свойств самого инфинитива. Отсюда видно, что при определении количества и качества необходимых компонентов нужно учитывать валентные свойства как инфинитива, так и личной формы глагола, модальных слов, прилагательных и других слов, занимающих позицию этой формы глагола.

Личная форма глагола, модальные и другие слова в рассматриваемых предложениях являются выразителями включающих предикатов, а инфинитив – выразителем включенных предикатов.

В отличие от предикатов, аргументами которых являются непредикативные слова, включающие предикаты требуют наличия в аргументных местах других предикатов, которые оказываются включенными в предложение. Предложение, включающее в свой состав включенный предикат, иногда может быть прямосубъектным или косвенно-субъектным, а иногда – только косвенно-субъектным. Это зависит от семантики и валентных свойств включающего предиката, ср.: 1) *Мен китап окъургъа керекме* «Я должен читать книгу»; 2) *Манга китап окъургъа керекди* «Мне необходимо читать книгу»; 3) *Манга къартлагъа болушмазгъа айыпды* «Мне стыдно не помогать старикам».

Как отмечено выше, в карачаево-балкарском языке для образования косвенно-субъектных предложений используются не только глаголы, но и различные предикативные слова и даже некоторые прилагательные и наречия. Это можно представить в следующей схеме:

Комплекс *бизге ары барыргъа* можно заменить любым другим комплексом. Ср.: 1) *Бизге китап окъузмазгъа айыпды*; 2) *Бизге аны юсюнден сагъыш этерге айыпды*; 3) *Бизге аны санга айтыргъа керекди* и др.

Как видим, инфинитив имеет свои аргументы. Их качество и количество в основном зависит от семантики инфинитивной формы глагола, т.е. включенного предиката. Форма слова, выражающего косвенный субъект (*бизге* «нам») зависит в данном контексте от включающего предиката. В тех случаях, когда включающий предикат требует постановки слова-выразителя субъекта в основной падеж, образуется двусоставное, личное предложение, а в тех случаях, когда он требует постановки данного слова в форме S_1 , образуется косвенно-субъектная конструкция. Ср.: 1) *Манга сени аны окъургъа юретирге керекди* «Мне нужно научить тебя читать это»; 2) *Манга аны окъургъа жарамайды (эрттеди, къыйынды д.а.к)* «Мне нельзя (рано, трудно и т.д.) читать это».

Факты различных языков показывают, что включа-

ющие предикаты бывают фазисными, модальными и каузативными (Богданов, 1977: 78 и след.). В рассматриваемых предложениях они показывают дозволение, запрещение, возможность, необходимость и т. п. Одна из важнейших задач синтаксиса заключается в том, чтобы выявить те глаголы и другие слова, которые требуют замещения одной из синтаксических позиций предложения включенным предикатом и описать предложения с такими предикатами. Предварительное рассмотрение этого вопроса показывает, что в карачаево-балкарском языке в роли включающего предиката выступают глаголы, входящие в различные семантические группы, например: *таукеллен* – «решиться», *итин* – «стремиться», *тюшеди* – «приходится», *кёрюн* – «казаться», *жара* – «годится», *юйрен* – «научиться», *кюреш* – «стремиться», *ант эт* – «поклесться», *оноулаш* – «договориться», *хазырлан* – «подготовиться», *кюсе* – «желать совершить какое-либо действие», *кьолдан келди* – «суметь», *сёз бер* – «обещать», *суй* – «захотеть», *мурат эт* – «ставить цель» и т.п.

Предложения, в которых позицию включающего предиката занимают эти глаголы, бывают прямосубъектными и косвенно-субъектными.

В карачаево-балкарском языке в косвенно-субъектных предложениях в роли включенного предиката выступает и причастие прошедшего времени, например: *Аны бир заманда да алай этгени болмаганды* «Он никогда так не поступал».

Нельзя думать, что во всех косвенно-субъектных предложениях имеются включенные предикаты. Косвенный субъект, выраженный винительным (С₄) и дательно-направительным (С_э) падежами, встречается в предложениях с предикатами, выраженными понудительной формой глагола определенной семантики: 1) *Лейла сабийни жиятды* «Лейла заставила ребенка плакать»; 2) *Лейла сабийни окьутду* «Лейла заставила ребенка читать»; 3) *Лейла сабийге сют ичирди* «Лейла напоила ребенка молоком».

Предложения, в которых субъект никакими средствами не выражен (бессубъектные предложения). Для таких предложений, как и для косвенно-субъектных предложений, характерно то, что в них предикат выражается словами с нулевым аффиксом лица и числа. В отличие от косвенно-субъектных и прямосубъектных предложений, в данных конструкциях полностью от-

сутствуют все виды средств выражения субъекта. Причины полной редукции субъекта в карачаево-балкарском языке бывают различными, установление их имеет большое значение. В отличие от косвенно-субъектных, безличных предложения строятся на основе ограниченного числа форм глагола и отдельных групп именных частей речи. В роли предиката глагольных, безличных предложений выступают не все семантические группы и не все залоговые формы глагола.

1. В форме основного залога в этой роли могут употребляться глаголы, обозначающие явления природы и окружающей среды. На основе этих глаголов строятся предложения по схеме $C_5 - Г$, где C_5 – это слово в местном падеже с пространственным значением, Г – глагол в личной форме. Вместо C_5 могут быть употреблены наречия (Н), например: 1) *Эшикде жаунсураиды* (О. Э.) «На улице дождит»; 2) *Тауда жарыйды «В горах рассветает»*.

В таких предложениях форма C_5 выражает локальный конкретизатор, а Г – предикат состояния; признак, выраженный им, относится к фрагменту действительности или ситуации. Общая семантика этих предложений: наличие определенного явления, процесса как признак той или иной ситуации.

2. Наиболее часто встречаемыми в карачаево-балкарском языке безличными предложениями являются конструкции, в которых предикат выражен формой страдательного залога глаголов, относящихся к различным семантическим группам. Наиболее типичными являются конструкции, в которых позиция предиката замещена глаголами движения. Характерной особенностью таких глаголов является то, что они являются непереходными и не способны сочетаться со словами в форме основного падежа (C_1), форма этих глаголов не способна выражать значение какого-либо лица. Поэтому в таких предложениях действие мыслится безотносительно к какому-либо лицу. Глагольное окончание здесь имеет нулевую форму и нулевое значение лица.

На основе глаголов движения строятся предложения по схеме $C_5 (Н) - G(Н) - C(C_{\text{бл}}, Н) - Г_{\text{страд}}$, где C_5 – исходный падеж, $C_{\text{бл}}$ – сочетание какого-либо слова с послелогом *бла* «с», $Г_{\text{страд}}$ – глагол в страдательном залоге. В зависимости от характера лексического материала наполняющие синтаксические позиции данной схемы выражаются различными СемС. Ср.: *Элден фермагга ол жол бла барылады* (Х. К.) «Из села на

ферму едут (букв. «едется») по той дороге»; *Мындан ары былайтын да жюриюледи* «Отсюда туда едут и по этому месту».

Здесь C_6 (Н) выражает $K_{\text{лок}}$ (начальную точку движения), C_3 (Н) – $K_{\text{лок}}$ (конечную точку движения), C_4 ($C_{\text{бза}}$ Н) – $K_{\text{лок}}$ (место движения), $\Gamma_{\text{страд}}$ – предикат движения.

Общая семантика: движение, перемещение от одного пункта до другого по определенному месту как обычное или возможное явление.

Сочетанием $C_{\text{бза}}$ может быть выражен не $K_{\text{лок}}$, а действие передвижения, и тогда предложениями с указанными предикатами выражается следующая СемС: $K_{\text{лок}}$ (начальная точка движения) – $K_{\text{лок}}$ (конечная точка движения) – $O_{\text{сред}}$ (средство передвижения) – $\Pi_{\text{д}}$ (предикат движения). Ср.: *Элден фермагга вертолёт бла барылады* «Из села на ферму летят на вертолетах».

Ср. еще: *Элден фермагга жаяулай барылады* «Из села на ферму ходят пешком».

Такие предложения обобщенно могут быть представлены в формуле:

$$\frac{C_6 \text{ (Н)}}{K_{\text{лок}}} - \frac{C_3 \text{ (Н)}}{K_{\text{лок}}} - \frac{Н}{K_{\text{обр}}} - \frac{\Gamma_{\text{страд}}}{\Gamma_{\text{да}}},$$

где $K_{\text{обр}}$ – это конкретизатор образа действия. Данный семантический компонент опускается, когда предикат выражается глаголами, связанными с понятием «ходить», например: *Алгын мындан ма бу тарны ичи бла Уллу Къарачайгга, Тебердиге жюриюлгенди* (А. Т.) «Раньше по этой теснине ходили отсюда в Большой Карачай и Теберду».

З. М. Закиев показывает, что в роли предиката бес-субъектных предложений выступают не только глаголы движения (Современный татарский литературный язык, 1971: 46), но и другие семантические типы глаголов.

В караево-балкарском языке в данной функции встречаются глаголы речи, восприятия и мышления.

По схеме C_2 – $S_{\text{юксиден}}$ – Γ , где $S_{\text{юксиден}}$ – это сочетание какого-либо слова с последом *юксиден* «о», строятся информативно достаточные высказывания. Ср.: *Жылылуда ишни юксиден да айтылганды* (С. Ш.) «На собрании говорилось и о работе». Ни один из компонентов данного предложения невозможно опустить без ущерба для содержания высказывания. Здесь форма

C_5 выражает $K_{\text{док}}$ и вместе с тем, так или иначе, указывает на субъект действия, ср.: *Жыйлыуда айтылганды* «На собрании говорилось» и *Жыйылганла айтхандыла* «Собравшиеся сказали». Сочетание $C_{\text{юсюнден}}$ выражает объект – тему речи ($O_{\text{т.речи}}$), $G_{\text{страд}}$ – предикат речи.

В таких предложениях предикат выражается глаголами *айт* «говорить», *кенгеш* «посоветоваться», *сөлеш* «говорить».

В данных структурах позиция $O_{\text{т.речи}}$ часто замещается причастными оборотами.

На основе глаголов речи *уруш* и *көз* «ругать» строятся предложения по схеме $C_5 - C_1 - G_{\text{страд}}$. Ср.: *Юйде Мустафирге да урушулганды* (З. Т.) «Дома ругали и Мустафира».

При необходимости сообщить кому-либо о каком-либо событии используются предложения, построенные по схеме $C_{\text{юсюнден}} - C_3 - G$. В данном случае предикат выражается глаголами *билдирил*, *айтылын*, например: *Ол кюн аны юсюнден халкыгга билдирилгенди* (К. ж.) «В этот день об этом было сообщено народу». Такими предложениями передается СемС: $O_{\text{т.речи}} - O_{\text{дп}} - P_{\text{речи}}$. Такие предложения могут включать в свой состав еще и объект – содержание речи, а также объект – инструмент: *Аны юсюнден сизге радио бла хапар билдирилген эди* «Об этом вам было сообщено по радио». СемС таких предложений: объект-тема речи + объект-инструмент + предикат речи.

4. Ср.: *Фермада радиогга тынгыланды* (К. ж.) букв. «На ферме слушается радио». Данное предложение построено по схеме $C_5 - C_3 - G$. Его СемС состоит из локального конкретизатора, выраженного C_5 , объекта восприятия, выраженного C_3 , и предиката восприятия, выраженного глаголом слухового восприятия, снабженного залоговым аффиксом.

5. В том случае, когда позиция предиката занята глаголом мышления *сагъыш эт* «думать», схемой $C_5 - C_{\text{юсюнден}} - G$ выражается следующая СемС: конкретизатор локальный + объект делиберативный + предикат мышления. Например: *Колхозда мал ашланы юсюнден заманында сагъыш этилингенди* (Л. байр.) «В колхозе своевременно подумали о кормах для скота».

6. По другой схеме построено предложение *Тюкенде китапла сатыладыла* «В магазине продаются книги».

Предикат данного предложения выражен переходным глаголом действия в форме страдательного залога.

При данном глаголе имеется подлежащее (*китапла*), выражающее объект действия, субъект которого никакими средствами не выражен. СемС таких предложений: конкретизатор локальный + объект действия + предикат действия.

Ср.: *Анда ол вопроса да кьаралгъанды* «Там обсуждался и этот вопрос». Данное предложение построено по другой схеме (С₅ – С₃ – Г_{страд.}), но выражает ту же СемС.

7. Глагольными могут быть и предложения, показывающие физическое состояние человека или других живых существ, ср.: *Анда атла бек арытыладыла* (О. Х.) «Там делается так, что лошади очень устают».

Данное предложение построено по схеме С₅ – С₁ – Г. Глагол имеет аффикс страдательного залога и выражает предикат состояния, С₁ – объект состояния, а С₅ – конкретизатор локальный.

8. Встречаются предложения типа *Тёшекде тынч жатылады* «На матрасе легко лежать», построенные по схеме С₅ – Н – Г (в страдательном залоге) и выражающие СемС: конкретизатор локальный + конкретизатор образа действия + предикат состояния.

9. На основе страдательной формы сложносоставного глагола *кьол сал* «подписать» строится бессубъектное предложение по схеме С₅ – Г: *Къагъытха кьол салыннганды* «Бумага подписана».

10. По схеме С₅ – Г строится бессубъектное предложение на основе глагола *дерт ал* «отомстить»: *Андан дерт алыннганды* «Ему отомщено».

11. По схеме С₅ (Н) – С₃ – Г (в страдательной форме) строится предложение на основе глагола *жан аурут* «жалеть, проявить жалость». СемС такого предложения: конкретизатор локальный + объект (живое существо) отношения + предикат отношения: *Анда кишиге жан аурутулмайды* (К. ж.) «Там никого не жалеют».

Как видно из изложенного, в карачаево-балкарском языке для образования безличных конструкций в форме основного залога употребляются глаголы, обозначающие явления природы и окружающей среды. А другие семантические типы глаголов (их тоже немного: глаголы движения, речи, слухового восприятия, отношения, мышления, физического и равновесного состояния) используются в этих целях лишь в форме страдательного залога.

Данные глаголы сами по себе не могут выступать в качестве информативно достаточного высказывания.

Для того чтобы стать таким высказыванием, они распространяются различными типами конкретизатора, реже объекта.

В караево-балкарском языке в роли выразителя предиката безличных предложений употребляются и некоторые именные части речи. Сюда относятся такие слова-антонимы, как *сууукъ* – *жылы* «холодный – теплый», *иги* – *аман* «хороший – плохой», *тар* – *эркин* «тесный – свободный», *карангы* – *жарыкъ* «темный – светлый»; наречия типа *эртте* – *кеч* «рано – поздно» и др., для которых в этой функции обязательно употребление в единственном числе и оформлении аффиксом предикативности *-ды/-ди*. Безличные предложения, главный член которых выражен этими словами, употребляются обычно в описании состояния природы, окружающей среды, обстановки, физического состояния человека и других живых существ и т.д.

Указанные слова, выражающие предикат безличного предложения, без опоры на контекст или без распространения определенными поясняющими словами, не могут выражать информативно достаточные предложения. Эти слова сочетаются со словами в дательном-направительном (С₃) и местном падеже (С₅) или наречиями времени и места.

По общей семантике рассматриваемые предложения делятся на несколько групп.

1. Локальные предложения. Ср.: *Мындан Тырнауузгъа узакъды* (К. ж.) «Отсюда до Тырнаууза далеко»; *Герпегежден сабанлагъа дери сексен километрди* (Там же) «От Герпегежа до полей 80 километров».

Такие предложения строятся по схеме С₆ (Н) – С₃ (С_{дери}, Н) – С₁. Здесь С₆ (Н) выражает К_{нач} (начальную точку), С₃ (С_{дери}, Н) – К_{кон} (конечную точку), С₁ – предикат расстояния. Для обозначения расстояния употребляются слова *узакъ* «далекий», *жууукъ* «близкий», словосочетания, состоящие из количественных числительных и слов, обозначающих меру расстояния.

Общая семантика: выражение расстояния от одного пункта до другого.

2. Темпоральные предложения. Таковыми являются предложения, в которых слова *жууукъ* «близко», *узакъ* «далеко» употреблены в переносном значении. Такое значение ими обретается в сочетании с формой С₃ или сочетанием какого-либо слова с послелогом *дери* «до» (С_{дери}), лексически выражающим значение времени. Слова *узакъ*, *жууукъ* выражают предикат временного

состояния. Ср.: *Алыкга таннга дери узакгды* «До рассвета пока далеко»; *Энди таннга жууукгды* «Теперь до рассвета близко».

Общая семантика таких предложений: наличие темпорального состояния, ограниченного определенными временными пределами, как признак ситуации.

Для образования темпоральных предложений используются и слова *кеч* «поздно», *эртте* «рано». В данном случае безличные предложения оказываются косвенно-субъектными. В структуру этих конструкций входит инфинитивная форма глагола или оборот, образованный ею. Субъект здесь выражается формой S_3 , в позиции которой употребляются слова, обозначающие людей, например: *Бизге жукъларгга алыкга эрттеди* (З. Т.) «Нам спать пока рано»; *Бизге школгга барыргга алыкга эрттеди* (А. Т.) «Нам идти в школу пока рано».

3. Предложения, выражающие состояния среды, обстановки, природы. Такие предложения образуются взаимодействием различных предикатов состояния и конкретизаторов. Ср.: *Эшикде сууукгды* (Х. К.) «На дворе холодно»; *Юйде дауурлуду* (Ж. Т.) «Дома шумно».

Эти предложения состоят из локального конкретизатора, выраженного S_6 , и предиката состояния, который обычно выражается такими словами, как *туманлыды* «облачно», *желлиди* «ветрено» (качественно-природный признак), *жарыкгды* «светло», *кгарангыды* «темно» (световой признак состояния), *дауурлуду* «шумно», *шоиду* «тихо» (звуковой признак) и др. Их общая семантика: наличие определенного состояния как признак ситуации.

В структуру таких безличных предложений на правах его необходимого компонента может входить форма S_2 , служащая для выражения личного субъекта: *Азретге анда кгарангыды* (Ш.) «Для Азрета там темно»; *Бизге юйде игиди* «Нам дома хорошо» и т.п.

Общая семантика: наличие определенного состояния среды, квалифицируемого в его отношении к субъекту.

Выше мы перечислили основные типы моделей безличных предложений. К последним можно отнести и такие конструкции, как: *Анга юч жыл болады* «Ему три года»; *Секирирге энди мени кезиуюмдю* (Х. К.) «Прыгать теперь моя очередь»; *Андан бери эки жыл болады* «С тех пор прошло два года»; *Бююн баш кюндю* «Сегодня понедельник».

Из вышеуказанного видно, что в карачаево-балкар-

ском языке предложения на основании наличия в них субъекта делятся на две группы: субъектные и бес- субъектные. В зависимости от характера средств выражения субъекта субъектные предложения могут быть разделены на прямосубъектные и косвенно-субъектные. Для выражения косвенного субъекта используются родительный, дательный-направительный и винительный падежи. Обезличивание предложения зависит от различных причин: семантики и валентных свойств слов, замещающих позицию предиката, особенностей структурно-семантической организации синтаксической конструкции.

Бессубъектными могут быть как глагольные, так и именные предложения.

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ ГЛАГОЛЬНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

К настоящему времени языкознание обогатилось большим количеством исследований, посвященных синтаксическому строю тюркских языков и построенных на основе обширного языкового материала. Среди них имеются и работы, посвященные структурным типам простого предложения, анализ которых показывает, что вопрос о безличных предложениях тюркских языков продолжает оставаться спорным (*Донидзе*, 1957; *Неустроев*, 1972; *Сагитов*, 1964; *Бектуров*, 1966 и др.). Одни из исследователей считают, что в тюркских языках нет сказуемого, выражающего значение лица, по этой причине в них нет и безличных предложений (*Баскаков*, 1956: 95). Такого же мнения придерживались в 40–50-е годы *А. Н. Кононов* и *Н. К. Дмитриев* (*Кононов*, 1948: 228; *Дмитриев*, 1960: 69, 70). Но позже они стали признавать наличие в тюркских языках безличных конструкций (*Кононов*, 1960: 401, 402).

Понятно, что отдельные синтаксисты связывали вопрос о наличии в тюркских языках безличных предложений с наличием или отсутствием в них безличных глаголов, выступающих в предложении в роли предикатов с нулевой предикацией (*Ахматов*, 1983: 282). Большинство тюркологов считает, что в тюркских языках безличные глаголы отсутствуют. Однако в этих

языках встречаются такие глаголы, как *сууукъсуратады*, *жауунсурайды*. Ср. предложения: 1) *Эшикде сууукъсуратады* букв. «На улице холодит»; 2) *Тауда жауунсурайды* «В горах дождит», которые являются безличными. Опираясь на подобные факты, которые встречаются довольно редко, некоторые авторы считают, что в рассматриваемых языках наличествуют безличные глаголы, против чего нельзя возразить (см.: *Зиннатуллина*, 1969: 160; *Бектуров*, 1966).

Следует отметить, что в грамматиках тюркских языков безличные предложения выделяются в особый тип (см., например: *Кононов*, 1960). Анализ приведенных в них фактов свидетельствует о том, что в тюркских языках главный член безличных предложений выражается не только безличными глаголами, которые среди глагольной лексики отличаются своей малочисленностью, но и другими средствами, к которым относятся глаголы отдельных лексико-семантических типов в форме страдательного залога, некоторые семантические типы прилагательных, специфические сочетания слов, в том числе фразеологизмы. Это позволяет делить безличные предложения на следующие группы: 1) глагольные модели безличных предложений; 2) фразеологизированные модели безличных предложений; 3) безличные предложения с включенными и включающими предикатами; 4) именные модели безличных предложений (*Ахматов*, 1983: 293–310).

Сравнивая традиционно выделяемые в грамматике тюркских языков односоставные предложения, профессор И. Х. Ахматов показывает, что в них субъект выделяется следующими способами:

1) лексико-морфологическим способом – в двусоставных предложениях: а) *Мен шахардан келеме* «Я возвращаюсь из города»; б) *Сен кгойчуса* «Ты являешься чабаном»;

2) морфологическим способом – в личных односоставных предложениях: а) *Театргга барамыса?* «В театр идешь?»; б) *Барама* «Иду»; в) *Айны кгол аязын бла жапмазса* «Луну ладонью не закроешь»; г) *Мени жаным кетди* «Я сильно перепугался».

Лексическим средством выражения субъекта в тюркских языках может служить подлежащее или дополнение. Предложения, в которых субъект выражен подлежащим, являются в формальном и смысловом отношении двусоставными. А предложения, в которых в качестве выразителя субъекта выступает слово в косвенном па-

деже, выполняющее функцию дополнения, имея в своем составе субъект и предикат, в формальном отношении являются односоставными, ср.: 1) *Манга мында игиди* «Мне здесь хорошо»; 2) *Санга иги окъургга керкди* «Тебе необходимо учиться хорошо».

В традиционной лингвистике такие предложения принято относить к безличным. В последних работах И. Х. Ахматова такие предложения составляют самостоятельную группу, которые им названы косвенно-субъектными (Ахматов, 1992: § 25) и отнесены к категории личных предложений.

Что же касается безличных предложений, то в них полностью отсутствуют средства выражения субъекта. Общим для всех групп безличных предложений является то, что в них главный член выражается словом с аффиксом *-ды/-ди, -ду/-дю*. В грамматиках тюркских языков этот формант называют аффиксом третьего лица единственного числа. Однако при отсутствии в предложении лексических и морфологических средств выражения субъекта этот аффикс не может указать на лицо. Учитывая это, профессор И. Х. Ахматов считает, что третье лицо единственного числа в тюркском протом предложении выражается нулевым показателем лица (см.: Ахматов, 1979; Ахматов, 1992: § 25). В правильности такой точки зрения можно убедиться, сравнивая следующие предложения: 1) *Мен шахаргга кетди+м* «Я уехал в город»; 2) *Сен шахаргга кетди+нг* «Ты уехал в город»; 3) *Ол шахаргга кетди+0* «Он уехал в город».

В первых двух предложениях субъект выражен лексическими и морфологическими средствами, а в третьем – только лексическим средством. Иначе говоря, так называемая «форма третьего лица глагола» не указывает на деятеля.

Учитывая все это, глагольные безличные предложения по характеру средств выражения их главного члена и формально-семантическим признакам можно делить на следующие группы:

1. Безличные предложения, главный член которых выражен глаголами в форме основного залога.

Как отмечено выше, результаты отдельных исследований показывают, что в тюркских языках наличествуют такие глаголы, которые в форме основного залога строят предложения, в которых выражаются метеорологические явления. Говоря об этом, автор одного из последних исследований, посвященных безличным

предложениям, отмечает, что такие глаголы «связывались с деятельностью мифического субъекта», и в качестве примеров приводит следующие азербайджанские предложения: *Танры гар гарлатты* «Бог послал снег»; *Танры ягьмур ягдырды* «Бог послал дождь» и др. (Мусаев, 1977: 10). «Постепенное научное устранение мифического деятеля нашло свое отражение в языковых фактах: объективные метеорологические явления стали представляться не как деятельность какого-то мифического деятеля, а, скорее всего, как процесс: *Ягьши ягьыр* «Дождь идет» (См. там же). Наряду с такими конструкциями в тюркских языках встречаются такие безличные предложения, в которых отсутствуют лексические средства выражения мифического деятеля, и явления в них совершаются как процесс, не имеющий отношения к субъекту (Ахматов, 1983: 294): 1) *Тауда боранлайды* букв. «В горах буранит»; 2) *Тюзде жауунсурайды* «На равнине дождит»; 3) *Эшикде сууукъсура тады* букв. «На улице холодит».

Как видно из этих примеров, подобные предложения состоят из обстоятельство места, выраженного словом в местном падеже и предиката, выражающего метеорологическое явление.

Иногда в них обстоятельство места может быть выражено словом в исходном падеже: *Таудан юфгюреди* «Дует с гор».

Обстоятельственный компонент делает рассматриваемые конструкции информативно достаточными и способными употребляться вне контекста в качестве самостоятельных высказываний. Несмотря на то, что в предложениях рассматриваемого типа нет никаких средств выражения субъекта, «благодаря контексту и семантической емкости глагола легко подразумевается первый компонент» (Мусаев, 1977: 10), т.е. субъект.

Еще реже, чем глаголы, выражающие явления природы, встречаются в карачаево-балкарском языке глаголы, на основе которых строятся безличные предложения, выражающие значение времени суток, года. Например, предложение *Тауда танг атды* «В горах рассветло» построено по схеме $S_2 + S_1 + G$. В традиционной грамматике его относят к двусоставным конструкциям. Однако в семантическом отношении эта конструкция ничем не отличается от высказывания *Тауда жарыды* «В горах рассветло». Глаголы типа *жарыды* «рассветает» отдельные исследователи относят к лексемам, выражающим предикаты бессубъектного состояния

(Арват, 1975: 25). В некоторых исследованиях к глаголам, обозначающим погодные явления, отнесены даже сочетания *кюн чыкьды* «солнце встало», *кюн батды* «солнце село» (Оразов, 1985).

Конструкции *Жаун жауады* «Дождь идет» и *Жауунсурайды* «Дождит» также являются синонимичными. Они выражают процесс, который не имеет отношения ни к какому деятелю.

Кроме того, в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, встречаются такие глагольные конструкции, в которых подлежащее, выраженное словом *заман* «время», может быть опущен: 1) *Кече ортадан озду* «Перевалило за полночь»; 2) *Таннга аз кгалгганды* «До рассвета осталось мало».

Как видим, эти предложения построены по разным формальным схемам и выражают временное значение. В роли их предикатов выступают только глаголы *аз* «перевалить» (о времени) и *кгал* «оставаться» (о времени). С помощью первого из них строятся предложения по схеме С₆ + Г. Позицию С₆ в таких предложениях занимают лишь слова с временной семантикой. А предложения, в которых предикат выражается глаголом *кгал* «оставаться», построены по схеме С₆ + С₁ + Г, первую позицию в которой замещают слова с временной семантикой, а вторую – слова *аз* «мало» или *кёл* «много».

Иногда встречаются и такие безличные предложения, главный член которых выражен глагольным фразеологизмом в форме основного залога: *Къарангы кирди* «Стемнело» (букв. «Темнота зашла»). Ср.: *Кёз байланды* «Стемнело», где глагольный компонент фразеологизма употреблен в форме страдательного залога.

2. Безличные предложения, главный член которых выражен глаголами в форме страдательного залога.

В отличие от конструкций первой группы, предложения, в которых в роли главного члена выступают глаголы в страдательном залоге, встречаются в языке сравнительно чаще. Однако нельзя думать, что все семантические типы глаголов, употребленные в страдательном залоге, способны построить безличные предложения. В этой функции употребляются лишь отдельные группы глаголов. Лингвистами уже давно замечено, что наиболее типичными для тюркских языков являются конструкции, в которых позиция предиката замещена глаголами движения. Характерной особенностью таких глаголов является то, что они непереходны и не способны сочетаться со словом в основном падеже, «за-

нимающим позицию субъекта, а их форма не способна выражать значение какого-либо лица. Поэтому в таких предложениях действие мыслится безотносительно к деятелю. Глагольное окончание здесь имеет нулевую форму и нулевое значение лица» (Ахматов, 1983: 294). Это в одинаковой мере относится ко всем тюркским языкам. Говоря об этом, А. М. Мусаев пишет, что в азербайджанском языке аффиксы страдательного залога являются морфологическими показателями безличности глагола (Мусаев, 1977: 12). Исследователь узбекского языка М. М. Муждабаев отмечает, что в роли предиката безличного предложения выступают переходные глаголы в форме страдательного залога (Муждабаев, 1963: 7). Анализ фактов карачаево-балкарского языка подтверждает правильность такого вывода. Однако следует отметить, что в роли предиката безличных страдательных конструкций могут встретиться и некоторые переходные глаголы, ср.: 1) *Ынна анга жомак айтады* «Бабушка рассказывает ему сказку»; 2) *Жыйыдыуда малчылыкны юсюнден да айтылганды* «На собрании говорилось и о животноводстве».

В первом из этих предложений глагол *айт* «сказать», являясь переходным, требует наличия среди своих аргументов прямого дополнения *жомак* «сказку». А во втором предложении, употребляясь в форме страдательного залога, этот глагол выступает в функции сказуемого безличной конструкции.

Приведенные здесь факты показывают, что одной из главных задач исследователя в данном случае является выявление лексико-семантических типов глаголов, которые в форме страдательного залога могут выступать в роли предиката безличного предложения. Из-за ограниченности объема настоящей статьи остановимся на перечислении формальных схем, по которым строятся рассматриваемые предложения.

1. Как отмечено выше, наиболее часто встречаемыми являются такие глагольные безличные предложения, предикаты которых выражены глаголами движения. В зависимости от характера семантики такие глаголы делятся на ряд групп. В зависимости от того, глаголы какой из этих групп выступают в роли предиката, безличные предложения характеризуются разнообразием формы и смысла. Ср.: 1) *Фермагга былайтын барылады* «На ферму едут по этому месту»; 2) *Сууда къайыкь бла жюзюледи* «На воде плавают на лодке»; 3) *Таудан энише*

ат бла туююледи «С гор вниз спускаются верхом» и т.п.

Эти предложения построены по следующим формальным схемам: 1) $C_3(H) + H(C_{\text{шай}}) + \Gamma_{\text{малды}}$; 2) $C_6 + C_{\text{блн}} + \Gamma_{\text{малды}}$;

3) $C_6(H) + H(C_3) + C_{\text{блн}} + \Gamma_{\text{малды}}$.

В зависимости от угла зрения говорящего, на основе одного и того же глагола движения могут быть построены разные по структуре и смыслу предложения: 1) *Фермагга былайтын барылады* «На ферму едут по этому месту»; 2) *Фермагга былайтын машина бла барылады* «На ферму по этому месту едут на машине».

2. Часто встречаются безличные предложения, предикаты которых выражены глаголами речи *айт* «сказать», *сёлеш* «разговаривать, сообщать», *билдир* «сообщить» и др., употребленными в форме страдательного залога. Такие предложения строятся по следующим схемам:

а) $C_5 + C_{\text{юсюнден}} + \Gamma_{\text{страд}}$: *Жыйылыуда санга аны юсюнден да айтылганды* «На собрании тебе было сказано и об этом»;

б) $C_5 + C_{\text{юсюнден}} + C_{\text{блн}} + \Gamma_{\text{страд}}$: *Жыйылыуда аны юсюнден сени бла да кенгешилгенди* «На собрании и с тобой посоветовались по этому поводу»;

в) $C_5 + C_3 + \Gamma_{\text{страд}}$: *Юйде санга да урушулганды* «Дома ругали и тебя»;

г) $H + C_{\text{юсюнден}} + C_3 + C_4 + \Gamma_{\text{страд}}$: *Ол кюн аны юсюнден халкыгга хапар билдирилгенди* «В тот день народу было сообщено об этом»;

д) $H + C_{\text{юсюнден}} + C_3 + C_{\text{блн}} + C_4 + \Gamma_{\text{страд}}$: *Ол кюн халкыгга аны юсюнден радио бла хапар билдирилгенди* «В тот день об этом народу было сообщено по радио».

3. На основе лишь отдельных типов глаголов слухового восприятия могут быть построены безличные предложения по схеме: $C_6 + C_3 + \Gamma_{\text{страд}}$: 1) *Фермада радиога да тынгыланады* «На ферме слушают и радио»; 2) *Мында биз айтханнга кылак салыммайды* «Здесь к тому, что говорим мы, не прислушиваются».

4. Глаголы *кгарай бакъ* «ухаживать», употребляясь в форме страдательного залога, строят безличные предложения по схеме $C_5 + C_3 + H + \Gamma_{\text{страд}}$: *Мында маллагга иги баггылады* «Здесь за скотом ухаживают хорошо».

5. Из глаголов мышления лишь *саггыш эт* «думать» употребляется в роли предиката безличных предложений, построенных по схеме $C_5 + C_{\text{юсюнден}} + \Gamma_{\text{страд}}$: *Мюлде аны юсюнден да саггыш этиледди* «В хозяйстве думают и об этом».

6. Глаголы *тур* «находиться», *жат* «лежать», *жукъла* «спать» в форме страдательного залога также могут выступать в функции предиката безличного предложения, построенного по схеме $C_5 + H + \Gamma_{\text{страд.}}$: 1) *Мында тынч туулады* «Здесь живет легко»; 2) *Бешикде тынч жатылады* «В люльке лежать легко».

Остальные семантические типы глаголов в форме страдательного залога служат для построения предложений по схемам:

1) $C_5 + C + \Gamma_{\text{страд.}}$: *Тюкенде китапла сатыладыла* «В магазине продаются книги».

2) $C_1 + C_6 + C_3 + \Gamma_{\text{страд.}}$: *Бичен таудан фермагга ташылганды* «Сено с гор перевезено на ферму».

3) $C_1 + C_6 + \Gamma_{\text{страд.}}$: *Аслан кьартлагга кьрюнгенди* «Аслан показался старикам» и т.п.

В них слово, употребленное в форме основного падежа, служит для выражения субъекта.

Из вышеизложенного видно, что в карачаево-балкарском языке имеется небольшое число глаголов, которые, употребляясь в форме основного залога, служат для построения безличных предложений. Они многочисленны не только в количественном, но и в смысловом отношении. Сравнительно чаще встречаются безличные страдательные конструкции. Но в роли их предикатов выступают лишь глаголы движения и незначительная часть других семантических типов глаголов.

ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Сейчас, когда проблема формально-семантической организации синтаксических структур и вопросы, связанные с нею, все больше занимают внимание лингвистов, установление системы семантических компонентов предложения, в частности семантического субъекта, и средств их выражения приобретает особое значение. Г. А. Золотова справедливо отмечает, что «ходом развития лингвистической теории понятие субъекта поставлено в положение одного из самых дискуссионных» (Золотова, 1981: 33). От того, как будет решен вопрос о средствах выражения субъекта, зависит правильность подхода к вопросам о выделении подлежащего, сказуемого и структурных типов простого предложения, в первую очередь – безличного.

Как и любой другой смысловый элемент предложе-

ния, субъект имеет свои средства выражения – он может быть выражен лексически, морфологически.

В вопросе о лексических средствах выражения субъекта как русисты, так и тюркологи к единому мнению так и не пришли. Указанный семантический компонент в предложении передается с помощью форм некоторых косвенных падежей. Из истории русского языкознания известно, что одни грамматисты еще во второй половине XIX в. пытались доказать, что указанные словоформы являются подлежащими (*Костинский*, 1969: 50), другие же, наоборот, считали, что единственным главным членом предложения является сказуемое, которое выражает действие «драмы», а остальные члены предложения следует отнести к дополнениям (*Филологические записки*, 1977: 1–15). В число последних включалось и подлежащее. Такой точки зрения, в частности, придерживался в 30-х годах XX в. и исследователь татарского языка Г. Алпаров (см.: *Закеев*, 1963: 26).

Однако подобные противоположные точки зрения, резко раскритикованные, современными тюркологами приняты не были (*Балакаев*, 1959: 121; *Закеев*, 1963: 26). В тюркологической литературе утвердилось представление, согласно которому подлежащим может считаться форма основного падежа; формы же остальных падежей выполняют функцию дополнения или обстоятельства. Исследователи ошибочно полагают, что подлежащее является единственным членом тюркского предложения, который способен выразить субъект. Объясняется это тем, что, во-первых, в большинстве случаев носителем субъекта выступает основной падеж; во-вторых, эту роль могут выполнять не все косвенные падежи; в-третьих, предложений, в которых субъект передается косвенным падежом, сравнительно немного. Одним из недостатков тюркской традиционной грамматики является то, что она выделяет не все косвенные падежи, служащие для выражения субъекта, а те косвенно-субъектные предложения, которые выделяются и анализируются, ошибочно квалифицирует как безличных предложения (*Неустроев*, 1972: 21).

В рассматриваемом вопросе нет единого мнения и среди русистов. Например, В. С. Юрченко, говоря о субъекте, выраженном дательным падежом, пишет, что «это – не настоящий субъект, а нечто среднее между субъектом и объектом», так как «здесь субъект представлен через форму объекта – дополнение». Автор

полагает, что субъектность, например, словоформы «градом» в предложении *Градом побило посеvy* обусловлена и поддерживается грамматической и лексической соотносительностью этого слова с подлежащим соответствующего двусоставного предложения (*Град побил посеvy*), а субъектность – тем, что она употребляется в форме дополнения (*Юрченко, 1972: 122–132*).

Совсем иная точка зрения у Г. А. Золотовой, которая, исходя из фактов русского языка, утверждает, что субъект – это синтаксический независимый субстанциональный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака. По ее мнению, «согласование между субъектным и предикатным компонентом – факультативный вид оформления связи» (*Золотова, 1981: 33*). Противопоставление именительный падеж – косвенные падежи оправдывается лишь условностью и привычностью и вряд ли может быть основой деления предложений на личные и безличные, потому что именительный падеж – лишь одна из форм в функциональном ряду обозначений лица...» (*Золотова, 1973: 161*). В итоге автор делает вывод, что предложения, в которых носителем субъекта являются слова в косвенных падежах, необходимо отнести к личным конструкциям, с чем невозможно не согласиться.

Такая точка зрения разделяется и другими русистами. Например, у А. М. Мухина читаем: «Нельзя не учитывать того, что подлежащее может быть выражено и неименительным (косвенным) падежом» (*Мухин, 1968: 134; Кацнельсон, 1972: 62, 63*).

В тюркских языках косвенные падежи для выражения субъекта используются сравнительно редко. Наиболее часто эту функцию выполняет форма дательно-направительного падежа. О том, что эта словоформа может быть выразителем субъекта предложения, говорят почти все тюркологи, изучающие функции падежей или безличные предложения. Синтаксисты отмечают, что форма дательно-направительного падежа употребляется для выражения субъекта лишь в тех предложениях, которые относятся ими к безличным. Таковыми, по их мнению, являются конструкции типа кирг. *Мага китап окуш керек* «Мне необходимо читать книгу», кар.-балк. *Манга шахарга кетерге тюшерикди* «Мне придется уехать в город» и т.п.

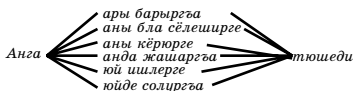
Судя по примерам, в таких предложениях позицию сказуемого занимает сочетание любой неличной фор-

мы глагола с ограниченным числом глаголов (*тjюшеди* «приходится», *болады/жарайды* «разрешается»), прилагательных (*къыйын* «трудный», *тынч* «легкий») предикативно-модальных слов (*керекди/тийишлиди* «необходимо, нужно») и наречий (*эртте* «рано», *кеч* «поздно») (Джакубов, 1966: 35; Балакаев, 1959: 209, 210; Ахматов, 1979: 25–35). Рассмотрим следующие предложения: 1) *Бизге шахаргга барыргга керекди* «Нам необходимо съездить в город»; 2) *Бизге шахаргга барыргга тjюшгенди* «Нам пришлось съездить в город»; 3) *Бизге шахаргга барыргга жарайды* (или *болады*) «Нам можно поехать в город» и т.д. В них сочетание инфинитива со словами *керекди* «необходимо, нужно», *тjюшгенди* «пришлось», *жарайды* «можно» традиционной грамматикой рассматривается как составное сказуемое. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Дело в том, что, во-первых, такой подход ведет к приравниванию вторых элементов указанных сочетаний к вспомогательным словам (Алиев, 1972: 151), для чего нет достаточных оснований; во-вторых, в этом случае не раскрывается причина употребления слова, выражающего субъект, в дательном-направительном падеже; в-третьих, подобная концепция противоречит правилам выделения оборотов, образуемых неличными формами глагола.

Вторые элементы сочетаний, которым приписывается синтаксическая функция сказуемого, являются самостоятельными словами, выражающими различные предикативно-модальные значения. Их в тюркских языках немного. Условно назовем их включающими предикатами. Такие предикаты, в отличие от других предикатов, аргументами которых являются непредикативные слова, требуют наличия в аргументных местах синтаксической конструкции других предикатов, которые оказываются включенными в предложение. В анализируемых предложениях неличные формы глагола, рассматриваемые тюркологами как часть составного сказуемого, являются включенными предикатами. У включающего и включенного предикатов – свои аргументы. Слово, выражающее субъект в рассматриваемых предложениях, является аргументом включающего предиката. Об этом свидетельствует тот факт, что форма такого слова зависит от включающего предиката. В тех же случаях, когда по требованию предиката слово, являющееся выразителем субъекта, употребляется в дательном-направительном падеже, образуется конструк-

ция, в которую нельзя ввести слово в форме основного падежа, служащее для передачи субъекта. Так образуются предложения с субъектом, передаваемым датель-но-направительным падежом.

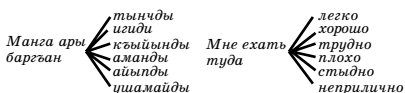
В отличие от позиции включающего предиката, которая может быть занята ограниченным числом слов, в позиции включенного предиката в указанных предложениях могут быть использованы глагольные пред-семьи любого лексико-семантического класса. Ср.:

Здесь слова *ары* «туда», *аны* «его», *аны бла* «с ним», *анда* «там», *йю* «дом», *йюде* «дома» относятся к инфинитивной форме глаголов. Как известно, неличные формы глаголов с относящимися к ним словами принято считать оборотами. Однако обороты, имеющиеся в указанных предложениях, как таковые синтаксистами не выделяются, в чем нельзя не видеть противоречия. Здесь субъект выражен датель-но-направительным падежом, что объясняется его связью с глаголом *тjюшеди* «приходится». Слово, которым выражен субъект, одновременно вступает в связь с глаголом – включенным предикатом. Иначе говоря, включающий и включенный предикаты объединяет то, что оба они вступают в связь с субъектом; ср.: *Анга аны кёрюрге тjюшеди*.

В данном случае включенный предикат в силу своих формально-семантических качеств не отвечает требованиям традиционных членов предложения, и поэтому его невозможно отнести к тем или иным самостоятельным членам предложения. По этой причине, не найдя другого выхода, сочетание включенного предиката с включающим традиционная грамматика рассматривает как составное сказуемое. Этому способствует и то, что

включенный и включающий предикаты связаны не только с общим для них субъектом, но и между собой (см. приведенный пример). Однако исследователи не учитывают, что аргументы включенного предиката прямой связи с включающим предикатом не имеют. Их связь с ним опосредована включенным предикатом. Ср.:

В отличие от вышерассмотренного случая, здесь включенный предикат выражен не инфинитивом, а причастием. Это причастие с относящимися к нему словами образует оборот, который в таких предложениях традиционно рассматривается как подлежащее. В силу этого приведенные предложения, как правило, относят к двусоставным личным конструкциям. Не только в школьной и вузовской практике, но и в общих грамматиках и специальных исследованиях указанные предложения подвергаются следующему синтаксическому членению: 1) *Манга аны кёрюрге керекди*; 2) *Манга аны кёрген тынчды*. Это может быть оправдано лишь тем, что в отличие от *аны кёрюрге* «увидеть его», оборот *аны кёрген* «увидеть его» может отвечать на вопрос подлежащего. С семантической точки зрения указанные конструкции друг от друга не отличаются. Между словами устанавливаются такие же взаимоотношения, как и в рассмотренном до этого случае; ср.: *Манга ары баргъан тынчды* «Мне легко ехать туда».

Слова *керекди* «нужно», *тынчды* «легко» выражают включающие предикаты. Семантика таких предикатов зависит от семантики конкретных слов, используемых в этой роли. В качестве включенных предикатов могут выступать глаголы любого семантического класса. Количество и формально-семантические признаки аргументов включенных предикатов зависят от семантики и валентных свойств этих предикатов. Форма слова, употребленного в дательном-направительном падеже, обуславливается включающим предикатом, хотя субъект, выраженный этим словом, относится к обоим предикатам. В анализируемых случаях аргументы включенного предиката выступают в роли объекта или обстоятельства.

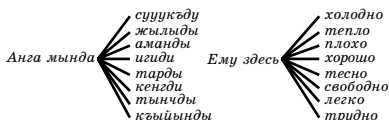
Если же включенный предикат выражается причастием, словами на *-лыкъ/-лик*, образованными от отдельных прилагательных, именем действия, то один из его аргументов может быть выразителем субъекта; ср.: 1) *Мен Хасанны келлигин билеме* «Я знаю, что Хасан придет сюда»; 2) *Манга Хасанны бери келлиги игиди* «Для меня хорошо, что Хасан придет сюда».

В этих предложениях налицо не один субъект, являющийся общим для включенного и включающего предикатов. Здесь как включающий, так и включенный предикат имеют свой собственный субъект. В первом предложении субъект включающего предиката выражен лексико-морфологически, т.е. формой основного падежа местоимения *мен* «я» и лично-предикативным аффиксом, присоединенным к включенному предикату *билеме* «знаю». Во втором же предложении субъект включающего предиката выражен только лексически, т.е. словом в дательном-направительном падеже. Субъект включенного предиката и в первом, и во втором предложении представлен словом в форме родительного падежа. Слово, которым выражен включенный предикат, принимает притяжательный аффикс, значение лица и числа которого соответствует лицу и числу слова, которым выражен субъект включенного предиката. Слово, являющееся выразителем включенного предиката, употребляется в оформленном, а иногда и в неформальном родительном падеже. В том и в другом случае субъект выражается лексико-морфологически.

В тюркских языках встречаются обороты с самостоятельным субъектом и предикатом, которые не имеют никаких показателей согласования, например: *Мен таныгганны сен да таныйса* «Того, кого я знаю, знаешь и ты». В таких оборотах субъект выражается только лексически.

Интересно отметить, что при распространении оборота, предикат которого выражен переходным глаголом, объектной лексемой, субъектная лексема принимает аффикс родительного падежа, а предикатная лексема – притяжательный аффикс; ср.: 1) *Мен таныгганны сен да таныйса* «Того, кого я знаю, знаешь и ты»; 2) *Мен Хасанны таныгганымы сен билесе* «Ты знаешь, что я знаю Хасана».

В тюркских языках встречаются предложения, построенные по схеме «имя в дательном-направительном падеже + имя в местном падеже (или наречие места) + прилагательное в лично-предикативной форме», например:

В таких предложениях форма субъектной лексемы дательно-направительного падежа также определяется валентными свойствами предиката. В роли предиката используется ограниченное число прилагательных, список которых необходимо уточнить.

В дательно-направительном падеже употребляется субъектная лексема и во фразеологизированных предложениях типа *Анга жётел тийгенди* «На него напал кашель». В них форма субъектной лексемы определяется глагольным элементом фразеологической единицы, формально построенной по схеме «имя в основном падеже + глагол в лично-предикативной форме». Такие предложения, с семантической точки зрения, двухкомпонентны и выражают состояние субъекта.

В тюркских языках встречается также несколько фразеологизированных типов предложения, в которых в выражении субъекта принимает участие форма родительного падежа вместе с притяжательным аффиксом. Например, в карачаево-балкарском языке довольно часты предложения типа: *Мени жырларыггым келеди* «Мне хочется петь»; *Бизни окзуругубуз келеди* «Нам хочется учиться»; *Аланы ишлериклери келеди* «Им хочется работать». Такие конструкции некоторые исследователи формально относят к двусоставным предложениям, что не может не вызвать возражения.

В первом примере предложение не может быть расчленено на подлежащее и сказуемое; здесь причастие *жырларыггым* и глагол *келеди* всегда употребляются в единственном числе. Сочетание *жырларыггым келеди* является устойчивым, и потому традиционно оно рассматривается как один член предложения – сказуемое. Другого же главного члена – подлежащего – в этом случае нет и быть не может, потому что его позиция занята именным компонентом «составного сказуемого», т.е. причастием в основном падеже, всегда употребляющимся с притяжательным аффиксом.

Предложение *Жырларыггым келеди* в плане содер-

жания состоит из двух элементов: субъекта, который выражается притяжательным аффиксом или одновременно формой родительного падежа и тем же аффиксом, и предиката, выраженного глаголом *жырла* «петь», от которого образовано указанное причастие. Глагол *келеди* употребляется здесь в значении «хочется» и выражает модальное значение желания. Общая семантика рассматриваемых предложений: наличие желания у личного субъекта совершить определенное действие, выражаемое причастием.

В форме причастия будущего времени в таких предложениях могут употребляться глаголы различных семантических групп. В зависимости от этого данные конструкции могут включать в свой состав разное количество необходимых актантов и выражать различные семантические структуры. Ср.: 1) *Мени жукъларыгым келеди* «Мне хочется спать»; 2) *Мени китап окгургум келеди* «Мне хочется читать книгу»; 3) *Мени космосха учарыгым келеди* «Мне хочется полететь в космос»; 4) *Мени аны юсюнден сёлеширигим келеди* «Мне хочется поговорить о нем» и т.п. Характерной особенностью данных предложений является то, что в них в форме родительного падежа употребляются только слова, обозначающие лицо – человека.

В тюркских языках для передачи отрицания используются различные средства: 1) аффиксы отрицания в глагольных предложениях, 2) отрицательная частица *туйюл*, 3) слово *жокъ* «нет».

Слово *жокъ* участвует в формировании предложений, которые состоят из имени в родительном падеже, причастия на *-лыкъ* и слова *жокъду*; ср.: *Мени ары барлыкым жокъду* «Я туда не пойду».

В данных конструкциях в форме причастия будущего времени употребляются глаголы любых семантических классов со значением различных предикатов. Формой слова в родительном падеже и аффиксом притяжательности, присоединяемым к указанным причастиям, выражается субъект, семантическое качество которого, как и в структурах с глаголом *келеди* «хочется», зависит от специфики семантики глагола, от которого образовано причастие. И здесь слово в родительном падеже может употребляться не только в единственном, но и во множественном числе. Независимо от этого, слова *жокъду* и *келеди* всегда стоят в форме ед. числа 3-го лица; ср.: *Мени ары барлыклары жокъду* «Я туда не пойду»; *Аланы ары барлыклары жокъду* «Они туда

не пойдут»; *Мени жаным кетди* «Я испугался» (букв. «Моя душа ушла»); *Мени кёлюм бокъланды* «Меня тошнит» (букв. «Мое настроение загрязнилось») и др. Данные фразеологизированные предложения включают в себя слова, стоящие в основном и родительном падежах, и глаголы *кет* «уходить», *бокълан* «загрязниться, помутнеть» и т.д.

В родительном падеже употребляются только те слова, которые обозначают какое-либо лицо, а в основном – абстрактные имена типа *жан* «душа», *акъыл* «ум», *кёл* «настроение» и т.п. Сочетания, состоящие из данных слов и вышеуказанных глаголов, относятся к устойчивым. В словарях тюркских языков они приводятся как фразеологизмы, а в синтаксических исследованиях – как средства выражения сказуемого.

Правы исследователи, когда говорят, что слова из рассматриваемых предложений, употребленные в основном падеже, носителями языка ранее воспринимались как подлежащее (*Закиев*, 1963: 48). Сейчас же они в сочетании с указанными глаголами обозначают, по их мнению, единое название процесса. Это признают и те, кто занимается фразеологией тюркских языков. Например, З. Г. Ураксин подчеркивает, что такие слова в предложении выполняют «функцию предиката» (*Ураксин*, 1975: 75).

Предложения, предикативную основу которых составляют подобные фразеологизмы, по своей форме и содержанию бывают самыми различными. Например, конструкции *Мени жаным кетди*, *Мени кёлюм бокъланды* передают психофизическое состояние личного субъекта, выражаемого словом в родительном падеже и притяжательным аффиксом.

Многие фразеологизированные модели предложений имеют свои синонимичные варианты, представляющие собой двусоставные конструкции; ср.: 1) *Мени ары барлыгъым жокъду/Мен ары барлыкъ туююлме* «Я туда не пойду»; 2) *Мени жырларыгъым келеди/Мен жырларгъа сюеме* «Я хочу петь»; 3) *Манга окъургъа керекди/Мен окъургъа керекме* «Мне необходимо учиться».

В отличие от этих фразеологизмов, в ряде случаев именной элемент глагольных устойчивых сочетаний выражается формой косвенного падежа, например: *Мени анга китап берирге кёлюмдан келмеди* «Я не смог отдать ему книгу». Здесь глагольный фразеологизм *кёлюмдан келмеди* «(я) не смог» выступает в

роли включающего, а инфинитив *берирге* «отдать» – включенного предиката. Именной компонент фразеологизма имеет форму исходного падежа и снабжен аффиксом принадлежности, указывающим на субъект. Словоформа *мени* также указывает на субъект.

Семантическое и синтаксическое членения предложения не всегда совпадают. Так, принято считать, что предложение *Аны башы ауруйду* «У него болит голова» состоит из трех членов предложения: сказуемого *ауруйду*, подлежащего *башы*, определения *аны*. Семантически же здесь могут быть выделены только два компонента: субъект состояния и предикат состояния.

Характерная особенность этих предложений заключается в том, что в них позицию подлежащего занимают слова, обозначающие части тела человека и обычно употребляющиеся только с аффиксами принадлежности. Поэтому в таких конструкциях субъект выражается лексико-морфологически.

Наблюдения показывают, что очень редко значение субъекта может передаваться и словом в местном падеже; ср.: *Асланда уят жокгду* «У Аслана нет совести»; *Менде айып жокгду* «Я не виноват».

Чтобы убедиться в том, что эти положения правильные, можно сравнить приведенные предложения с их синонимичными вариантами: *Асланда уят жокгду/Аслан уятсызды* «Аслан является бессовестным»; *Менде айып жокгду/Мен терс туюлме* «Я не виноват».

Возможности лексического наполнения синтаксических позиций таких предложений ограничены. Их семантическая структура включает два компонента: субъект и предикат. Здесь субъект выражен лексически.

Для передачи субъекта могут быть использованы формы и других падежей. Вспомним концепцию, развиваемую в работах ряда современных лингвистов, согласно которой понудительная форма глагола выражает не только то или иное действие, но и каузацию (*Корнилов* и др., 1969: 238), рассматривающуюся как самостоятельный семантический компонент предложения (*Богданов*, 1977: 82, 83; *Храковский*, 1973: 17). Исходя из этой концепции, можно сказать, что предложение *Харун Хасанны ачыуландырды* «Харун обозлил Хасана» состоит из трех компонентов: подлежащего (*Харун*), дополнения (*Хасанны*) и сказуемого (*ачыуландырды*). Подлежащее является выразителем субъекта-каузатора (*Сказуа*), дополнение – носителем двух семантических

компонентов: объекта каузации ($O_{\text{кауз}}$) и субъекта состояния ($C_{\text{сост}}$). Сказуемое также является носителем двух семантических элементов: предиката состояния ($P_{\text{сост}}$), выраженного на поверхностном уровне глаголом *ачьулан*, и семы каузации (К), показателем которой является аффикс понудительного залога, которым снабжен указанный глагол. Функционально-семантическую структуру разбираемого предложения можно изобразить следующим образом:

$$\frac{\text{Подлежащее}}{C_{\text{кауз}}} + \frac{\text{Дополнение}}{O_{\text{кауз}}+O_{\text{сост}}} + \frac{\text{Сказуемое}}{К+P_{\text{сост}}}$$

Как видно, в роли выразителя субъекта может употребляться форма винительного падежа.

В данной функции при определенных условиях встречается и сочетание имени с последующим *бла* «с». Например, в предложении *Азиз Аслан бла жыгъышады* «Азиз борется с Асланом» нашли формальное выражение два участника действия. Один из них – субъект – выражен подлежащим, а косубъект (см.: Холодович, 1978: 7) – дополнением. Второй субъект (т.е. косубъект) делает то же, что и субъект. Схематически это передается так:

$$\frac{\text{Подлежащее}}{\text{Субъект}} + \frac{\text{Дополнение}}{\text{Косубъект}} + \frac{\text{Сказуемое}}{\text{Предикат}}$$

Чаще всего встречаются предложения, состоящие из подлежащего, выраженного основным падежом, и сказуемого. В тех случаях, когда в роли подлежащего употребляются слова в 1-м и 2-м лице, сказуемое простого предложения принимает лично-предикативные аффиксы, указывающие на те же лица: *Мен школгъа барам* «Я иду в школу»; *Сен школдан келесе* «Ты идешь из школы».

В таких двусоставных предложениях субъект, за редким исключением, выражается лексико-морфологически; ср.: *Сен школдан келе кёреме* «Оказывается, ты идешь из школы». Здесь подлежащее – местоимение 2-го лица – является выразителем субъекта. Несмотря на это, сказуемое снабжено лично-предикативным аффиксом 1-го лица, т.е. не согласуется с подлежащим. Такое явление в карачаево-балкарском языке отмечается в тех случаях, когда сказуемое предложения вклю-

чает в себя модально-вспомогательный глагол *кёреме* «оказывается».

Если же подлежащее двусоставного предложения состоит из слов, стоящих в 3-м лице, показатель лица сказуемого является нулевым. Здесь субъект выражается лексически, т.е. подлежащим, поэтому опущение подлежащего может привести к образованию: 1) неполного предложения, 2) неопределенно-личного предложения, 3) безличного предложения. Если в двусоставных предложениях, сказуемые которых снабжены лично-предикативными аффиксами 1-го и 2-го лица, всегда выражается личный субъект, то в предложениях, сказуемое которых имеет нулевой показатель лица, – личный или предметный субъект. В тюркских языках предложения, в которых отсутствует субъект, образуется по двум основным причинам: 1) невозможность сочетания предикативной лексемы предложения с грамматическим подлежащим (например, некоторые семантические типы глаголов в форме страдательного залога, занимая в предложении позицию предиката и употребляясь в нулевой форме лица, не способны сочетаться с грамматическим подлежащим и сами не имеют значение лица. Поэтому в таких предложениях действие мыслится безотносительно к какому-либо лицу; ср.: *Бусагатда шахарга тынч барылады* «Сейчас в город ехать легко»; 2) опущение субъекта (причины его редуцирования известны из традиционной грамматики). Опускается обычно предметный субъект; ср.: *Мында хауа сууукгду* «Здесь воздух холодный» – *Мында сууукгду* «Здесь холодно». Редуцированию подвергается и личный субъект; ср.: *Манга школга барырга алыкга эрттеди* «Мне пока рано идти в школу» – *Школга барырга алыкга эрттеди* «Пока рано идти в школу». В этих предложениях связь между субъектной лексемой и предикатом слабая. Наличие или отсутствие лексемы зависит от смысловой нагрузки предложения.

В отличие от предложений, которые противопоставляются друг другу по признаку наличия-отсутствия в них субъекта, в отдельных предложениях, относимых традиционной грамматикой к безличным конструкциям, опущение субъекта невозможно. Ср.: *Мени жырларым келеди* «Мне хочется петь»; *Азизге бюгюн жырларга тюшгенди* «Азизу сегодня пришлось спеть» и др. При опущении средств выражения субъекта эти предложения разрушаются. Заметим для сравнения, что опущение же подлежащих, выраженных словами в

первом и втором лице, приводит к образованию формально-односоставной конструкции, в которой субъект передается морфологически.

Подлежащее не всегда служит выразителем субъекта. Например, в подлежащих предложениях, в которых позицию сказуемого занимают переходные глаголы в форме страдательного залога, субъекта нет; ср.: *Тюкенде китапла сатыладыла* «В магазине продаются книги».

Судя по изложенному, предложения в тюркских языках по наличию субъекта можно разбить на два типа: 1) субъектные и 2) бессубъектные. Для выражения субъекта используются следующие средства: 1) только лексические, 2) только морфологические, 3) как лексические, так и морфологические. В роли лексических средств выражения субъекта выступает слово в основном падеже, которое употребляется в глагольно-именных оборотах и простых предложениях со сказуемым, не имеющим показателя лица; слова в дательном-направительном и очень редко в винительном и местном падежах, а также сочетания имен с некоторыми послелогами. Лексические средства выражения субъекта могут употребляться одновременно с морфологическими. В таком комплексе функционируют слово в косвенном падеже и слово в родительном падеже с притяжательными аффиксами. Морфологическими средствами выражения субъекта являются лично-предикативные аффиксы, которыми снабжен главный член традиционных односоставных личных предложений. Во всех предложениях, в которых субъект выражается помощью косвенных падежей и послеложных сочетаний, этот субъект будет личным.

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСВЕННО-СУБЪЕКТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

Как известно, в последние годы в синтаксической науке изучению семантики предложения уделяется большое внимание. По этой причине активизировались исследования, посвященные выявлению и описанию семантических компонентов предложения. Это объясняется тем, что без этого невозможен анализ семанти-

ческой структуры предложения. Однако среди указанных исследований почти нет работ, построенных на материале тюркских языков. Классификацию и анализ простых предложений тюркологи продолжают проводить на основе традиционного метода, который, как неоднократно отмечалось в литературе, имеет ряд недостатков. Например, можно указать на то, что в грамматиках тюркских языков, а также в монографических исследованиях вопросу о косвенно-субъектных предложениях уделяется недостаточное внимание. Между тем без удовлетворительного решения этого вопроса нельзя на необходимом уровне решить многие проблемы синтаксиса, установить инвентарь формально-семантических моделей. Несмотря на это, исследователи синтаксиса тюркских языков выделяют лишь незначительную часть косвенно-субъектных предложений и, следуя русской грамматической традиции, ошибочно относят их к различным конструкциям (*Донидзе, 1957; Джакубов, 1966; Бектуров, 1966* и др.). В результате этого создается ложное представление о том, что основной падеж является формой, чуть ли не служащей для выражения субъекта в тюркском простом предложении. Такое представление, ранее также господствовавшее и в работах, посвященных исследованию синтаксиса других языков, подвергнуто справедливой критике, и в последние годы в синтаксической науке сформировалось твердое убеждение о том, что субъект выражается не только основным, но и другими падежами (*Алисова, 1971; Степанов, 1981; Золотова, 1982*, и др.).

Правильность такой точки зрения подтверждается многочисленными фактами из тюркских языков. В этих языках в роли субъекта могут выступать все падежи, правда, одни из них в этой семантической функции встречаются чаще, другие – реже.

Отдельные модели простых предложений с такими субъектами давно уже стали рассматриваться в синтаксических исследованиях. Правда, изучение этих конструкций велось в формальном плане и, как отмечено выше, по этой причине при их анализе допускались определенные недостатки. Другие же косвенно-субъектные предложения почти не выделялись и не анализировались. Поэтому здесь впервые представляется попытка выделить и классифицировать указанные конструкции.

Прежде всего, необходимо отметить, что для выражения субъекта в тюркских языках используются лек-

сисческие и морфологические средства. Конечно, самым часто встречающимся лексическим средством выражения субъекта является основной падеж. Предложения, в которых использовано это средство, являются двусоставными. В подавляющем большинстве тюркских языков сказуемое таких предложений оформляется лично-предикативным аффиксом, который, наряду с другими функциями, также служит для выражения субъекта. Иначе говоря, в этих предложениях субъект выражается лексико-морфологическим способом. Ср.: *Мен кьойчума* «Я – чабан». В некоторых тюркских языках в определенных случаях в двусоставном предложении морфологическое средство выражения субъекта может опускаться. Такое явление характерно, например, для татарского языка: 1) *Мин язаргга тиеш* «Я должен писать»; 2) *Сез язмакчы?* «Вы намерены писать?» (Закриев, 1987: 36). Такой лексический способ выражения субъекта имеет место и в тюркских инфинитивных, причастных и деепричастных оборотах: *мен кёрген* «увиденное мною», *сен кетерге* «к твоему уходу» и т.п. В этих оборотах вместе с лексическим средством для выражения субъекта может употребляться и морфологическое средство – притяжательный аффикс, присоединяемый к стержневому слову оборота. При этом слово, выступающее в роли лексического средства выражения субъекта, может стоять в основном или родительном падеже (*мен келгенде/мен келгенимде/мени келгенимде* «когда я пришел»), или может быть опущено, когда стержневой компонент оборота снабжен притяжательным аффиксом (*келгенимде* «когда я пришел»).

В традиционно выделяемых односоставных определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях субъект также выделяется морфологическим способом – с помощью лично-предикативных аффиксов. В большинстве же случаев лексические и морфологические выразители субъекта употребляются в комплексе.

Такое комплексное употребление лексических и морфологических средств для выражения субъекта возможно и в отдельных косвенно-субъектных предложениях. Однако в них субъектное слово, употребляясь в косвенном падеже, не согласуется, как в двусоставных предложениях, со сказуемым. Сказуемое косвенно-субъектных предложений имеет нулевую форму лица. Отсюда видно, что в таких предложениях в роли выра-

зителей субъекта чаще используются лексические средства, что наглядно показывает приводимый ниже материал.

Косвенно-субъектные предложения по своим формальным и семантическим признакам отличаются многообразием. Поэтому их трудно квалифицировать по этим признакам. Все они отличаются сложностью связи и взаимосвязи своих компонентов. Часть косвенно-субъектных предложений являются фразеологизированными конструкциями. Эти конструкции по способу выражения в них субъекта могут быть разделены на несколько групп. В первую из них входят фразеологизированные предложения, построенные по схеме $S_2 + S_{\text{обл}} + Г$, где S_2 – это слово в родительном падеже, обозначающее определенный личный субъект, $S_{\text{обл}}$ – имя существительное в основном падеже, оформленное каким-либо притяжательным аффиксом и обозначающее часть тела человека или абстрактное понятие, $Г$ – глагол в лично-предикативной форме. Место глагола занимает здесь ограниченное число лексем.

В указанном составе компонентов эти предложения представляют собой информативно достаточные конструкции, вне контекста пригодные к выполнению номинативной функции. Ср.: 1) *Мени жаным кетди* «Я перепугался»; 2) *Сени эсинг ауду* «Ты потерял сознание»; 3) *Аны кёлю бокъланды* «Его тошнит».

Этим предложения синтаксически нерасчленимы. В семантическом плане они двухкомпонентны. Их семантическую структуру составляют определенный одушевленный личный субъект и предикат состояния. Общая семантика таких предложений: выражение состояния определенного одушевленного личного субъекта, который передается путем использования слова в родительном падеже и притяжательного аффикса, присоединяемого к таким словам из состава фразеологизма, как *жан* «душа», *кёл* «настроение», *эс* «внимание», употребленным в основном падеже.

В структуру другой части фразеологизированных предложений, кроме указанных выше компонентов, на правах их необходимых членов входят слова, стоящие чаще всего в дательном, местном и исходном падежах. Все эти слова имеют объектное значение. Их формы предопределяются валентными свойствами глагольных фразеологизмов, лежащих в основе этих предложений. Формальная структура данных конструкций имеет следующий вид: 1) $S_2 + S_{\text{обл}} + S_3$ (т.е. ме-

стный падеж имени) + Г; 2) $C_2 + C_{\text{имп}} + C_6$ (т.е. исходный падеж имени) + Г.

Предложения, построенные по этим схемам, в формальном плане отличаются друг от друга лишь по форме своих третьих компонентов. Несмотря на это, в силу того, что в их основе лежат разные по смыслу фразеологические единицы, эти предложения характеризуются многообразием содержания. Они, как и первая группа фразеологизированных предложений, синтаксически нечленимы. Как дополнения в них возможно выделить элементы C_3, C_5, C_6 . В семантическом плане эти предложения трехкомпонентны. Например, семантическая структура предложения *Мени акъылдым Азизге кетди* «Я задумался об Азизе» состоит из следующих трех семантических элементов: определено-личного субъекта мышления, определенного объекта мышления и предиката мышления. Общая семантика этого предложения: выражение направления мыслительного процесса определенного личного субъекта на какой-либо определенный объект.

Семантическая структура предложения *Аны къарамы сенде тохтады* «Его взгляд остановился на тебе» тоже состоит из трех компонентов: определенного личного субъекта зрительного восприятия, определенного объекта и предиката зрительного процесса. Общая семантика предложения: выражение зрительного восприятия определенного личного субъекта, направленного на какой-либо определенный объект. А общая семантика предложения *Хасанны кёлю сенден чыкъганды* «Ты Хасану разонравился» состоит в выражении определено-личного субъекта к определенному объекту.

Как видно из вышерассмотренных примеров, во второй подгруппе фразеологизированных предложений, как и в первой, в роли выразителей субъекта выступают родительный падеж имени и притяжательный аффикс.

Третья группа фразеологизированных предложений строится по той же формальной схеме, что и первая. Однако здесь в форме $C_{\text{имп}}$ употребляется не имя существительное, а причастие на *лыкъ/-лик, -ырыкъ/-ырик*, за которым следует глагол *кел*, употребленный в значении «хотеть». Например: 1) *Мени окъуругум келеди* «Мне хочется учиться»; 2) *Сени Асланнга Хасандан хапар айтырыгынг келеди* «Тебе хочется рассказать Аслану о Хасане»; 3) *Мусаны сенден атасына китап иериги келеди* «Мусе хочется передать книгу своему отцу через тебя»; 4) *Муратны шахардан элге*

кёчериги келеди «Мурату хочется переехать из города в село» и т.п.

Нетрудно заметить, что во всех этих предложениях содержится единый по структуре фразеологизм, состоящий из субъектного слова, стоящего в родительном падеже (C₂), причастия с притяжательным аффиксом и глагола *кел*, употребленного в значении «хотеть». Позицию причастного компонента таких фразеологических единиц практически могут занимать глаголы любого лексико-семантического типа. В зависимости от валентных свойств этих глаголов в состав предложений данного типа, кроме указанных компонентов, включается различное число объектных и обстоятельственных членов предложения. Форма и семантика этих компонентов также зависят от семантики и залоговой формы причастного элемента фразеологизма. В результате лексического наполнения мест, открываемых причастным компонентом указанного фразеологизма, образуется множество формально-семантических моделей простого предложения. В них глагол *кел* всегда употребляется в нулевой форме лица и числа. Даже в тех случаях, когда стержневое слово предикатного выражения (причастие) стоит во множественном числе, указанный глагол употребляется в форме единственного числа: *Аланы китап окъурукълары келеди* «Им хочется читать книгу». Число и лицо субъектной лексемы (C₁) соответствует числу и лицу причастного компонента предикатного выражения: *аланы окъурукълары, аны окъуругу, мени окъуругум* и т.п.

В указанных предложениях позиция сказуемого представлена предикатным выражением, а глагол *кел*, «хотеть» выражает значение желания. Общая семантика этих предложений: выражение желания определенного личного субъекта совершить определенные действия, распространяемые на какой-либо объект.

В предложениях указанной формальной структуры в позиции глагола *кел* «хотеть» может встречаться слово *жокъ* «нет», употребленное в значении русской отрицательной частицы «не». Как и в вышеуказанной подгруппе предложений, здесь в форме причастия используются глаголы всех лексико-семантических значений, по этой причине предложения, включающие в свой состав слово *жокъ* «нет», по своей структуре и содержанию характеризуются большим разнообразием. Благодаря наличию в их составе слова *жокъ*, эти косвенно-субъектные предложения бывают отрицательны-

ми. Они встречаются и в других родственных языках, ср. татарское *Кургенем юк* «Я никогда не видел» (Закиев, 1987: 2).

Если в рассмотренных нами двух группах предложений после предикатного выражения, образованного причастием будущего времени, употребляются слова *кел* «хотеть» и *жокъ* «нет», то после предикатного выражения, образованного инфинитивом, – уже другие слова: а) относящиеся к глаголам, выражающим значение дозволения, запрещения, одобрения: 1) *Бизге бери келирге болады* «Нам можно приходиться сюда»; 2) *Сизге мындан китап алыргга жарайды* «Вам разрешается брать отсюда книгу»; б) отдельные антонимичные прилагательные: 1) *Муратха ишден кетерге кыйынды* «Мурату трудно уходить с работы»; 2) *Анга сени бла ишлерге изиди* «Ему хорошо работать вместе с тобой»; в) отдельные наречия времени: 1) *Муратха ишден чыгаргга эрттеди* «Мурату еще рано уходить с работы»; 2) *Сизге жолгга чыгаргга кечди* «Вам уже поздно отправляться в путь»; г) модальные слова, а также слова оценки: 1) *Музафаргга алай этерге айыпды* «Музафару неприлично так поступать»; 2) *Анга иги оксургга керекди* «Ему нужно учиться хорошо» и др.

Эти предложения составляют самостоятельную группу конструкций, также способных вне контекста выполнять номинативную функцию. По требованию перечисленных слов первый компонент предикативного выражения, стержневым выражением которого является инфинитивная форма глагола любого семантического типа, принимает форму дательного-направительного падежа (С₃). Позицию компонента С₃ всегда занимают слова, выражающие значение определенного личного субъекта. Предикатные слова здесь связываются не только с указанными вершинными словами, они вступают в связь с неличной формой глагола, в данном случае с инфинитивом. Другие компоненты предикатного выражения передают объектные и обстоятельственные значения. Они связываются со стержневым словом предикатного выражения посредством управления или примыкания, причем их количество и качество зависят от валентных свойств инфинитивного компонента предложения. Слова же, занимающие вершинное положение в предложениях, служат для выражения различных модальных и диктальных значений.

Приведенные предложения широко распространены в тюркских языках. Разница между ними заключает-

ся в том, что в одних языках позицию стержневого компонента предикатного выражения занимает причастие, в других – инфинитив, а в третьих – имя действия.

Встречаются и такие случаи, когда в предложениях с предикатным выражением (например: *атны санга берирге* «отдать коня тебе») позицию вершинного глагола занимает не отдельная лексическая единица, а глагольный фразеологизм:

1) *Харунну атны санга берирге кёзю кыймайды* «Харуну не хочется отдавать коня тебе»; *Аны атны санга берирге кёлю бармайды* «Ему не хочется отдавать коня тебе»;

2) *Харунну институтдан кетерге кёлю бармайды* «Харуну не хочется уходить из института»; *Харунну атны санга сатар кёлю жокъду* «Харун не настроен продать тебе коня».

Сравнивая примеры, можно убедиться, что в таких предложениях субъект бывает личным и выражается словом в родительном падеже и притяжательным аффиксом, присоединяемым к первому элементу фразеологической единицы. Позицию включенного предиката здесь занимает инфинитив или причастие на *-ыр/-ир*. Число, форма и семантика компонентов предложения зависят от валентных свойств этих неличных форм глагола и от характера лексического наполнения открываемых ими синтаксических позиций.

В предложениях с фразеологизмами типа *ауруу тийди* «заболеть» субъект выражается дательно-направительным падежом, это предопределяется валентными свойствами второго компонента фразеологизма, т.е. глагола *тий* букв. «трогать»: 1) *Анга ауруу тийди* «Он заболел»; 2) *Мынга жётел тийгенди* «На этого напал кашель». Такие предложения в содержательном плане состоят из двух компонентов одушевленного субъекта состояния и предиката состояния. В подобных конструкциях позиция субъекта замещается только словами, обозначающими наименование человека или животного, для показа состояния которых служат приведенные предложения.

В тех случаях, когда эта позиция занята глаголами отношения (см. вышеприведенный пример), глаголами действия, глаголами количественных изменений, глаголами мышления, в передаче субъекта участвует дательно-направительный падеж имени: 1) *Анна жашчыкыгга китап окъутду* «Дедушка сделал так, чтобы

мальчик читал книгу»; 2) *Къырал колхозлагъа малланы кёбейтиредиди* «Государство делает так, чтобы колхозы увеличили поголовье скота»; 3) *Ол аны бизге ангылатды* «Он сделал так, чтобы мы это поняли». В тех же случаях, когда позиция предиката предложений, построенных по указанной схеме, замещается глаголами слухового восприятия, глаголами состояния, глаголами положения в пространстве, глаголами речи, в передаче субъекта участвует винительный падеж имени: 1) *Къойчу къозулары аналарына термилтеди* «Чабан делает так, чтобы ягнята страдали по матерям»; 2) *Роза къонакъны шинтикге олтуртду* «Роза посадила гостя на стул»; 3) *Устаз окъуучулары тауга ёрлетди* «Учитель с учениками поднялся в горы»; 4) *Мен сени Азизге къычыртдым* «Я сделал так, чтобы ты накричал на Азиза» и т.д.

Как видно из приведенных примеров, такие предложения многообразны по форме и содержанию, поэтому их выделение и изучение является одной из актуальных задач исследователей синтаксиса тюркских языков.

В этих языках встречаются и такие косвенно-субъектные конструкции, в которых в роли выразителя субъекта выступают слова в форме местного падежа. Эта словоформа выражает значение личного субъекта. В структуру этих предложений кроме нее входят слова *уят* «совесть», *айып* «стыд», употребленные в форме основного падежа, и слово *жокъду* «нет», которое занимает позицию сказуемого: 1) *Сенде уят жокъду* «У тебя нет совести»; 2) *Сенде айып жокъду* «Ты бессовестный».

В содержательном плане эти синонимичные оценочные предложения двухкомпонентны. В их семантическую структуру входят субъект и предикат. Их общая семантика: выражение состояния личного субъекта с точки зрения говорящего.

Вышеприведенные материалы показывают, что в тюркских языках в передаче субъекта предложения участвуют все падежи. Исключение составляет лишь исходный падеж.

Кроме того, следует отметить, что в этих языках для выражения субъекта используется сочетание имени с послелогом. Часто встречаемыми являются предложения, построенные по схеме $C_1 + C_{\text{дан}} + Г$, где $C_{\text{дан}}$ – это сочетание имени с послелогом *бла* «с». Позицию глагола в таких предложениях могут занимать не все лексико-семантические типы глаголов. Самостоятельную группу составляют предложения, построенные по этой

схеме, в которых в роли предиката выступают глаголы речи *кенгеш, сёлеш, ушакъ эт*, употребленные в значении «беседовать». В их позиции S_1 и $S_{\text{гла}}$ замещаются словами, обозначающими человека.

Лица, обозначаемые этими формальными компонентами предложения, участвуют в одной и той же ситуации и выполняют одно и то же действие. Иначе говоря, как S_1 , так и $S_{\text{гла}}$ служит для выражения субъекта. Для обозначения семантического компонента предложения, выраженного послеложным сочетанием $S_{\text{гла}}$, вслед за А. А. Холодовичем можно использовать термин *косубъект речи* (Холодович, 1978: 7). Например: 1) *Председатель бригадирле бла сёлеше турады* «Председатель беседует с бригадирами»; 2) *Атасы жашлары бла ушакъ этеди* «Отец беседует со своими сыновьями».

Общая семантика таких предложений: ситуация речи, в которой участвуют субъект и косубъект, каждый из которых совершает одинаковое действие.

Такую же семантику имеют предложения, выражающие процесс речи, в которых позиция предиката замещена формой взаимно-совместного залога глаголов *ушакъ эт* «беседовать», *даула* «претендовать, спорить», *шыбырда* «шептать», *кычыр* «кричать», *дауур эт* «шуметь» и др.: 1) *Мухажир кгоншусу бла шыбырдашды* «Мухажир с соседом шепчется»; 2) *Хасан аны бла даулашды* «Хасан поспорил с ним».

В роли предиката предложений, построенных по указанной схеме, выступают отдельные глаголы и других лексико-семантических классов:

1. Глаголы, обозначающие способ движения *чап* «бегать», *секир* «прыгать», *сюркел* «ползать», *жюз* «плавать» и др.: 1) *Мен сени бла чабышырыкъма* «Я буду соревноваться в беге с тобой»; 2) *Мурат Мухажир бла секиришеди* «Мурат соревнуется в прыжках с Мухажиром».

Общая семантика таких предложений: участие в одном и том же действии соревнующихся субъекта движения и косубъекта движения.

2. Часть глаголов действия: *тойюш* «драться», *тенгелеш* «помериться с кем-нибудь ростом», *кыучакълаш* «обниматься», *жыгъмыш/ тутуш* «бороться с кем-либо», *сермеш* «схватиться», *салыш* «драться яростно» и др. Например: 1) *Келген юйню иеси бла кыучакълашды* «Пришедший обнялся с хозяином дома»; 2) *Рустам Хасан бла тойюшген эди* «Рустам подрался с Хасаном».

Данными структурами выражается такая ситуация, в которой, как отмечает А. А. Холодович, точкой при-

ложения действия субъекта является косубъект, а точкой приложения действия субъекта является субъект (Холодович, 1978: 7), чем и определяется характер общей семантики указанных предложений.

3. Глагол мышления *таныш* «познакомиться»: *Мурадин устаз бла танышды* «Мурадин познакомился с учителем».

Это предложение, хотя и построено по той же схеме, что и приведенные выше конструкции, по смыслу отличается от них, что объясняется характером семантики его предиката.

4. Следует отметить, что косубъект как моделиобразующий смысловой компонент предложения входит в состав не только тех предложений, в которых в роли выразителя предиката выступают глаголы в форме взаимно-совместного залога. Обязательного присутствия косубъекта для образования информативно достаточных высказываний требуют, например, и глаголы, выражающие значения «объединиться», «помириться», «встретиться», «увидеться»: 1) *Мен Хазрет бла жарашханма* «Я помирился с Хазретом»; 2) *«Прогресс» колхоз «Жулдуз» колхоз бла бирикгенди* «Колхоз «Прогресс» объединился с колхозом «Звезда» и т.д.

Вышеизложенное показывает, что простые предложения с неподлежащим выражением субъекта в тюркских языках характеризуются многообразием формы и содержания. Во всех этих конструкциях косвенный субъект бывает личным. Один из формальных признаков их предикатной лексики заключается в том, что она всегда употребляется в нулевой форме лица ед. числа. Исключения составляют лишь сказуемые предложений, в составе которых выступают субъект и косубъект.

ВКЛЮЧАЮЩИЕ И ВКЛЮЧЕННЫЕ ПРЕДИКАТЫ В СТРУКТУРЕ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Проблема моделирования предложений тесно связана с вопросом выделения членов предложения и особенно сказуемого. Выделение сказуемого в предложении, в составе которого есть и личная и неличная, особенно инфинитивная формы глагола, – сложная задача, к решению которой лингвисты подходят по-разному.

В русской лингвистической традиции определились два подхода к ее решению. При одном подходе, связанном с именем А. А. Шахматова, сказуемым считается только личный глагол, а инфинитивы рассматриваются как самостоятельные (дополнительные глагольные) члены предложения (Шахматов, 1941). Представители другого подхода, связанного с именем Д. Н. Овсянко-Куликовского (Овсянко-Куликовский, 1912), считают, что сочетания инфинитива с личными формами глагола составляют один член предложения – сказуемое (Храковский, 1972).

В большинстве тюркологических исследований одновременно используются оба подхода. Выбор их определяется статусом независимого личного глагола. Если такой глагол рассматривается как служебный, то сказуемым считается его сочетание с инфинитивом. Если такой же глагол классифицируется как сказуемое, то инфинитив – как тот или иной самостоятельный член предложения (Ишбаев, 1975: 18–25; Алиев, 1972: 142–160, 197 и др.).

Факты показывают, что в карачаево-балкарском языке он иногда выступает в роли обстоятельства цели. Например: *Жашла бери оксургга келгендиле* «Ребята приехали сюда учиться». Здесь личная форма глагола рассматривается как знаменательное слово, следовательно, и как сказуемое, а связанный с ним инфинитив – как обстоятельство цели.

Однако этого нельзя сказать об инфинитиве и личной форме глагола в предложении *Жашла анда оксургга боллукгдула* «Ребята, возможно, будут учиться там», где отрыв инфинитива от личной формы глагола изменяет значение данного предложения: *Жашла анда боллукгдула* «Ребята будут там». В некоторых случаях это может даже разрушить предложение.

Анализ фактов языка показывает, что слова, употребляемые в составе сказуемого, бывают нескольких типов: 1) глаголы-частицы: *Мени муратым оксургга эди* «Моя цель заключалась в том, чтобы учиться»; 2) глаголы, употребляемые в роли фазисного предиката: *Тюлюк кетерге баиллады* «Лисица начала уходить»; 3) глаголы, связанные с понятиями намерения, общения, желания, разрешения, приказания, свободы действия и т. д.; 4) модальные слова, не являющиеся глаголами: *керекди, тийишлиди*; 5) некоторые прилагательные: *кыйынды, тынчды, аманды, игиди* и т. п. Многие из них не могут самостоятельно выступать в роли сказуе-

мого, однако в сочетании с инфинитивом выполняют вспомогательную функцию. Ср.: *Иш башланды* «Работа началась» и *Тюлкю кетерге башлады* «Лисица начала уходить». Слово *керек* может быть самостоятельным, а позиции, открываемые инфинитивом, относятся к самому инфинитиву, образуя вместе с ним инфинитивный оборот.

Включая инфинитив в состав сказуемого, исследователи оставляют вне поля зрения вопрос о его распространителях. Однако ясно, что включить инфинитив в состав сказуемого – это значит включить в его состав и зависимые от него слова, например: *Малчыла хар ийнекден 4500 килограмм сют сауаргга борчлангандыла* «Животноводы обязались надоть от каждой коровы по 4500 килограммов молока».

Если принять утвердившуюся в традиционной грамматике точку зрения, согласно которой глагольный оборот выражает какой-нибудь один член предложения, то придется признать, что в этом предложении слово *малчыла* «животноводы» – подлежащее, а все остальные слова входят в состав сказуемого. Отказ же от такого суждения будет противоречить общеизвестному положению традиционной грамматики о том, что сказуемое, как и другие члены предложения, может быть выражено различными глагольными оборотами, в том числе и инфинитивными (Грамматика азербайджанского языка, 1971: 271). Именно такое противоречие содержится в работах некоторых ученых (*Алиев*, 1972: 151, 152, 301–306).

Исследователи отмечают, что в тюркских языках для образования безличных предложений используются сочетания неличных форм глагола с вспомогательными словами. Например, *И. Д. Джакубов* указывает, что в современном киргизском языке в функции предикативного члена безличных предложений выступают сочетания имени действия со словами *керек*, *мюмкюн*, *тийиш*, *болот*, *туура*, *келет* и др. (*Джакубов*, 1966: 32–36). Отнесение таких слов к «вспомогательным», «служебным» приводит исследователей к приравниванию их к роли аффиксов предикативности. Так, *Д. Амантурдыев* пишет: «Если уподобить составное сказуемое слову, то при таком уподоблении ведущий компонент будет равен основе слова, а формальный компонент – присоединяемым к основе аффиксам» (*Амантурдыев*, 1965: 13, 14).

По нашему мнению, такое утверждение глубоко ошибочно. Многие из глаголов, «образующих» в соче-

тании с неличной формой глагола безличные предложения, являются самостоятельными словами, различающимися и по смыслу, и по валентным свойствам. Они требуют замещения одной из синтаксических позиций предложения неличной формой глагола, в карачаево-балкарском языке – чаще инфинитивом. Данный инфинитив может быть одиночным или распространенным названием субъекта, объекта и других элементов, что зависит от валентных свойств самого инфинитива. Следовательно, при определении количества и качества необходимых компонентов модели предложения нужно учитывать валентные свойства и инфинитива, и личной формы глагола, и модальных слов.

В рассматриваемых предложениях личная форма глагола, модальные и другие слова являются выразителями включающих предикатов, а инфинитив – выразителем включенных предикатов.

В отличие от предикатов, аргументами которых являются непредикатные слова, включающие предикаты требуют наличия в аргументных местах других предикатов, оказывающихся включенными в предложение. Предложение, включающее в свой состав включенный предикат, может быть двусоставным, личным или односоставным и безличным. В карачаево-балкарском языке для образования безличных предложений используются не только глаголы, но и различные предикативные слова и даже некоторые прилагательные и наречия.

Инфинитив имеет свои аргументы. Их качество и количество в основном зависит от семантики инфинитива, т.е. включенного предиката. Форма слова, выражающего косвенный субъект (*бизге* «нам»), зависит от включающего предиката. В тех случаях, когда он требует постановки слова – выразителя субъекта в основной падеж, образуется двусоставное, личное предложение, а когда он требует постановки данного слова в форме дательно-направительного падежа, образуется безличная конструкция. Ср.: 1) *Мен санга аны окгургга кьоймайма* «Я тебе не разрешаю читать это»; 2) *Манга аны окгургга жарамайды (эрттеди, кьыйынды)* «Мне нельзя (рано, трудно) читать это».

Факты языка показывают, что включающие предикаты бывают фазисными и каузативными. В безличных предложениях они указывают на дозволение, разрешение, возможность, необходимость и т.д.

В современном карачаево-балкарском языке в роли

включающих предикатов, образующих безличные предложения, используются: 1) глаголы: *тjюшеди* «приходится», *болады*, *жарайды* «дозволяется»; 2) прилагательные: *къыйын* «трудный», *тынч* «легкий» и т.п.; 3) наречия: *эртте* «рано», *кеч* «поздно» и т.п.; 4) модальные слова типа *керекди*, *тийишлиди* «необходимо, нужно» и др.

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СУБЪЕКТНЫМИ ОБОРОТАМИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

Как известно, в тюркских языках изобилуют обороты, образованные личными формами глагола и другими частями речи. Несмотря на то, что эти обороты в формальном и семантическом отношении бывают разнообразными и в синтаксических исследованиях занимают важное место, вопрос о том, какую роль они играют в предложении, до сих пор остается спорным (Ахматов, 1983: 33).

При этом особенно дискуссионным остается вопрос о синтаксическом статусе таких оборотов, где субъект, отличный от субъекта основной части предложения, выражен словом в основном падеже.

В роли стержневых слов в таких оборотах выступают не только личные формы глагола, но и отдельные лексико-семантические типы прилагательных, слова-предикативы *бар* «есть», *жокъ* «нет», *кѣп* «много», *аз* «мало», *керек* «необходимо» и т.д., не оформленные лично-предикативными аффиксами. Все эти слова, являясь предикативными, в зависимости от характера проявления своих валентных свойств, имеют определенное число актантов, в сочетании с которыми образуют специфические конструкции (обороты), не способные употребляться самостоятельно и в силу этого встречающиеся лишь в составе какого-либо предложения или в сочетании со словом, оформленным лично-предикативным аффиксом и занимающим позицию сказуемого; иногда — в сочетании со словом, занимающим позицию подлежащего. Схематически это можно представить следующим образом: 1) оборот + предложение: *Машина правлен аллына жетгенлей, председа-*

тель андан чыкыды «Как только машина заехала во двор правления, председатель вышел оттуда»; 2) оборот + сказуемое: *Мен таныгган сенсе* «Тем, кого я знаю, являешься ты» (или: «Моим знакомым являешься ты»); 3) подлежащее + оборот: *Ол мен таныгганды* «Он является тем, кого я знаю» (или: «Он является моим знакомым»). Здесь оборот занимает позицию сказуемого и поэтому оформлен лично-предикативным аффиксом.

Рассматривая вопрос о предложениях, имеющих в своем составе обороты, некоторые тюркологи считают, что они состоят из двух частей: а) основной части и б) оборота, включенного в основную часть предложения. При этом утверждается, что основная часть предложения является конструкцией, выступающей в роли самостоятельной предикативной единицы. В ошибочности такого мнения нетрудно убедиться, если учесть, что во втором из приведенных предложений «основной частью» является сказуемое *сенсе*, а в третьем – подлежащее *ол*, которое нельзя рассматривать как «самостоятельно употребляемые предложения». В роли самостоятельного предложения употребляется лишь «основная часть» первой из приведенных предикативных единиц.

Отсюда видно, что не все обороты играют одинаковую роль в построении предложения. Общим для всех рассматриваемых оборотов является наличие субъекта и предиката, отличных от предиката и субъекта предложения, в составе которого употреблены эти обороты.

Субъект оборота в тюркских языках передается несколькими способами: а) лексически – каким-либо словом в форме основного падежа (С₁): *мен кѳрген* «тог, кого я увидел»; б) лексико-морфологически – путем одновременного использования слова в форме основного или родительного падежа (С₂) и соответствующего притяжательного аффикса, присоединяемого к стержневому слову оборота: *мен ары барганымда* «когда я приходил туда, *мени аны кѳргеним* «то, что я увидел его»; в) морфологически – с помощью притяжательного аффикса: *Сени кѳргеним иги болду* «Хорошо, что я увидел тебя».

Для выражения субъекта в предложении используются те же средства. Разница проявляется лишь в том, что в предложении в качестве морфологического выразителя субъекта употребляется лично-предикативный аффикс, а в оборотах – притяжательный.

В структурном отношении общим для предложе-

ния и оборота является то, что субъект в них может передаваться не только формами S_1 и S_2 , но и другими косвенными падежами, например: 1) *Манга китап кереги санга белгилиди* «То, что мне нужна книга, тебе известно»; 2) *Мында анга суурук боллугун барыбыз да билебиз* «То, что ему здесь будет холодно, мы все знаем»; 3) *Сенде уят болмаганы аманды* «То, что у тебя нет совести, – плохо».

Каждый из оборотов, в зависимости от формы своего стержневого слова и семантики вершинного глагола, занимающего позицию сказуемого, замещает в синтаксической конструкции тот или иной ее член (подлежащее, дополнение и т.д.) и выражает свое зависимое отношение к сказуемому тем или иным способом. Обороты, в которых позиция предикатного слова (ПС) оборота занята деепричастием или инфинитивом, замещают позицию обстоятельства и примыкают к сказуемому предложения. Как и другие обстоятельственные члены предложения, обстоятельственные обороты чаще всего выступают в роли факультативных элементов синтаксической конструкции. Ср.: 1) *Поезд шахаргга жетгенлей, танг атды* «К прибытию поезда в город рассвело» и *Танг атды* «Рассвело»; 2) *Сен школдан кгайтыргга, мен Алимге китапла табарыкгма* «К твоему возвращению из школы я найду для Алима книги» и *Мен Алимге китапла табарыкгма* «Я найду для Алима книги».

Что же касается оборотов, ПС которых являются причастиями, прилагательными, словами *бар, жок, кеп, аз, керек* и т.д., то они в предложении занимают позицию определения или дополнения. В первом случае эти обороты примыкают к определяемому словом. Во втором ПС оборота в зависимости от валентных свойств сказуемого предложения, в состав которого входит оборот, имеет форму основного или других падежей: 1) *Мен окгутхан келди* «Пришел тот, кого я обучал» (основной падеж); 2) *Мен окгутханни кызы студентди* «Дочь того, кого я обучал, является студенткой» (род. падеж); 3) *Ол мен окгутханнга письмо жазады* «Он пишет письмо тому, кого я обучал» (дательно-направительный падеж) и т.д.

Каждый из оборотов в предложении отвечает на вопрос какого-либо члена, что сближает оборот с синтаксически неразложимым словосочетанием. Поэтому некоторые синтаксисты рассматривают обороты в качестве специфических словосочетаний (Сеидов, 1965).

Однако обороты существенно отличаются от всех прочих типов словосочетаний и сближаются с предложениями, ибо имеют субъектно-предикатную структуру.

На наш взгляд, не все конструкции, выражающие предикатное выражение, или пропозицию, в одинаковой степени близки к предложению.

Отсутствие показателя согласования у ПС, образующего оборот, не может служить основанием для отказа оборотам в праве считаться предикативными единицами, потому что согласование – лишь частный случай связи субъектной и предикатной лексем. Отсутствие показателя согласования у сказуемого в тюркских языках возможно и в тех случаях, когда подлежащее выражено основным падежом. Например, в современном татарском языке возможны предложения типа *Мин сәламәт кәчлө «Я здоров, силен» (Закеев, 1963: 29)*. Ср. также предложения из карачаево-балкарского языка: 1) *Мен кьойчума, сен а жырчыса «Я являюсь чабаном, а ты – певцом»*; 2) *Мен – кьойчу, сен – жырчы «Я – чабан, ты – певец»*.

Чтобы решить, являются ли глагольно-именные обороты придаточными предложениями, необходимо остановиться на понятиях предикативности и модальности.

Нам представляется, что наиболее правильное определение этих категорий дается в исследованиях, проводившихся в группе типологического изучения языков ЛО ИЯ АН СССР (Типология конструкций с предикативными актантами. 1985). В них отмечается, что одни слова, в отличие от других, обладают обязательными валентностями. Такие слова, называемые функторами, делятся на две группы. В первую из них входят функторы, хотя бы одна из валентностей которых замещается предикатным словом.

Вторую группу составляют такие слова, все валентности которых заполняются предметными актантами, аргументами. Такие функторы и называются предикатами (Касевич, Храковский, 1983: 15).

С учетом этого нельзя не признать, что предикатами являются все слова, на основе которых в тюркских языках образуются обороты: неличные формы глагола, прилагательные и т.д.

Предикативность есть не что иное, «как сопоставление данному предикату его актантов» (Касевич, Храковский, 1985: 12). Предикат с заполненными местами представляет собой пропозицию, которая является носителем предикативности (по терминологии Ш. Бал-

ли: диктум), служит для отображения некоего события или ситуации объективной действительности и составляет основную часть семантической структуры (СемС) предложения.

Структура пропозиции зависит от валентности предиката. Например, предикат *кёр* «видеть» имеет две валентности, которые замещаются формами S_1 и S_4 (вин. падеж), ср.: *Азиз самолётну кёреди* «Азиз видит самолет». Пропозицию этого предложения можно представить в следующем виде: *кёр (Азиз, самолёт)*. Тогда нельзя сказать, видит Азиз самолет или нет, хочет он видеть самолет или нет и т.п. Это объясняется тем, что здесь не хватает тех значений, которые «преобразуют» пропозицию в предложение. Нет показателей выражения модальности, поэтому неизвестно, каково отношение предиката (*кёр*) к своим аргументам (*Азиз, самолет*), связан ли он с ними реальными отношениями (*Азиз самолёт кёрюрге керекди* «Азиз должен увидеть самолет»; *Азиз самолёт кёрюрге боллукъду* «Возможно, Азиз увидит самолет» и т.п.). Все эти значения реальности, возможности, долженствования и т.д. составляют внутреннюю модальную рамку – модус предложения.

Такие же модальные значения могут быть присущи и оборотам. Ср.: *Азизни самолёт кёргени* (реальное отношение), *Азизни самолёт кёрюрге боллукъду* (значение возможности), *Азизни самолёт кёрюрге сюйгени* (значение желания) и т.д.

Сопоставление приведенных примеров показывает, что значение реальности передается как личной формой глагола, выступающего в роли сказуемого, так и неличной формой глагола, образующего оборот. А значение ирреальности как в предложении, так и в обороте передаются лексическим способом, т.е. путем использования таких специальных функторов, как *бол* «возможно», *сюй* «хотеть, желать», *керек* «необходимо» и т.п.

На наш взгляд, это подтверждает, что исследователи, считающие, будто тюркским глагольным оборотам не присуща модальность, допускают ошибку. Конечно, модальные значения, передаваемые в предложении, гораздо богаче и многообразнее, чем те, что передаются в оборотах, ибо предикат предложения выражается всеми формами наклонения, а предикат оборота лишен этого. Кроме того, в отличие от оборота, в предложении для передачи модальных значений используются раз-

личные частицы, вводные слова: Ср.: 1) *Азиз театр-га бармай а?* «Азиз, конечно, пойдет в театр; Как же не пойти Азизу в театр?»; 2) *Баям, Азиз театр-га барлыкды* «Наверное, Азиз пойдет в театр» и т.п.

Сопоставление также показывает, что функторы с семантической точки зрения бывают двух типов: а) функторы реальности, б) функторы ирреальности (функторы возможности, желания, намерения и т.д.) (*Касевич, Храковский, 1985: 10*). Например, в обороте *Азизни театр-га барыргы суйгени* «желание Азиза пойти в театр» имеется два функтора. Первый из них – *барыргы* «пойти, сходить» – является функтором-предикатом реальности, а второй – *суйгени* «его желание» – это слово, выражающее ирреальное модальное значение.

Отсюда видно, что «функтор реальности является нулевым исходным, немаркированным в системе модальных функторов. Не случайно в плане выражения функтору реальности обычно не соответствует какой-либо специальный показатель» (*Касевич, Храковский, 1985: 12*). Такие показатели отсутствуют в предложениях, где в роли предиката выступают глаголы в изъявительном наклонении (например: *Поезд шахар-га келеди* «Поезд прибывает в город»), и в глагольных оборотах, не имеющих модального функтора, например: 1) *мен санга тюбегенде* «когда я встретил тебя»; 2) *мен санга тюбегенлей* «как только я встретил тебя»; 3) *мен, санга тюбеп* «я, встретив тебя» и т.п.

Обороты не лишены и значения времени, которое многие лингвисты также связывают с основными признаками предложения – предикативностью и модальностью (Русская грамматика, т.1.: 96). В оборотах содержится как утверждение, так и отрицание. Притом в них, как и в предложении, отрицаются как реальные, так и ирреальные значения. Ср.: 1) *Аны ишлерге суйгени белгилиди* «Известно, что он хочет работать»; 2) *Аны ишлерге суймегени белгилиди* «Известно, что он не хочет работать»; 3) *Ол университетде окуганда, сен гитчечик эдинг* «Когда он учился в университете, ты был маленьким»; 4) *Ол илляулары бермей кгойганда, сабий бек ёккелеген эди* «Когда он не отдал игрушки, ребенок очень обиделся» и т.п. Однако следует отметить, что в предложении для выражения отрицания употребляются лексическое и морфологическое средства, а в обороте – только морфологическое, т.е. частица *-ма/-ме*. В карачаево-балкарском языке лишь

деепричастие на *-гъынчы/-гинчи* не принимает этого аффикса. Все остальные формы глагола могут снабжаться им.

В СемС предложения, кроме пропозитивного и модального значений, входят и значения повествовательности, вопроса, побуждения, которые одни лингвисты относят к модальным значениям (Русская грамматика), а другие считают, что они образуют особую рамку, названную коммуникативной (Касевич, Храковский, 1983: 14). Предложения бывают повествовательными, вопросительными и побудительными, а обороты могут иметь лишь повествовательное и вопросительное значение. К стержневому компоненту оборота может присоединяться морфологическое средство выражения вопроса, т.е. частица *-мы/-ми*; ср. следующие пары предложений:

1) *Къыш келип, суурукъ болду* «Зима пришла, поэтому стало холодно» – *Суурукъ, къыш келипми болду?* «Стало холодно из-за того, что пришла зима?»; 2) *Автобус заманында келмей, сабийле дерсге кеч болдула* «Из-за того, что автобус не пришел вовремя, дети опоздали на урок» – *Сабийле дерсге автобус заманында келмейми кеч болдула?* «Дети опоздали на урок из-за того, что автобус не пришел вовремя?» и т.д.

В числе тех признаков, мешающих рассматривать обороты в качестве придаточных предложений, иногда называют и то, что они не могут употребляться самостоятельно. Однако вряд ли можно на этом основании считать обороты придаточными предложениями.

Казалось бы, все это позволяет рассматривать все обороты с самостоятельным субъектом в качестве придаточных предложений. Однако не все такие обороты в одинаковой степени обладают вышеуказанными основными признаками предложения. Так, например, предикат причастных оборотов существенно отличается от предиката предложения. Это объясняется, во-первых, тем, что не все его валентные свойства реализуются: предикат, выраженный личной формой переходного глагола *бер* «давать», открывает места для S_1 (субъекта), S_2 (адресата) и S_4 (объекта): *Ол санга китап бергенди* «Он дал тебе книгу».

Причастная форма того же глагола открывает места лишь для S_1 и S_4 , а форма S_2 ею не предсказывается. В результате этого изменяется пропозитивная структура синтаксической конструкции. Ср.: *Ол китап берген келди* «Пришел тот, кому он отдал книгу».

Нереализованной может оказаться валентность это-

го причастия на C_1 (субъект). Тогда оборот будет иметь следующую структуру: C_3 (адресат) + C_1 (объект) + G_{-inf} (предикат): *Санга китап берген келди* «Пришел тот, кто отдал тебе книгу».

Приведенные обороты, в которых не полностью реализованы валентности глагола, могут замещать в синтаксической конструкции позиции определения, подлежащего и дополнения. Когда же позиция определяемого занята словами с временной семантикой (*заман* «время», *кюн* «день» и т.д.), указанное причастие может реализовать все свои валентности, ср.: *Ол санга китап берген кюн мен да анда эдим* «В тот день, когда он отдал тебе книгу, и я был там».

В таких случаях причастный оборот вместе со следующим за ним словом с временной семантикой составляет синтаксически неразложимый комплекс.

Так же ведут себя и причастия от других типов глаголов. Разница заключается в том, что при различных семантических типах деепричастий нереализованными остаются различные валентности. Например, при глаголе движения не реализуются валентности на C_1 (субъект) или C_3 (обстоятельство места), ср.: 1) *Мен школгга барама* «Я иду в школу»; 2) *Школгга барган сенсебук*, «Сходившим в школу являешься ты»; 3) *Мен барган школ шахардады* «Школа, куда я сходил, находится в городе»; 4) *Мен школгга жюрюген заманда, сен студент эдинг* «Когда я ходил в школу, ты был студентом».

Учитывая, что здесь реализуются не все валентности глагола, причастные обороты можно назвать конструкциями с неполной предикацией, или полупредикативными единицами.

В пользу такой концепции говорит еще и тот факт, что причастные обороты чаще всего носят местоименный характер. Они, хотя и имеют субъектно-предикатную структуру, выражают значение какого-либо субъекта или объекта, представленных полупредикативно, и в силу этого не встречаются в начале повествования. Ими мы пользуемся только тогда, когда наш собеседник знает, о чем или о ком идет речь.

Если исходить из предложенного здесь понимания полупредикативности, то к полупредикативным синтаксическим единицам придется отнести и обороты, образованные на основе слов *kép* «много», *аз* «мало», *бар* «есть», *жокъ* «нет», прилагательных и др. В оборотах, стержневым компонентом которых являются

слова «бар», «жокъ», «аз», не реализуется валентность на S_2 (притяжательное определение), ср.: 1) *Хасановну китабы барды* «У Хасанова имеется книга»; 2) *Китабы бар келди* «Пришел тот, у кого имеется книга» (т.е. «Пришел Хасанов»). Ср. также: *Асанны башы уллуду* «У Асана большая голова»; 3) *Башы уллу сенсе* «Тот, у кого голова большая, – ты».

Здесь, как и в предыдущих примерах, опущено притяжательное определение, выраженное формой S_2 .

В таких оборотах, стержневым элементом которых является прилагательное, нереализованным может оказаться S_1 (субъект), например: 1) *Ахмат Азизден таматады* «Ахмат старше Азиза»; 2) *Азизден тамата школда окъуйду* «Тот, который старше Азиза, учится в школе».

В отличие от предложения, в рассматриваемых полупредикативных конструкциях порядок слов всегда бывает прямым. Интонационно выделить компоненты этих оборотов невозможно, что также говорит о том, что они менее предикативны, чем предложения.

В еще большей мере это относится к оборотам, стержневым компонентом которых является имя действия. В карачаево-балкарском языке такие обороты чаще строятся по схеме $S_2 + \Gamma_{\text{ав}}$, $S_3 + \Gamma_{\text{ав}}$, $S_4 + \Gamma_{\text{ав}}$ и т.д. Субъект действия в них обычно выражается формой родительного оформленного падежа, что также подтверждает их полупредикативный характер: *Аны школгга жюрюю башланды* букв. «Его хождение в школу началось».

Как известно, при присоединении аффиксов принадлежности, падежей или множественности некоторые части речи употребляются субстантивно. Принимая аффикс принадлежности, имя действия в составе оборота также несколько утрачивает свои глагольные признаки и вместе с тем приобретает свойства имени. О его близости к имени говорит и то, что оно часто переходит в разряд существительных, например: *билеу* «брусок», *тиреу* «подпорка», *эгеу* «напильник» и т. д.

На наш взгляд, правы В. Б. Касевич и В. С. Храковский, которые пишут: «Можно сказать, что пропозицию, лежащую в основе предложения «Внучка дает бабушке яблоко», лучше отражает не это предложение, а (не вполне грамматичный) номинализированный оборот «давание внучкой яблока бабушке»: в семантике предложения содержатся значения реальности и повествовательности, которых фактически нет в номи-

нализованном обороте» (Касевич, Храковский, 1983: 14). То же можно сказать и о тюркских оборотах, образованных с помощью имен действия.

Все полупредикативные обороты, стержневыми компонентами которых являются причастия, имена действия, прилагательные, слова *бар, жокъ, кеп, аз*, склоняются. Ср.:

1. Осн. п.: *Мен окгутхан сенсе* «Тем, кого обучал я, являешься ты».

2. Род. п.: *Мен окгутханны китабы сендеди* «Книга того, кого обучал я, находится у тебя».

3. Дат.-напр. п.: *Китаны мен окгутханнга бер* «Отдай книгу тому, кого обучал я».

4. Вин. п.: *Мен окгутханны чакгыр* «Позови того, кого обучал я».

5. Мест. п.: *Китап мен окгутханда кгалганды* «Книга осталась у того, кого я обучал».

6. Исх.п.: *Китаны мен окгутхандан ал* «Бери книгу у того, кого обучал я».

В такие обороты вводятся не все послелоги, а лишь те из них, которые могут употребляться после предметных актантов предложения.

Кроме того, следует отметить, что значение, выражаемое оборотами, образованными словами *бар, жокъ*, передается именами на *-лы, -сыз*, ср.: *Фатары жокъла жыйылыуга суююп келдиле/Фатарсызла жыйылыуга суююп келдиле* «Те, кто не имеет квартиры, охотно пришли на собрание».

Если предложения с такими оборотами считать сложноподчиненными, то и предложения, те или иные члены которых выражены словами на *-лы, -сыз*, также придется отнести к сложноподчиненным конструкциям. Однако этого никто не делает.

Склоняемые обороты в предложениях занимают позиции всех его членов, кроме обстоятельства, и являются обязательными его составными частями. В караево-балкарском языке встречаются конструкции, где главными членами являются полупредикативные обороты: *Сен таныгган мен окгутханды* «Твой знакомый является тем, кого я обучал».

Если причастный оборот, построенный по схеме $C_1 + Г_{\text{глан}}$ (без аффикса принадлежности), описательно выражает значение какого-либо объекта или субъекта, т.е. носит местоименный, указательный характер, то о причастном обороте, в котором субъект выражен родительным падежом, а предикат – причастием, снаб-

женным аффиксом принадлежности, этого нельзя сказать. В таких оборотах валентности причастной формы глагола реализуются полностью: 1) *Мени сени кёргеним иги болду* «Хорошо, что я увидел тебя»; 2) *Биз директорну школгга кгайтханына кгууандык* «Мы обрадовались тому, что директор вернулся в школу».

О различии между этими двумя типами причастных оборотов говорит и то, что в предложениях с оборотами первого типа сказуемое выражается любым глаголом или именем, например: 1) *Мен кёрген келди* «Пришел тот, кого видел я»; 2) *Мен кёрген сенсе* «Тем, кого видел я, являешься ты»; 3) *Мен кёрген кгартды* «Тот, которого видел я, стар» и др.

При выражении сказуемого предложения, в состав которого включен причастный оборот второго типа, такой свободы выбора нет. Например, ни глагол движения *кел* «прийти», ни слова *сен* «ты», *кгарт* «старый» в предложениях с подобными оборотами не могут занимать позицию сказуемого.

Здесь действует принцип избирательности, которому до сих пор в тюркологии не уделялось внимания.

Причастные обороты второго типа могут быть включены в предложение, в роли сказуемого которого выступают, например, глаголы мышления, отношения, психического состояния и др.: 1) *Биз директорну школгга кгайттыргыны юсюнден саггыш этебиз* «Мы думаем о том, что директор вернется в школу»; 2) *Биз директорну школгга кгайтханын билебиз* «Мы знаем, что директор вернулся в школу» и т.д.

Все эти и некоторые другие лексико-семантические типы глаголов отличаются тем, что хотя бы одно из открываемых ими мест в предложении всегда или почти всегда замещается предикатным актантом-причастием, инфинитивом или каким-либо другим функтором.

Проблемой классификации таких глаголов и других слов, которые условно могут быть названы включающими словами (ВС), в последнее время усиленно занимаются ленинградские лингвисты. На основе анализа фактов разноструктурных языков, в том числе и тюркских, они пришли к выводу о том, что глаголы, первая и/или вторая, возможно, и прочие, валентности которых носят пропозиционный характер, необходимо квалифицировать в качестве непредикатных (Категория глагола и структура предложения. Л., 1983).

Такая точка зрения, по нашему мнению, позволяет прийти к выводу, что предложения с указанными обо-

ротами не являются сложными; их лучше называть усложненными.

Обратимся к языковым фактам: *Мен анда кгар жаугган сунганма* «Я подумал, что там выпал снег».

В этом предложении содержится оборот *анда кгар жаугган*, букв. «там снег падавший». Вместо него в это же предложение могут быть включены другие склоняемые обороты, кроме тех, где стержневым словом является имя действия, например: 1) *Мен бу китап иги сунганма* «Я подумал, что эта книга хорошая»; 2) *Мен сенде китап жокъ сунганма* «Я подумал, что у тебя нет книги».

Во-первых, склоняемые обороты в составе этого предложения построены не по приведенным выше, а совсем по другим схемам – изменились число и форма компонентов.

Во-вторых, при опущении оборотов из состава приведенных примеров, остается сочетание *Мен сунганма* «Я подумал», которое, хотя по форме и похоже на предложение, не способно самостоятельно выражать событие. Ср. сочетание *Мен санайма* «Я считаю». В него также могут быть включены склоняемые обороты: 1) *Мен сени акгыллыгъа санайма* «Я считаю, что ты умный»; 2) *Мен сени бери келгеннге санайма* «Я считаю, что ты приехал сюда».

В отличие от предложений, где позицию сказуемого занимает глагол *сун* «подумать», здесь субъектное слово оборота вступает в двойную связь: со стержневым словом оборота и с глаголом, занимающим позицию сказуемого.

В предложения такого рода могут быть включены и инфинитивные обороты, например: *Биз сени шахаргга жиберирге оноулашханбыз* «Мы договорились отправить тебя в город».

Все рассмотренные обороты имеют лексически выраженный самостоятельный субъект. Однако традиционная грамматика их не выделяет и предложения с такими оборотами не относит к сложным. Такая точка зрения представляется необоснованной.

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ БАЙЛАМСЫЗ БОЙСУННГАН КЪОШ АЙТЫМЛА

Бойсуннган къош айтымла, бойсуннган кесеклери баш кесеклерине къалай байланганларына кёре, талай тюрлю боладыла: 1) байламлы бойсуннган къош

айтымла; 2) байлам сөзлөк бойсунган кыш айтымла; 3) байламсыз бойсунган кыш айтымла; 4) бойсунган кесеклери баш кесеклерине морфология мадарланы болушлуктары бла байланган кыш айтымла.

Тил билимде жюриген оюмга кере, бурунгу тюрк тилде бусагъатдагы тюрк тиллени барысында да жюриген бойсундуруучу байламла жокну орунунда болгъандыла. А. М. Щербак: «Руна жазмалада керти байламла тюбемейдиле», – деп жазады. Алай, эрттеги тюрк жазмалада, аз болсала да, байламланы кыулушларында жюриген сөзле тюбейдиле, ала да этимчаладыла деп белгилейди автор. Бусагъатдагы тюрк тиллени грамматикаларыны уа байламлага жораланган бөлүмлери бардыла. Алада кьргюзтолген байламланы араларында бусагъатдагы тюрк тиллени барысында да бирча тюбеген сөзле хаза жокдула. Болгъанлары да кесекчикледен жаратылгъандыла.

Проф. А. М. Щербакны бу оюмларыны тюзюклерине кырачай-малкыар тил да толу шагъатлыкъ этеди. Кыш оюмну билдирир ючюн, бирси тюрк тилли адамлача, малкыарлыла бла кырачайлыла да алгын айланчлы айтымланы хайырланып болгъандыла. Бурун заманлада ол алагъа тамамлыкъ этгенди. Ардан-артха, бирси тюрк тилледеча, аланы тиллеринде да бойсундуруучу байламланы кыулушларында тюрлю-тюрлю сөзле, бир-бир сөзлени формалары эм бир кыауум сөз бирлешле жюрип башлагъандыла. Юлгюле: *себеби, деп, ансы, аны себепли, алай болгъанлыкъга, нек десенг* д.б. Сөзю кысхартыр ючюн, биз былагъа байламла деп кыоябыз. Юлгюле: 1) *Бююн жауун жауады, аны себепли дырын жыйылмайды*; 2) *Махмут ёпкелеген эди, нек десенг кеси терс туюл эди*.

Байлам сөзлөк бойсунган кыш айтымла бусагъатдагы тюрк тиллени барысында да кеп жюриюдюле. Аланы кесеклерин бир бирге байлар ючюн, байлам сөзледен тышында, *-са да/-се да, эсе да* деген кесекчикле эм алмаш сөзле хайырланыладыла: 1) *Кимни арбасына минсенг да, аны жырын жырла*; 2) *Сиз кимни таний эсегиз да, биз да аны танийбыз*.

Бу юлгюледе кьрюннгенича, байлам сөзле бла *-са да/-се да, эсе да* деген кесекчикле – бойсунган кыш айтымны бойсунган кесегинде, алмаш сөзле уа – аны баш кесегинде келедиле.

Белгилисича, тюркологланы арасында айланчлы айтымланы бойсунган кыш айтымлага санагъанла аз туююдюле. Жер болмагъаны себепли, биз былайда

ол затны тинтиуге эс бурмайбыз. Жаланда эки кесегини да хапарчыларыны хапарчы жалгъаулары болгъан бойсуннган къош айтымлагъа къарайбыз.

Бойсуннган кесеклери къаллайла болгъанларына кёре, байламсыз бойсуннган къош айтымланы быллай къауумлагъа юлеширге болады:

1. Бойсуннган башчы айтымлы къош айтымла.

Быллай байламсыз бойсуннган къош айтымны баш кесегини башчысы болмайды. Сёз ючюн, *Тюздю: Махмут иги къойчуду* деген бойсуннган къош айтымны баш кесеги *тюздю* деген сёзю. Ол кеси да хапарчыды. Аны башчысы жокъду. Мында магъана жаны бла башчыны къуллугъун бу къош айтымны *Махмут иги къойчуду* деген бойсуннган кесеги толтурады.

Быллай бойсуннган къош айтымны баш кесеклерини къуллукъларында *белгилиди, эсимдеди, кертиди, адетиди* деген сёзле келедиле. Ала къош айтымны бойсуннган кесегини аллында жюрюйдюле. Аланы ызларындан келген айтымла, къуралыу эм магъана жаны бла къаллайла болсала да, бойсуннган башчы айтымны къуллугъун тамамлайдыла. Аны алайлыгъын быллай кёргюзтурге боллукъду:

Бизге белгилиди: *Махмут къошха кетгенди.*
Махай заводда ишлейди.
Муса студентди.
Ол китап окъуйду.
Азиз жырлай турады.

Бир-бирде къарачай-малкъар тилде *Махмут къошха барса, игиди* дегенча айтымла да тюбейдиле. Муну биринчи кесеги бойсуннган айтымды. Аны хапарчысы этимни шарт турушундан къуралгъанды, болсада *игиди* деген хапарчыгъа, башхача айтсакъ, баш айтымгъа башчылыкъ этеди. Быллай айтымланы баш кесеклерини къуллукъларында *игиди, аманды* деген сёзле келедиле.

2. Бойсуннган толтуруучу айтымлы къош айтымла. Быланы баш кесеклерини хапарчылары бир-бир кёчюучо этимледен къураладыла. Быллай баш айтымланы толтуруучулары болмайдыла. Аланы къуллукъларын толтургъанлары себепли, къош айтымланы бойсуннган кесеклери бойсуннган толтуруучу айтымлагъа саналадыла. Къуралыу, магъана жаны бла ала къаллайла да болургъа боладыла. Аны алайлыгъын да быллай кёргюзтурге боллукъду:

Биз билебиз:

- Мазан иги окгуйду.*
- Мазан герпегежчиди.*
- Мазан кьой кютеди.*
- Мазан кьошдан келеди.*
- Мазан аны таныйды.*

Бир-бирде къарачай-малкъар тилде толтуруучу бойсунган айтымны да хапарчысы этимни шарт турушундан къуралыргъа болады. Юлгюле: 1) *Бннабыз, сен ары барсанг, сюеди*; 2) *Ол, сен мында кълсанг, ыразыды*.

3. Бойсунган хапарчы айтымлы къош айтымла.

Была да бир ненча тюрлю боладыла. Аланы биринчи тюрлюсю къош айтымны баш кесегини ызындан келеди эм аны алмаш сёзден къуралгъан хапарчысыны магъанасын ачыкълайды: 1) *Анда ишни боллугъу алайды: бичен, фермагъа ташылып, тишге салынырыкъды, межамлагъа ремонт этилликди*; 2) *Радиону сизге билдирлиги олду: тамбла Нальчикде Къайсынны туугъан кюнюне жораланган жыйылыу боллукъду*.

Быланы биринчи кесеклери баш айтымладыла. Аланы хапарчылары *алайды*, *олду* деген алмашладан къуралгъандыла. Аны себепли аланы магъаналары белгисиздиле. Аланы белгили этип келгенлери себепли, бу къош айтымланы экинчи кесеклери бойсунган хапарчы айтымладыла.

Башда кёргюзтолгенича, бир-бир бойсунган айтымланы хапарчылары этимни *-са/-се* жалгъаулу формасындан къураладыла. Быллай хапарчылы бойсунган къош айтымла бойсунган къош айтымны баш кесегине ол кесекчикни болушлугъу бла байланадыла. Къарачай-малкъар тилде къош айтымны баш кесегине *эсе* деген кесекчикни болушлугъу бла жалгъанган хапарчы бойсунган айтымла да боладыла. Юлгюле: 1) *Атаналарыбыз саулукълу болсала, бизге бек кереги олду*; 2) *Мени классым иги окгуй эсе, мени бек излегеним олду*.

4. **Заманчы бойсунган къош айтымла.** Была бир ненча тюрлю боладыла. Аланы араларында бойсунган кесеклери баш кесеклерине морфология мадар бла жалгъанганла тубейдиле. Ала быладыла:

а) бойсунган кесеклери баш кесеклерине *-са/-се* жалгъауну болушлугъу бла байланганла: *Ариуба, чабып, юйге кирсе, сабийчик анда эди*;

б) бойсунган кесеклери баш кесеклерине *-мы/-ми* жалгъауну болушлугъу бла байланганла: *Къонгуроу*

зынгырдадымы, олсагатдан студентле аудиториягга жыйыладыла да каладыла;

в) къарачай-малкъар тилде кесеклери бир бири ызларындан терк этилген ишлени кёргюзтген бойсунган къош айтымла да тюбейдиле. Аланы бойсунган кесеклери алгъа, баш кесеклери уа аны ызындан келедиле. Аланы экисини да хапарчыларыны *-ды/-ди* деген жалгъаулары болады. Къош айтымны бойсунган кесегин баш кесегине байлауда ол жалгъау да белгли къуллукъну толтурады: 1) *Къонгуруу зынгырдады – дерс башланды*; 2) *Жел урду – эшик ачылды*;

г) бир-бирде байламсыз къош айтымны бойсунган кесегини хапарчысы заман магъаналы атха *бол* деген болушлукъчу этим къошулуп къуралады. Аллай хапарчысы болгъан заманчы бойсунган айтымла къош айтымны баш кесегини аллында келедиле эм анда кёрюннген ишни заманын белгилейдиле: 1) *Бир сагат болады, Ажат, эгечин сакълап, былайда турады*; 2) *Ай да болады, чалгъычыла Къочхарташда бичен чаладыла*;

д) баш кесегинде кёрюннген иш бойсунган кесегинде белгиленнген ишни ызындан мычымай тамамланган бойсунган къош айтым быллай да болады: *Къонгурууну зынгырдагъаны, дерсни башланганы болду*. *Болду* деген болушлукъчу этим быллайда къош айтымны эки кесегине да бирча къарап, аланы бир бирге жалгъаргъа себеп болуп келеди.

5. Халчы бойсунган кесегин болгъан къош айтымла. Быланы бойсунган кесеклери баш кесеклерини ызларындан келедиле. Аланы алларында келген баш айтымлада *алай, былай* деген кёргюзтюучю сёзлеуден къуралгъан болумла боладыла. Быллай къош айтымланы баш кесеклери аланы ачыкълап жюриюдюле. Аны алайлыгъын бу юлгюледе кёрюрге боллукъду: 1) *Тюнене Хадис алай этгенди: дерсден келгенлей, анасына тахталаны чагаларгга болушханды, сора дерслерин окъугъанды*; 2) *Озгъан жай Хасан быллай этгенди: аппасын, ыннасын кёрюрге Холамгга баргъанды*.

6. Бойсунган сылтаучу кесегин болгъан къош айтым. Быллай айтымны бойсунган кесегини хапарчысы этимни туура турушундан къуралады. Аллай хапарчылы сылтаучу айтым бойсунган къош айтымны баш кесегини аллында келеди: *Жамауатда Къайсынны сюмеген адам жокъду: ол бизни халкъбызны атын битюе дуниягга махтау бла айтдыргъанды*.

7. Бойсунган себепчи кесекли къош айтым:

Мында жай кысха болады, сууукъду: көгетле биш-мейдиле.

8. Бойсунган сансыз кесеги болгъан къош айтым. Быллай бойсунган къош айтымланы бойсунган кесеклери аланы баш кесеклерине *-са да/-се да, эсе да* деген кесекчиклени болушлукълары бла байланадыла. Бойсунган сансыз айтым къош айтымны баш кесегини аллында, аны ичинде неда ахырында келирге болады. Къош айтымны къалайында келсе да, ол аны баш кесегинден запятой бла айырылады: 1) *Андан бери бек кеп заман озгъан эсе да, ол ишле мени эсимден кетмегендиле*; 2) *Сен не бек тилесенг да, мен бююн ары бараллыкъ туюлме*. Быллай къош айтымланы бойсунган кесеклерини хапарчылары этимни буйрукъчу турушундан да къураладыла: *Сен аны не кеп да айт, ол бери келмез*.

9. Бойсунган таянчакъ кесеги болгъан къош айтым. Быллай айтымланы бойсунган кесеклери баш кесеклерине *-са/-се, эсе* деген кесекчиклени болушлукълары бла байланадыла. Аланы хапарчылары этимден, тилни ат кесеклеринден да къураладыла: 1) *Жерни керегин тапдырсанг, тирлик иги болур*; 2) *Жабагълы тай да, иги бакъсанг, ат болады*; 3) *Аппам къарт болса, мен къуруда аны къатымда тутарыкъма*. Бу юлгюлени ючюнчюсю кёргюзтгенича, быллай къош айтымланы бойсунган кесеклери ат хапарчылы болургъа да боладыла.

Быллай бойсунган къош айтымны баш кесегинде кёрюннген иш аны бойсунган кесегинде айтылгъан иште таянып тамамланады. Бойсунган таянчакъ айтым кёбюсюнде къош айтымны баш кесегини аллында келеди. Алай ол аны ортасында, ахырында келирге да болады: 1) *Жауун жауса, жер жашнар*; 2) *Жер жауун жауса, жашнар*; 3) *Жер жашнар, жауун жауса*.

Башда келтирилген юлгюле кёргюзтгениге кёре, байламсыз бойсунган къош айтым деп, биз байламы да, байлам сёзю да болмагъан айтымгъа айтабыз. Аланы юслеринден тил билимде даулаш жюрюйдю. Бир-бир алимлени оюмларына кёре, бу айтымланы тенг жарашуу эм бойсунуу бла байламлыкъларын тохташдыруу кыйынды. Болсада, была тилде байламсыз бойсунган къош айтымланы энчи къауумуна киредиле (*Пюрбе-ев, 1983: 22, 23*). Бир-бирле уа аны терсге санайдыла. Сёз ючюн, Н. Наргъев быллай жазады: «Байламсыз къош айтымланы, байламлары, байлам сёлери болмагъанлары себепли, не тенг жарашхан къош айтым-

лагъа, не бойсунган къош айтымлагъа къошаргъа болмайды» (Нартыев, 1984: 31). Биз бу оюмну тюзге санайлабайбыз. Аны сылтауу кендю.

1. *Январь айы жетди – жер бузлады да башлады* дегенни *Январь айы жетди, суукъ келди, жер бузлады* деген айтым бла тенгледирсек, биз бу затланы керебиз: а) была бир бирден интонациягъа кере башхадыла, б) быланы биринчиси жалаңда эки кесекден къуралады, экинчисинде уа тенг жарашхан бош айтымла бир бири ызларындан саналып барадыла. Башхача айтсакъ, быллай бойсунган къош айтымла бла тенг жарашхан къош айтымла бир бирден жалаңда интонация жаны бла угъай, къуралыу жаны бла да башхадыла.

2. Байламсыз бойсунган къош айтымланы бойсунган кесеклерин баш кесеклерине жалгъауда морфология мадарла хайырланыладыла. Сёз ючюн, быллай къош айтымланы бойсунган кесеклерин баш кесеклерине жалгъауда *-са/-се, эсе -са да/-се да, эсе да* деген кесекчиледен тышында этимни туура турушу, буйрукъчу турушу да хайырланыладыла.

3. Бойсунган айтымланы бир бирлерини баш кесеклерини, сёз ючюн, башчылары, толтуруучулары болмайдыла. Къош айтымланы бойсунган кесеклери аланы къуллукъларын толтуруп, алай бла баш айтымла бла къаты байламлыкъ тохташдырып келедиле. Ол иште баш айтымны хапарчысыны къуллугъунда келген сёзлени орунлары энчи жерни аладыла: 1) *Биз билебиз: сиз къойчуласыз*; 2) *Бизге белгиледи: сиз къойчуласыз*.

4. Вир-бир баш айтымланы бир-бир членлери алмаш сёзледен къураладыла. Къош айтымны бойсунган кесеклери аланы магъаналарын ачыкъ этип, баш айтымла бла байламлыкъны къаты этедиле: *Мени санга айтыргъым олду: иги окъу, билимли адам бол*.

5. Байламсыз бойсунган айтымланы къайсы тюрлюсюню да къуралыу жаны бла энчиликлери бардыла. Байламсыз къош айтымны кесеклерин бир бирге жалгъауда аны да уллу магъанасы барды. Юлгюге: *Желни ургъаны, эшикни ачылгъаны болду* деген айтымгъа къарагъыз.

Ч А С Т Ь П

АТ

Атны баш шартлары

Белгилисича, тилде сёзле кёп тюрлюле боладыла. Аланы хар бирини энчиликлери бардыла. Аны алайлыгыын сёзлени магъаналарына, морфология шартларына, къуралыу жаны бла энчиликлерине, сёз тутушда бла айтымда къаллай сёзле бла байланнганларына, къаллай мадарланы болушлукълары бла байланнганларына таянып билебиз.

1. Магъана жаны бла къарасанг, сёзле затланы, аланы тюрлю-тюрлю ишлерин, шартларын белгилейдиле. Затланы белгилеген сёзлеге **атла** дейбиз. Алай дунияда затла кёп тюрлюле боладыла. Анга кёре, атланы да талай къауумгъа юлеширге тюшеди.

Кёзюнг бла кёрюрге, кёолунг бла къатылыргъа болгъан затланы атларына кёрюмдюлю атла дейбиз: *кюрек, таш, адам, бёрю*. Атланы бирси къаууму белгилеген затланы уа кёрюрге болмайды: *ахшылыкъ, ксарангылыкъ, белгисизлик* д.б. Быллай атлагъа кёрюмдюсюз атла дейдиле. Атланы бу къауумлары да талай ууакъ къауумгъа юлешинедиле (Аны юсюнден энишгерекде айтылады).

2. Атла, кеслерини морфология шартларына кёре да, тилни бирси кесеклеринден башхадыла. Аны алайлыгыын атланы сан, иеликчи эм болуш категориялары болгъанлары кёргозтеди. Юлгюле: *Бу ат эмиликти. Ат башы. Атны башы. Атха мин. Ат тут. Атны жерле. Атда жюрю. Атдан тюш* д.б.

3. Атны морфология жаны бла энчиликлерин кёргозтюуде ат къураучу жалгъаула да белгили жерни аладыла. Ада тилни бирси кесеклерин къураучу жалгъауладан башхадыла: *къыр – къыргъыч, къууан – къууанч, къой – къойчу, къойчу – къойчулукъ* д.а.к.

4. Кеслерини синтаксис шартларына кёре да, атла

бирси сёзлени араларында энчи жерни аладыла. Аны алайлыгын атланы сёз тутушта эм айтымда бир бирлери бла эм башха сёзле бла жалгъаныулары кёргюзтедиле: 1) сёз тутушта эм айтымда атланы айгъакълауучулары болургъа боладыла: *акъ кёой, бийик юй*; 2) бир ат башха атха жалгъанып, юч тюрлю айгъакълауучу сёз тутуш къуралыргъа болады: а) *алтын сагъат, къагъыт машок, кёоншу жаш*; б) *кёой жюн, кёоян териси, тууар эт*; в) *ананы баласы, кёойчуну таягъы*.

Кеслерини магъаналарына, айтымда орунларына, формаларына кёре, атла айтымны баш эм сансыз членлерини кёулдукъларын тамамлайдыла: 1) *Кёойчу кёой кютеди*; 2) *Ол кёойду*; 3) *Жашчыкъ кёойгъа бичен салды*; 4) *Кёой жюн хайырлыды* д.а.к.

Атланы магъана жаны бла къауумлары

Магъана жаны бла къарасанг, атла жаны бар, жаны жокъ затланы кёргюзтедиле. Жаны бар затланы кёргюзтген атла: 1) адам эм аны ахлудугъу бла байламлы атла: *эгеч, къарындаш, ата, сабий* д.а.к.; 2) адам атла: *Исса, Хасан* д.б.; 3) адамны иши, усталыгъы бла байламлы затланы кёргюзтген атла: *атчы, жазыучу*; 4) адамланы бир бирлери бла байламлыкъларыны халын кёргюзтген сёзле: *кёоншу, тенг, кёонакъ, душман* д.б.

Быллай атла тюрк тилледе *ким?* деген соруугъа жууап этедиле. Жаны бар затланы кёргюзтген атлагъа къурт-къумурсханы, жаныуарланы эм адамны дин бла байламлы туудургъан затларыны атлары да киредиле: *кёоян, чибин, къамыжакъ, шайтан, мёлек*. Быллай атла тюрк тилледе *не?* деген соруугъа жууап этедиле.

Ол тиллени барысында да, къаллай затланы кёргюзтгенлерине кёре, атланы быллай къауумлагъа юлешедиле: 1) энчи атла, 2) тукъум атла. Быланы биринчи къауумуна быллай сёзле киредиле: 1) адамланы керти эм чам атлары: *Азиз, Ажат*; 2) жаныуарлагъа адамла берген атла: *Къаракъаш, Ерёкёулакъ*; 3) жер, эл, шахар, суу атла: *Къащхатау, Къазахстан, Къазан, Иткёгал, Басхан суу*; 4) астрономия атла: *Жер, Ай*; 5) тюрлю-тюрлю организацияланы, биригулени, предпритияланы атлары; 6) история ишлени атлары: *Уллу Ата журт уруш*; 7) китап, журнал, чыгъарма атлары д.а.к.

Бу тизме кёргюзтгенича, энчи атла артыкъ кёп тюрлююдюле. Тукъум атла уа магъана жаны бла талай

к'яуумг'а юлешинедиле. Энци атла белгили затланы к'ергюзтедиле. Адам ол затланы к'езю бла к'ерюрге, к'юлу бла тутарг'а боллук'юду. Тук'ум атла к'ергюзтген затланы арасында да аллайла бек к'епдюле: *таш, аг'ач, к'юшун, будай*. Тук'ум атла, андан тышында, башда айтылг'аныча, к'ерюмдюзюз затланы да белгилейдиле: *жашлык', к'гарангылык', к'гарындашлык', оюм, шух'лук', тилек, к'зууанч, эс, ак'ыл, мурат* д.б.

Тук'ум атланы асламысы саналырг'а болг'ан затланы к'ергюзтедиле, аны себепли ала тилде санаула бла бирлешип жорюйдюле: *беш адам, юч терек, он ай, бир к'юш* д.а.к. Быллай атланы к'ергюзтген затланы анчаг'а, мынчаг'а юлеширге болады. Бир-бир атла уа алай юлешинмейдиле. Ала *грамм, килограмм, тонна, литр* дегенча с'езле бла бирлешип жорюйдюле: *беш литр сют, эки килограмм жюн, он челек сют, эки чыккыр бишлак', бир тонна темир*.

Бу затланы эсге алып, атланы эки к'яуумг'а юлеширге болады: 1) саналычу атла, 2) ёлчеленичу атла.

Маг'ана жаны бла бир-бир атла бир затны, башхалары уа талай затны к'ергюзтедиле. Ол шартха к'ере, атланы эки к'яуумг'а юлешедиле: 1) жангызчы атла: *к'юй, шинтик, таш, б'ерк*; 2) к'епчу атла: *жылк'ы, халк', жамауат, сюрюу*. Быланы экинчи к'яуумуна кирген с'езле, жангызлык' санда келселе да, к'еп затны к'ергюзтедиле. Ала затланы топлап-топлап белгилейдиле. Аллай топла к'еп болург'а боладыла, аны себепли к'епчу атла жангызлык', к'еплюк санда да жорюйдюле: *жылк'ы – жылк'ыла, халк' – халк'ла*.

Атла бирча жорук'лаг'а к'ере к'ураладыла эм тюрленедиле. Аланы айтымда синтаксис к'уулдук'лары да к'еп к'ялмай бирчаладыла. Аланы синтаксис к'уулдук'лары бу затлаг'а к'ере болады: а) аланы к'яаллай формада келгенлерине к'ере; б) к'яаллай с'ез бла эм к'яалай байланнганларына к'ере; в) айтымны к'яалайында келгенлерине к'ере.

Индоевропей тиллени асламысында атны род категориясы болады. Тюрк тилдеде уа аны аллай категориясы жок'юду. Алада *тиширюу, эркегырюу, ийнек, ёгюз, к'юй, к'ючхар, хораз, тауук'* дегенча с'езле бардыла. Жаны бар затланы бир бирден бу жаны бла башхалык'ларын тюрк тилдеде бу с'езлени болушлук'лары бла, башхача айтсак', лексика мадар бла к'ергюзтедиле.

Ол зат синтаксис мадар бла да бериледи. Ол муратда тюрк тилли адамла *тиши, эркек, к'ыз* дегенча с'езлени хайырланадыла: *тиши к'юзу, к'ыз сабий*.

Грамматика жаны бла къарасанг, тюрк тилдеде атла: 1) санда тюрленедиле, 2) болушлада тюрленедиле, 3) аланы иелик формалары болады, 4) хапарчыны къулдугунда келселе, бетчи-хапарчы жалгъаулары болургъа болады.

Ол затлагъа къарайыкъ.

Атны сан категориясы

Атны бирси морфология категорияларынча, сан категориясын да сёз тюрлендириучю жалгъаула кёргюзтедиле. Айтымда келселе, атла бирде жангыз затны, бирде кёп затны белгилейдиле. Аны себепли атны сан категориясын белгилеген жалгъаула эки тюрлю боладыла: 1) ноль жалгъау, 2) -ла/-ле жалгъау.

Ана тилден школ дерсликдеде айтылгъанына кёре, ноль жалгъаулу ат жангыз затны белгилейди. Алай бу оюмну сёзсюз тюзге санап къояргъа жарамайды. Айтымда жангызлыкъ санда келген атны ненча затны кёргюзтюрюгю ол атны лексика магъанасына кёре болады. Сёз ючюн, *таш, терек, къой, эчки, балта, салта* дегенча, жангызчы атла, айтымда жангызлыкъ санда келселе, бирде жангыз затны, бирде уа талай затны кёргюзтедиле. Ол контекстге кёре болады. Сёз ючюн, бу айтымлагъа къарайыкъ: 1) *Аслан тауукълагъа таш атды*; 2) *Мазан бахчасында алма терек орната турады*; 3) *Къара къой къозусун излеп макъырды*.

Бу айтымлада *таш, терек, къой* деген сёзле жангызлыкъ сандадыла. Аланы хар бири биришер затны кёргюзтеди: 1) *Мазан мюлкеде къой кютеди*; 2) *Лашкутачы жашла бююн мюлкеде терек сугъарадыла* деген айтымлада уа *къой, терек* деген сёзле жангызлыкъ сандадыла, болсада жангызшыр затны угъай, талайшыр затны белгилейдиле.

Айтымда жангызлыкъ санда келген атны ненча затны белгилегенин аны айгъакълагъан сёзле кёргюзтюрге боладыла. Сёз ючюн: 1) *Берги терек чагъып башлаганды*; 2) *Жарыкъ адамны ким да жаратады* деген айтымлада жангызлыкъ санда келген атланы жангызшыр затны белгилегенлери ачыкъ болады.

Жангызлыкъ санда хайырланылгъан ат, иеликчи жалгъаусуз болса да, кёп затны угъай, бир затны кёргюзтеди: *Атым эмиликди*.

Атланы барысы да жангызлыкъ эм кёплюк санда келирге боладыла дерге жарамайды. Бир-бир атла

жаланда жангызлык санны формасында жорюйдюле. Нек десегиз аланы хар бири биришер затны кергюзтедиле. Былагъа адам атла, чам атла, жер-суу атла, тюрлю-тюрлю кемелени, организацияланы, предприя-тияланы атлары эм башха энчи атла киредиле. Кер-тиди, айтымда сёз эки бир атлы адамны юсюнден барса, энчи ат кёплук санда келеди: *Мажитле школдан кьайт-дыла.*

Айтымда кьуруда жаланда жангызлык санда жо-рюген атла дагъыда бардыла. Аланы алай жорюулеру лексика магъаналарына кёре болады. Кёплук санны жалгъауу кьошулмай, бу атла жорюйдюле: 1) *кюн чыгъыш, кюн батыш, кьыбыла* дегенча сёзле; 2) *дуния, кьудурет* деген сёзле; 3) *-чылык* жалгъауу болуш-лугъу бла кьуралып, адамланы ишлери бла байламлы болгъан керюмдюсюз затланы белгилеген сёзле: *мал-чылык, тахтачылык, жазычулук, миллетчилик*; 4) тюрлю-тюрлю илмуланы кергюзтген сёзле: *химия, физика, социализм, капитализм*; 5) суусун затланы эм башха веществоланы кергюзтген сёзле: *сют, кис-лород, водород, жау, жез* д.а.к.

Башда айтылгъаныча, быллай ёлчелениучю атланы айтымда *кёп, аз, тонна, центнер* дегенча, ёлчеу сёзде-ден кьуралгъан айгъакълаучулары боладыла: *кёп ал-тын, бир центнер ун, юч грамм кюмюш.*

Алай бу затланы эсге алыргъа керекди: а) бир-бирде сёз машоклагъа кьуюлгъан унну, шешаладагъы суула-ны юслеринден барыргъа болады. Ол кезиуде сёлешген адам бу сёзлени кёплук санда хайырланыргъа бол-лукъду: *Унланы бла сууланы арбалагъа жюклегиз*; б) *Алтынларымы тапкада кьойгъанма* деген айтымда *алтын* деген сёз кёплук сандады, нек десенг, ол ал-тынны кёплюгюн, азлыгъын угъай, алтындан этилген талай затланы кергюзтеди; в) айтымда санчы санау-дан кьуралгъан, айгъакълаучусу болгъан атла да жангызлык санда келедиле: *Бизни элде юч школ бар-ды*; г) *ай, кюн* деген сёзле биришер затны белгилейди-ле, аны себепли жангызлык санда жорюйдюле: а) *Ай тегерекни жарытды*; б) *Кюн кьарны эритеди.*

Саналыучу атла жангызлык санда да, кёплук сан-да да жорюйдюле. Кёплук санны жалгъауу кьошул-гъан атла жангыз угъай, талай затны кергюзтедиле. Алай аланы ненча болгъанлары белгили болмайды: *ат – атла, эшик – эшикле, эл – элле, кьоян – кьоянда* д.б.

Белгили санны кергюзтюр ючюн, санаула хайырла-

ныладыла. Бу юлгюледе кёрюннгенича, кёплук санны жалгъауу сёзню тамырына кёшулады. Иеликчи жалгъау, болуш жалгъау, хапарчы жалгъау сёзде аны ызындан келедиле: *китап-ла-рым-дан-ды, юй-лер-игиз-ден-сиз*.

Гитчелендириучю-эркелегиучю жалгъау сёзде кёплук санны жалгъауундан алгъа келеди: *кёол-чукъ-ла, юй-чук-ле*.

Къарачай-малкъар тилде тукъум атлагъа *лары* деген жалгъау кёшулады: *Малкъарлары, Ахматлары, Акъайлары, Иттилары*.

Бу жалгъау адам атха да кёшулургъа болады. Ол кёшулгъан адам ат ол атны жюрютген адамны да, аны негерлерин да кёргюзтеди: *Азиллары бюгюн бичен чаладыла*.

Тилде, жалаанда жангызлыкъ санда жюрюген сёзле болгъанча, жалаанда кёплук санда жюрюген сёзле да боладыла. Кертиди, ала аздыла: *кесекле, хазырла, айырыула, урунганла* д.б. Юлгюле: а) *Махмутха кесекле тийгендиле*; б) *Хазырлары анга бек жарашадыла*; в) *Ол кыраллада урунганла кеслерини политика эркинликлери ючюн жигер кюрешедиле*.

Атны ие категориясы

Ат айтымда ие жалгъауу бла да, олсуз да жюрюйдю: 1) *Бу ат жорду*; 2) *Атым эмиликти*; 3) *Атынг кишнейди* д.а.к.

Ие жалгъаулу ат бир затны да, ол зат кимники, неники болгъанын да кёргюзтеди. Аны себепли, ие жалгъаулу атлагъа иели атла дейдиле.

Ие жалгъаулула 1-чи, 2-чи эм 3-чю бетлени кёргюзтедиле. Анга кёре, иели атла юч тюрлю формада жюрюйдюле: 1) *Китабым сендеди*; 2) *Китабынг мendeди*; 3) *Китабы кесиндеди*; 4) *Китабыыз басмадан чыккыгъанды*; 5) *Китабыгъыз тапкадады*; 6) *Китаплары сатыладыла*.

Бу юлгюле кёргюзтендерича, 1-чи, 2-чи бетлени ие жалгъаулары атны иесин да, ол не санда болгъанын да кёргюзтедиле. 3-чю бетни ие жалгъауу уа жалаанда атны иесин белгилейди, ансы аны санын кёргюзтмейди. Аны алайлыгъын кёрюр ючюн, бу юлгюлени тенгшешдиригиз: *китабы, китаплары*.

Быланы экиине да *-ы* деген ие жалгъау кёшулуду. Ол кеп иени угъай, жангыз иени кёргюзтеди.

Ие жалгъаулары тюрлю-тюрлю фонетика вариантлары боладыла. Ол сингармонизмге эм ие жалгъау къошулгъан сёзню ахырында къаллай таууш болгъанына кёре болады. Аны алайлыгъын бу таблицалада кёрюрге боллукъду.

Жангызлыкъ санны ие жалгъаулары

Бетле	Ахырлары къыякъс тауушка бошлгъан сёзге къошулгъан ие жалгъаулары	Югюле
1-чи бет	-эм/-им, -эм/-им	Алэм, кёлем, къобузэм, юбэм
2-чи бет	-ым/-ым, -ым/-ым	Алым, кёлым, къобузым, юбым
3-чо бет	-ы/-и, -ы/-и	Алы, кёли, къобузю, юбю

Бетле	Ахырлары аныкъ таууш аб ошылъ ан сёзге къошулгъан ие жалгъаулары	Югюле
1-чи бет	-м	Аким, ийим, къозум, къозым
2-чи бет	-к	Акык, ийик, къозук, къозук
3-чо бет	-сы/-си, -су/-су	Акысы, ийиси, къозусу, къозосу

Кёплюк санны ие жалгъаулары

Бетле	Ахырлары къыякъс тауушка бошлгъан сёзге къошулгъан ие жалгъаулары	Югюле
1-чи бет	-ыбыз/-ыбыз, -убуз/-убуз	Алыбыз, ийиби, къозубуз, юбубуз
2-чи бет	-ымыз/-ымыз, -умыз/-умыз	Алымыз, ийими, къозумыз, юбумыз
3-чо бет	-ы/-и	Алымы, ийими, къозумы, юбумы

Бетле	Ахырлары аныкъ таууш аб ошылъ ан сёзге къошулгъан ие жалгъаулары	Югюле
1-чи бет	-быз/-быз, -буз/-буз	Кылабыз, экиби, къозубуз, юбубуз
2-чи бет	-ымыз/-ымыз, -умыз/-умыз	Кыламыз, экими, къозумыз, юбумыз
3-чо бет	-ы/-и	Кыламы, экими, къозумы, юбумы

Бу жалгъаула сёзню къуралыуунда кеслерини белгили жерлерин аладыла. Ала жангъазлыкъ санда келген атны тамырына кёшуладыла, болуш жалгъаула аланы ызларындан келедиле: *адам-ым-а, адам-ынг-а, адам-ынг-дан* д.а.к. Ат кёплюк санда келсе уа, ие жалгъаула кёплюк санны жалгъауундан сора келедиле: *къойлар-ым-дан, эчкилер-ибиз-ге, тереклер-инг-е* д.а.к.

Тюрк тил билимде жюрюген оюмгъа кёре, атны ие категориясы быллай мадарла бла бериледи:

1. Морфология мадар бла, башхача айтсакъ, атха кёшулуп келген ие жалгъаулары болушлукълары бла: *атым, атыбыз, тайынг, тайыгъыз, юю, юйлери.*

Былада ие жалгъаула иелени кёргюзтедиле. Ала нелеге ие болгъанларын ала жалгъанып келген атла белгилейдиле.

Алай быллай формалы сёзлени барысы да иени бла ол неге ие болгъанын кёргюзтүп бармайдыла. Сёз ючюн, *къыралым* деген сёз «*мен жашагъан къырал*» деген магъананы береди.

Ие категорияны морфология мадар бла берилиюню юсюнден айтханда, дагъыда бу затха энчи эс бурургъа керекди: ие жалгъаулу атланы барысы да айтымда бирча жюрюмейдиле. 1-чи эм 2-чи бетлени ие жалгъаулары кёшулгъан сёзле, иени да, ол неге ие болгъанын да кёргюзтүп, айтымда эркин жюрюйдюле. 3-чю бетни ие жалгъауу кёшулгъан сёзле алай жюрю ючюн а, иени аты бирда къуруса да контекстден белгили болургъа керекди. Алайсыз *аты, юйлери* деген сёзле ие ким болгъанын ачыкъ кёргюзталмайдыла. Аны алайлыгъын бу текстчикде кёрюрге боллукъду: *Азиз бизни элде намысы жюрюген адамды. Къызы, жашлары да кесине ушайдыла.*

Бир-бир тюрк тилледеча, къарачай-малкъар тилде иеликни *-ныкы/-ники* деген жалгъау да белгилейди. Ол къайсы сёзге кёшулса да, ол сёз иени кёргюзтеди. Алай контекстден тышында алсанг, быллай жалгъаулу сёзле кёргюзтген затланы неге иелик этгенлери белгисиз болады. Ала айтымда келселе уа, аланы неге ие болгъанларын башчы кёргюзтеди: 1) *Бу китап библиотеканыкыды*; 2) *Аргъы къош Хасанныкыды.*

Бу жалгъау кёшулуп келген сёзле, башда юлгюледеча, айтымда хапарчы боладыла. Бир-бирде ала айтымны башчысыны, толтуруучусуну күүлукъларында да келедиле: 1) *Библиотеканы бу китапды*; 2) *Библиотеканыкыгын бизге беригиз.*

Бу затны эсге алыргъа керекди: хапарчылары *-ныкы*

жалгъаулу атладан бла иеликчи болушну жалгъаулу формасындан къуралгъан айтымла бир бирге синонимлик этедиле. Аны алайлыгъын бу юлгюле кёргюзтедиле: *Бу китап Муратныкыды/Бу китап Муратныды.*

Алай болгъанлыкъгъа, бу сёзлени синтаксис къуллукълары бир бирден башхадыла. Иеликчи болушну жалгъаулу формасыны баш къуллугъу иеликчи айгъакълаучуну къурауду: *Маржанны эгечи устазды. Алай ныкы жалгъаулу сёз а айтымда атны аллында жюриомейди эм айгъакълаучуну къуллугъун толтурмайды.*

2. Морфология-синтаксис мадар бла. Айтымны атдан къуралгъан члени кёргюзтген затны кесин ачыкъ белгилер ючюн, иеликчи болушдагъы сёзню хайырланадыла. Ол болушну жалгъау формасы бла аны ызындан келген ат, анга да ие жалгъау къошулуп, айгъакълаучу сёз тутуш къурайдыла: *мени бёркюм, бизни таймыбыз, сени шинтигинг, сизни арбазыгъыз, аны кюбюрю, аланы китаплары, Хыйсаны башлыгъы* д.б.

Бу юлгюледе кёрюннгенича, иени морфология-синтаксис мадар бла кёргюзтор ючюн, эки сёз бирлешип келедиле. Башхача айтсакъ, былайда синтаксис мадар хайырланылады. Андан тышында, быллай сёз тутушну биринчи кесегине – иеликчи болушну жалгъауу, аны экинчи кесегине уа – ие жалгъау жалгъанады. Башхача айтсакъ, былайда, ие категорияны берир ючюн, синтаксис мадардан сора, морфология мадар да хайырланылады. Бу затланы эсге алып, бу мадаргъа морфология-синтаксис мадар дейдиле.

Вашда келтирилген айгъакълаучу сёз тутушланы экинчи кесеклерини ие жалгъаулары къайсы бетни белгилей эселе да, биринчи кесеклерини орунларында келген сёзле ол бетни кёргюзтедиле. Аны себепли бу сёз тутушланы кесеклери къуруда бир бирлери бла бетде келишип жюриюдюле. Ала санда да келиширге боладыла: *мени насыбым, сени насыбынг, сизни къоншуларыгъыз, тереклени бутакълары.*

Алай бир-бирде быллай сёз тутушла да тубейдиле: 1) *бизни атыбыз* (мында иеле кёпдюле, ала ие болгъан зат а жангъады, болсада сёз тутушну кесеклери келишмей къалмадыла. Алай мында келишиу жаланда бетде болады); 2) *мени атларым* (мында ие жангъады, ол ие болгъан затла уа кёпдюле. Аны себепли бу сёз тутушну кесеклери да жаланда бетде келишедиле).

Бу юлгюлени тенглешдирейик: 1) *Ахкёбекланы жашлары Хаким иги окъуйду*; 2) *Хаким Ахкёбекланы жашларыды.*

Былада *жаш* деген сөз кеплюк сан формадады, болада жангыз затны белгилейди. Анга кеплюк санны жалгъауу ол сөзгө *Ахкёбекланы* деген сөз бла грамматика жаны бла келишдирир ючюн кёшоулады. Диалекте уа *Ахкёбекланы жашы* дегенча сөз тутушла тубейдиле.

Биз былайда къарай келген сөз тутушланы биринчи кесеклерини орунларында 1-чи, 2-чи эм 3-чю бетлени кёргюзтген алмашла келселе, аланы экинчи кесеклери белгилеген затлагъа адамла ие боладыла: *мени ююм, сени сенегинг, аны столу* д.а.к. Ючюнчю бетни алмашыны орунуна быллай сөз тутушлада адамны белгилеген сөзле да келедиле: *Махмутну къалпагъы, устазны журналы*.

Бу затланы эсге алсанг, атха иелик этген жаланда адам болады дерчады. Тюрк тиллени грамматикаларында ол оюм кесине кенг орун тапханды. Алай быллай сөз тутушланы биринчи кесеклерини орунларында жаны жокъ затланы кёргюзтген сөзле да эркин жюрюйдюле: *машинаны чархы, шинтикни аягъы*. Быллай сөз тутушла бир затны бир башха затныкы болгъанын кёргюзтедиле.

Бетлеучю алмашлача болмай, быланы биринчи кесеклери бирде иелик болушну жалгъаулу формасында, бирде жалгъаусуз формасында келедиле: *къойну жюню – къой жюню, къоянны териси – къоян териси*.

Быллай юлгюлени тенглендирсенг, иеликчи болушну жалгъаулу формасы – белгили, жалгъаусуз формасы уа – белгисиз затны кёргюзтгенлерин эслейсе.

Иеликчи болушну жалгъаусуз формасы, башхача айтсакъ, белгисиз формасы кёшулуп къуралгъан сөз тутушла эки тюрлю формада жюрюйдюле: а) *къой жюн*, б) *къой жюню*.

Быланы биринчисинде иени иеликчи болушдагъы сөз кёргюзтеди. Экинчи юлгюде уа иени, ол болушдан тышында, *ю* деген ие жалгъау да белгилейди. Тюрк тиллени асламысында быллай сөз тутушла ол жалгъаусуз жюрюмейдиле.

Быллай сөз тутушланы бир-бирлери, затланып, кёш сөзле болгъандыла: *жаз башы, кюз арты, кёзукъулакъ* д.б.

3. *Къой жюн* дегенча сөз тутушлада ие синтаксис мадар бла бериледи. Бир-бир тюрк тилде быллай сөз тутушланы 1-чи кесеклерини орунларында иеликчи болушну жалгъаулу формасы да жюрюйдю. Сөз ючюн, башкир тилде быллай айтыргъа болады: *мени китап*,

сени жашчыкы д.б. Къарачай-малкъар тилде уа быллай сёз тутушланы биринчи кесеклерини орунларында жалаңда кеплюк сандагы бетлеучю алмашла келедиле: *бизни юй, сизни арбаз, аланы къошда* д.а.к. Былайда да не синтаксис мадар бла бериледи.

Бирси тюрк тилледеча, къарачай-малкъар тилде ат быллай формада да жюрюйдю: *эшигимики, кюбюрюнгюкю* д.б. Бу сёздеде *ым, юнг* деген не жалгъаула бла бирге *ныкы* деген жалгъауну тюрлюлери да бардыла: 1) *Бу кирит эшигимикиди*; 2) *Бу кирит кюбюрюнгюкю*.

Атны не категориясыны юсюнден сёз баргъанда, тюрк тиллени грамматикаларында бу затланы белгилейдиле. Ол затланы барысын да эсге алсанг, быллай оюмгъа келесе: не категория атны морфология категорияларындан бириди. Ол не жалгъауланы болушлукълары бла бериледи.

Былайда аны белгилеу бла чекленирге боллукъ эди. Алай тёре грамматикада затны (адам болса да, башха зат болса да) бир затха не болгъанын кёргюзтюр ючюн, синтаксис мадарны (*къой жюн, бизни юй*), морфология-синтаксис мадарны (*мени атым*) юсюнден да айтадыла. Илму жаны бла аны артыкъ тюзге санарча туйюлдю, нек десенг, теория жаны бла къарасанг, морфология категорияны жалаңда морфология кёрюмдюлени болушлукълары бла, башхача айтсакъ, сёз тюрлендириучю жалгъауланы болушлукълары бла берилгенин эсге алыргъа керекди. Ол мадардан тышына чыгъуу теориягъа къаршы келген сунабыз. Сёз ючюн, сан категория. Ол тюзмюдю, терсмиди? *Къой, бизни* дегенлени сёз тутушладан, айтымдан тышында алсанг, къайсы болушланы кёргюзтгенлери белгили болмайды. *Къой жюн* дегенде уа *къой* деген сёзю *жюн* дегенге не болгъаны ачыкъланады. *Бизни* дегени да *юй* деген сёз кёргюзтген затха не болгъаны жалаңда *бизни юй* деген сёз тутушда белгили болады. Аллай сёз тутушлагъа уа морфологияда угъай, синтаксисде къараргъа кереклисин кёребиз. Алай, башда айтылгъаныча, атны къаллай болушда келгенин жалаңда сёз тутушда, айтымда билебиз.

Бу затланы эсге алсанг, болуш деп атны сёз тутушда неда айтымда къаллай магъанада келгенин кёргюзтген формасына айтабыз. Башхача айтсакъ, атны болушуна морфологияда, синтаксисде да къараргъа тюшеди.

Быллай экилик атны бирси морфология категориялары бла байламлы да тууады. Сёз ючюн, аны сан

категориясын ноль жалгъау бла *-ла/-ле* жалгъау кѣргюзтедиле. Болсада атны санын санаулары хайырланып кѣргюзтюрге да болады: *беш адам, он терек*.

Алай атны санын синтаксис мадар бла быллай кѣргюзтюу аны морфология шартлары бла байламлы туйюлдо. *Беш адам, он терек* дегенча айгъакълаучу сѣз тутушлагъа биз морфологияда угъай, синтаксисде къарайбыз.

Бу затла кѣргюзтгенге кѣре, бир-бир магъанала морфология кѣрюмдюлени болушлукълары бла да, сѣз тутушда бла айтымда уа сѣзлени болушлукълары бла да бериледиле. Аны себепли, бир-бир адимлени оюмларына кѣре, иеликни *бизни юй* дегенча сѣз тутушда берилиуюне лексика-синтаксис мадар дейдиле (*Ураксин*, 1974: 123).

Ие жалгъаулу атла бир-бирде ие категориядан башха магъананы кѣргюзтюрге да боладыла. Сѣз ючюн, бир-бир сѣзлеге къошулуп, 1-чи бетни ие жалгъауу эркетни айланыулада хайырланылады. Юлгюле: *жаным, кѣзюм, акъыллым, къаным, къарындашым, эгечим* д.б. Быллай айланыула ушакъгъа къатышхан адамлары бир бирни эркетнулерин, сыйлауларын кѣргюзтедиле.

Алача, бир-бир сѣзле къарачай-малкъар тилде ие жалгъаусуз хазна жюрюмейдиле. Бери адамны чархы бла байламлы сѣзле (*башым, къашым, аягъым, къолум, чачынг* д.б.) киредиле. Кертиди: нарт сѣзде ала ие жалгъаусуз да тибейдиле: *Къол къолну жууар*.

Быллай сѣзле адамны чархыны кесеклерин кѣргюзтгенлери себепли, алагъа юч бетни ие жалгъаулары да жалгъанадыла: 1) *Мени башым ауруйду*; 2) *Сени кѣзлеринг къараладыла*; 3) *Аны кирпиклери узундула*.

Былада иени иеликчи болушдагъы сѣзле бла ие жалгъаула белгилейдиле. Иеликчи болушдагъы сѣзле уа адамны кѣргюзтедиле.

Ол сѣзле затланы кѣргюзтюп келирге да боладыла. Ол кезиуде иели атха 3-чю бетни ие жалгъауу къошулады. Алай иеликчи болушдагъы сѣзю кетерсенг, ол жалгъау кѣргюзтген зат неники болгъаны белгиле болмайды. Аны алайлыгъын ангълар ючюн, быланы тенгешдиригиз: *терекни бутагъы – бутагъы, столну кюбурчеге – кюбурчеге*.

Бу сѣз тутушлада иели жалгъауу сѣзле бир затланы (*терекни, столну*) биришер кесеклерин белгилейдиле.

Бу юлгюледе *терекни, столну* дегенлени орунларына адамны белгилеген сѣзлени салсакъ, ол сѣзле кѣргюзтген иели атла белгилеген затлагъа ие боладыла: *мени бутагъым, сени кюбурчегинг*.

Ол нени кѣргюзтеди? Быллай сѣз тутушланы магъаналары аланы кесеклерини орунларында келген сѣзлени магъаналарына кѣре болады. Аны алайлыгъын кѣп тюрлю юлгюде эслерге тюшеди. Ие жалгъау жаланда атха жалгъанып кълмайды. Ол сыфатха, санаугъа, этим-сыфатха, бир-бир этимчалагъа, этим атха да къошулады. Анга кѣре, тилде тюрлю-тюрлю къулдукъланы толтурды. Сѣз ючюн, айтымда ишни иесин белгилейди: 1) *Мени ары барлыгъым жокъду/Мен ары барлыкъ туюлма;* 2) *Хакимни жырагъанын жыйылгъанла бек жара тадыла;* 3) *Махтини ары кетиюню магъанасы уллуду.*

ОБ ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ПАДЕЖЕЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ*

В описании грамматического строя тюркских языков достигнуты большие успехи. Среди тюркологических исследований большое место занимают работы, посвященные рассмотрению морфологических категорий имени существительного. Созданы и опубликованы описательные грамматики почти всех тюркских языков, представленных в нашей стране, в которых дано систематическое описание их грамматического строя.

Однако ознакомление с имеющимися исследованиями показывает, что в тюркском языкознании многие вопросы о грамматических категориях имени и глагола решаются противоречиво и продолжают оставаться спорными. Это объясняется различными объективными причинами, а именно: сложностью самого объекта изучения, установившейся традицией, которая оказывает свое влияние на исследователей, а также недостаточным использованием результатов новых исследований, построенных на материале языков различного грамматического строя. Это мы видим и при анализе литературы, посвященной категории падежа имени существительного в тюркских языках.

Глубокое изучение грамматического строя, а также отдельных грамматических категорий имени существительного в современном карачаево-балкарском языке началось лишь в 60-е годы XX века. Несмотря на это, по-

---

*Статья написана в соавторстве с Ф. П. Эркеновой.

явилась нормативная грамматика карачаево-балкарского языка, составленная коллективом авторов, в 1966 г. – на карачаево-балкарском, а в 1976 г. – на русском языке. Вышли из печати школьные учебники, учебные пособия для студентов, ряд монографических исследований, в которых ставятся и успешно решаются актуальные вопросы грамматического строя карачаево-балкарского языка (Хабичев, 1961; Хаджилаев, 1962; Урусбиев, 1964 и др.). Среди них имеется и такая работа, как «Имя существительное в карачаево-балкарском языке», написанная А. Соттаевым (1968 г.). Здесь, как и во всех этих работах, указывается, что в карачаево-балкарском языке имя существительное имеет следующие шесть падежей: баш болуш (основной падеж), иеликчи болуш (родительный падеж), беричю болуш (дательный падеж), тамамлаучу болуш (винительный падеж), орунлаучу болуш (местный падеж) и башлаучу болуш (исходный падеж).

Проф. М. А. Хабичев, кроме этих падежей, выделяет в карачаево-балкарском языке ещё так называемый продольный падеж. Он считает, что этот падеж образуется путем присоединения к основе имени аффикса *-тын/-тин*. Ср.: *кёктюн* «по небу», *суутун* «по воде» и т.п. (Хабичев, 1967).

Однако такие слова встречаются лишь в карачаевском варианте карачаево-балкарского литературного языка. Указанным аффиксом снабжается лишь ограниченное число имен существительных, а в балкарском варианте карачаево-балкарского языка с помощью этого аффикса образуются наречия: *алайтын* «по тому месту», *былайтын* «по этому месту», *ёргетин* «поверху», *энишгетин* «понизу». По этой причине, мнение, согласно которому в карачаево-балкарском языке существует так называемый продольный падеж имени существительного, никем не разделяется.

Как отмечалось в литературе (Севортян, 1956), в современных тюркских языках состав падежных форм приблизительно одинаковый. По крайней мере, формы основного, родительного (притяжательного), дательного, винительного, местного (местно-временного) и исходного падежей имени существительного в абсолютном большинстве тюркских языков имеются.

Хотя этот вопрос ни у кого сомнения не вызывает, это не значит, что проблема падежей в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском языке, как думают отдельные исследователи, уже решена.

Исследованию падежей в тюркских языках посвящена обширная литература. Данный вопрос в грамматиках тюркских языков занимает большое место. Отдельные падежи стали в некоторых тюркских языках предметом монографического исследования, им посвящены отдельные диссертационные работы (*Джаббар заде*, 1971; *Казакбаев*, 1969; *Зарипов*, 1971; *Иноят*, 1973; *Курамбаева*, 1988 и др.). На материале ряда тюркских языков созданы фундаментальные исследования и грамматические описания, в которых дается подробное изложение типов словосочетаний, членов предложения (*Закиев*, 1963; *Джапаров*, 1964; *Сафаев*, 1968). Среди них имеются и исследования, построенные на материале карачаево-балкарского языка (*Алиев*, 1972; *Ахматов*, 1983 и др.) В этих и других работах содержатся ценные сведения о падежах, послеложных сочетаниях слов, их синтаксических функциях и семантике.

В последнее время особенно много сделано в изучении содержательной стороны русского падежа. До сих пор не утратили своего значения наблюдения и выводы как русистов А. А. Потебни, А. А. Шахматова, так и тюркологов М. З. Закиева, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Э. В. Севортяна и др.

В последние десятилетия в области изучения семантики русских падежей плодотворно работали Н. Ю. Шведова, М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова, З. Д. Попова, Е. В. Клобуков, В. А. Белашанкова и др.

В наши дни интерес к семантике синтаксических единиц несравненно возрос. В тюркском языкознании также стали появляться исследования, посвященные формально-семантическому анализу словосочетаний и предложений. Первая такая монографическая работа была создана на материале карачаево-балкарского языка. В ней на основе анализа глагольных предложений показана семантика всех падежей имени существительного и послеложных сочетаний, что имеет для нас большое значение (*Ахматов*, 1983). Выявлению и описанию моделей именных предложений в карачаево-балкарском языке также посвящено специальное исследование (*Кетенчиев*, 1993).

С углублением и расширением исследований в области семантического синтаксиса интерес к падежам и их семантике заметно возрастает. Это объясняется тем, что «падеж занимает особое место в системе категорий... имени благодаря исключительно высокой степени регулярности формальных противопоставлений

и более тесной, чем у какой бы то ни было из именных категорий, связи с формально-смысловой организацией единиц синтаксического уровня... Что касается семантики, то этот план категории падежа весьма сложен и изучение его остается актуальной задачей русской грамматики» (Клобуков, 1986: 3). Это еще в большей степени относится к тюркским, особенно младописьменным языкам, к которым принадлежит и карачаево-балкарский язык.

Как отмечено выше, анализ имеющейся литературы показывает, что при изучении падежей в тюркских, а также в других языках встречается ряд спорных вопросов. Так, например, проф. Ф. А. Ганиев отмечает, что «первые грамматики тюркских языков... написаны учеными – арабами и западноевропейскими миссионерами, которые в изучении системы падежа, естественно, исходили из схемы арабского или европейских языков. Во многих случаях то из тюркских языков, что подходило под эту схему, указывалось, а что не подходило, – отбрасывалось» (Ганиев, 1980). В результате этого, говорит автор, к падежам относились лишь те словоформы, к которым прибавляются словоизменятельные аффиксы, т.е. так называемые синтетические падежи (например: *кгозу* «ягненок», *кгозуну* «ягненка», *кгозугга* «ягненку» и т.п.), а аналитические падежи, т.е. сочетания имени с послелогами (например: *юйге дери* «до дома», *юй таба* «в направлении к дому» и т. п.) не рассматривались в качестве падежей. Такое явление характерно почти для всех тюркологических исследований. Как отмечает Ф. А. Ганиев, исключение составляют работы М. З. Закиева, который, отказавшись от догматических схем, пришел к заключению о многопадежности татарского языка. По мнению проф. Ф. А. Ганиева, количество падежей в татарском языке достигает одиннадцати» (Ганиев, 1980: 18).

Как видно из вышеизложенного, Ф. А. Ганиев вслед за М. З. Закиевым считает, что послеложные сочетания (т.е. сочетания имени с послелогами) необходимо относить к аналитическим падежам. «В татарском языке, – читаем мы у автора, – на наш взгляд, кроме синтаксических падежей, имеются также аналитические падежи. То, что до настоящего времени ни в одном из тюркских языков не выделены аналитические падежи, связано с тем, что определения категории падежа, принятые для синтетических языков, механически перенесены на аналитические тюркские языки

(Ганиев, 1980: 25). Для того, чтобы убедить читателя в правомерности своего вывода, Ф. А. Ганиев указывает, что есть такие языки, в которых падежи выражаются не только изменением формы слова или прибавлением к нему аффикса, но и с помощью служебных слов, например, предлогов и артиклей. Так, в современном французском языке у имен существительных нет падежных флексий, синтаксические отношения выражаются посредством артикля, предлогов (Мартыанова, 1964: 8). Особенно артикль, как никакое другое служебное слово, близок к морфемам, поэтому его называют «впереди стоящим окончанием» (Басманова, 1977: 13).

В тюркских и других послеложных языках послелог – это служебные слова, которые употребляются в предложении при именных частях речи и причастиях и служат для выражения таких значений, какие передаются падежными аффиксами. В исследованиях по монгольским языкам отмечается, что послелог уточняют и дополняют значения слов, за которыми они следуют в предложении; «падежные аффиксы и послелог выполняют сходную синтаксическую функцию, выражая близкие грамматические отношения между словами» (Трофимова, 1989: 6). То же самое относится и к тюркским послелогам. Например, А. М. Щербак подчеркивает, что послелог дополняют и уточняют значения, передаваемые падежными аффиксами (Щербак, 1987: 51).

Исходя из этих признаков послелогов, некоторые исследователи монгольских языков также признают наличие в этих языках аналитических падежей (Трофимова, 1989: 3–10).

Следует отметить, что в некоторых тюркских языках отдельные падежные аффиксы образовались из послелогов. Так, в казахском языке, кроме вышеуказанных шести падежей, еще выделяют творительный падеж, который «является сложившейся падежной формой, образовавшейся из послелога *менен* (*бенен*, *пенен*), который в свою очередь восходит к форманту *берлен*, *бирле*. Послелог *менен* (*бенен*, *пенен*) в ходе процесса ассимиляции сократился до форманта *мен* (*бен*, *пен*), слился с предшествующим словом и превратился таким образом в падежный аффикс, который обозначает грамматические отношения внутри словосочетания» (Современный казахский язык, 1962: 157).

По своей семантике казахский творительный падеж ничем не отличается в предложении от сочетания имени с соответствующим послелогом.

Не случайно В. И. Филоненко в карачаево-балкарском языке, кроме синтетических, выделяет еще творительный и предложный падежи, под которыми он понимает послеложные сочетания *балта бла* «топором», *жол юсюнде* «на дороге» (Филоненко 1940: 30, 31). А. М. Щербак отмечает, что аффиксы направительного падежа *-дива/- тива*, *-киди/-куду*, используемые только в тувинском языке, образовались из послелогов *таба* и *киди* (Щербак, 1977: 49). Это не единственный случай перехода послелогов в падежные аффиксы. Например, «инструментальный падеж в караимском языке развивался на основе послелога *бирлен-биле* и имеет аффикс *-ба/-бя*» (Хабичев, 1967: 111).

Ряд таких фактов в тюркских языках можно продолжить. Случаи перехода послелогов в падежные аффиксы встречаются и в других языках, а также и в монгольских (Трофимов, 1989: 5).

Все это приводит нас к мысли о том, что вряд ли можно возразить против точки зрения, согласно которой в тюркских языках наличествуют как синтетические, так и аналитические падежи. Лингвисты считают, что слова с аффиксами *-тай*, *-сыз*, *-лы*, *-даггы* также являются падежами (Ганиев, 1980: 23), однако такая точка зрения пока не нашла широкого признания. На наш взгляд, этот вопрос требует дополнительных исследований.

Следует отметить, что, рассматривая вопрос о послелогах и их функциях, тюркологи обычно говорят о том, в форме какого падежа употребляется в предложении то или иное слово, стоящее впереди послелога. В зависимости от этого в традиционной тюркологии принято считать, например, что послелоги управляют разными падежами. Этим и объясняется появление термина «послеложное управление» в тюркском языкознании. Однако, на наш взгляд, такая точка зрения является необоснованной. Дело в том, что падеж – это определенная форма слова, которая, оказываясь в предложении, выполняет функцию какого-либо его члена. Первый компонент послеложного сочетания этому требованию не отвечает, по этой причине не может рассматриваться в качестве слова, употребленного в форме того или иного падежа.

Этот факт говорит в пользу точки зрения, согласно которой послеложные сочетания слов – это аналитические падежи. Когда речь идет о таких сочетаниях, необходимо отметить, что их можно делить на две группы:

1. Послеложные сочетания, которые подчиняются в предложении глагольному сказуемому: 1) *Ала юй таба кетдиле* «Они ушли в направлении к дому»; 2) *Мазан юйге дери жаяулай барганды* «Мазан до дома шел пешком».

2. Послеложные сочетания, которые подчиняются в предложении именным членам предложения: *Мында сени тенгли жашла ишлейдиле* «Здесь работают ребята, которые являются твоими сверстниками».

Проф. И. Х. Ахматов отмечает, что некоторые послеложные сочетания встречаются как в глагольном, так и в именном словосочетании: *сени кибик адам* «такой человек, как ты», *Хасан тенгли жашла* «ребята, которые по возрасту являются такими, каким является Хасан», *Хасан тенгли ишле* «работать столько, сколько работал Хасан», *мени кибик ал* «брать так, как брал я» и т.п. (Ахматов, 1993: 92).

Как известно, такое явление характерно и синтетическим падежам. Ср.: 1) *Харун киталны Азизге бергенди* «Харун отдал книгу Азизу»; 2) *Мында Азизге игиди* «Здесь Азизу хорошо».

Сравнивая такие факты, мы приходим к выводу о том, что по этому признаку синтетические и так называемые аналитические падежи друг от друга не отличаются.

Проф. Ф. А. Ганиев полагает, что сочетания типа *Ахмат ючюн* «За Ахмата, для Ахмата», *къашыкъ бла* «ложкой» нельзя считать комбинациями именительного (основного) падежа с послелогами, ибо это особые аналитические формы косвенных падежей (Ганиев, 1979: 5).

Сравнивая аналогичные факты других языков с данными тюркских языков, автор приходит к выводу о том, что «тюркским языкам присуще как синтетическое, так и аналитическое словоизменение» (Там же). Он считает необходимым выделить в тюркских языках следующие аналитические падежи: 1) социатив (орудийно-местный падеж) *кюрек бла* «лопатой», *Мухтар бла* «с Мухтаром»; 2) дестинатив (причинно-целевой или предзназначительный падеж): *Азиз ючюн* «за Азиза, для Азиза»; 3) уподобительно-сравнительный падеж: *Ахмат кибик* «как Ахмат»; 4) изъяснительный падеж, который оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом-последелогом *турынды, хакъынды* и выражает лицо, предмет или явление, представляющее собой объект разговора, размышлений, забот; 5) местный падеж, который представляет собой сочетание имени существительного в нуле-

вой форме с послелогоми или послеложными словами: *стол юсюнде* «на столе», *стол тюбюнде* «под столом» и т.п. 6) исходный падеж, обозначающий предмет, от которого направлено действие: *стол къатындан* «от стола», *юй башындан* «с крыши дома» и т.п.; 7) направительный падеж: *стол юсюне* «на стол», *стол таба* «к столу» и др.; 8) причинный падеж, выражающий причинное отношение (Там же: 6).

Понятно, что исследование синтетического и аналитического выражения падежных отношений – актуальная проблема не только для тюркского, но и общего языкознания. Без учета аналитических средств выражения грамматических значений изучение многих языков будет неполным. Этим вызвана необходимость введения в обиход термина «аналитический падеж», вместо которого одни лингвисты используют термин «падежно-падежная конструкция», другие – термин «падежно-послеложная конструкция», третьи – термин «послеложная аналитическая конструкция».

Несмотря на терминологическую разноречивость, во всех исследованиях, посвященных изучению послеложных конструкций, признается, что послелог – это служебное слово, уточняющее имя и выражающее отношения в предложении между его членами, выраженными знаменательными словами. В этом смысле послелоги равнозначны морфологическим показателям слов. Как отмечают исследователи, послелоги в сочетании с именами существительными выражают такие отношения, которые не могут передаваться падежными аффиксами. Опираясь на этот факт, как отмечено выше, одни исследователи утверждают, что в послеложных языках наличествуют аналитические падежи имени существительного, а другие категорически отрицают это. Например, С. М. Трофимова пишет: «Мы не согласны с теми языковедами, которые говорят о наличии падежей (например, в английском языке, выражаемых сочетанием предлога с именем, то есть аналитически» (Трофимова, 1989: 68). При этом она опирается на то, что послеложная конструкция лишена такого признака как цельнооформленность: послелог сочетается со словом, тогда как функционально равнозначный ему элемент – падежный аффикс – входит в состав слова. «Морфема, обслуживая слово, по своей огласовке подчиняется основе слова, тогда как послелог, обслуживающий аналитическую конструкцию, не теряет своей фонетической самостоятельности» (Там же: 70). Однако, как нам ка-

жется, это утверждение автора является малоубедительным, потому что вспомогательные глаголы, употребляясь в составе сложных глаголов для выражения морфологических категорий, тоже сохраняют свой фонетический облик. Однако это не служит основанием для отрицания факта, что в составе сложных глаголов служебные глаголы являются показателями различных грамматических значений. Имея в виду это, Ф. А. Ганиев подчеркивает, что в грамматиках тюркских языков наличие сложных глагольных форм в настоящем времени является общепризнанным (Ганиев, 1979: 7).

Следует отметить, что в русском языкознании при традиционном «узко-морфологическом» подходе к описанию падежной системы предлог рассматривается как нечто внешнее по отношению к падежной форме, как элемент внешнего компонента, управляющего падежом; с этой точки зрения предлог должен быть отнесен к числу показателей, с определенной степенью достоверности диагностирующих данную падежную форму» (Клобуков, 1986: 16). Эта концепция оказала свое влияние и на исследования, посвященные изучению послеложных конструкций тюркских языков.

Однако в последнее время получило широкое распространение мнение, согласно которому падежное окончание слова и предлог трактуются как составные компоненты единого грамматического показателя.

Рассматривая данный вопрос, исследователи приходят к выводу, что аналитическими признаются такие сочетания раздельно-оформленных элементов, которые характеризуются: 1) грамматической неразложимостью; 2) неспособностью каждого из компонентов в отдельности вступать в самостоятельные синтаксические связи с членами предложения; 3) охватом всех слов, относящихся к именам существительным; 4) вхождением в парадигму синтетических форм имени существительного. Отсюда делается вывод о том, что «служебное слово как компонент аналитической формы признается – на равных правах со словоизменительными морфемами, образующими синтетические формы, – грамматическим средством лишь тогда, когда, формально оставаясь словом, оно функционально получает статус морфемы, и все сочетание в целом выражает то или иное грамматическое значение наряду с синтетическими средствами» (Басманова, 1977: 11).

Нетрудно заметить, что это в полной мере может быть отнесено к послелогам тюркских языков.

Перечисление спорных вопросов о падежах тюркского имени на этом не завершается. Вопрос о разграничении формально совпадающих падежей также продолжает оставаться проблематичным. Касаясь этого вопроса, проф. А. Джапаров пишет: «Наиболее запутанным и слабо выясненным вопросом в определении природы подлежащего в тюркологической литературе является вопрос о форме подлежащего. Это связано, в свою очередь, с недостаточной изученностью морфологического понятия падежных форм и с терминологической неточностью определений.

Так, в трудах ряда дореволюционных и советских ученых был выдвинут термин «основной» или «неопределенный» падеж, под которым, по существу, объединялись понятия именительного и ряда косвенных (винительного и родительного) падежей, если у последних опускались падежные аффиксы» (Джапаров, 1964: 23).

Ознакомление с имеющейся литературой показывает, что отдельные исследователи до сих пор продолжают ставить знак равенства между основным и неоформленным родительным и основным и неоформленным винительным падежами (Анжиганова, 1974: 7; Тыбыкова, 1991: 113–123).

А большинство авторов такой подход к решению данного вопроса считает неправильным и полагает, что нулевую форму имеет не только основной падеж, но и родительный и винительный падежи. Согласно их точки зрения, формально совпадающими оказываются основной, родительный и винительный падежи, имеющие нулевой показатель, а также родительный и винительный падежи, оформленные показателями *-ны/-ни*, *-ну/-ню*. В отдельных тюркских языках эти аффиксы имеют другой фонетический облик.

Как видно из вышеизложенного, в тюркском языкознании очень много спорных вопросов, связанных с выделением и разграничением падежей имени существительного, решение которых имеет большое научное и практическое значение.

Из-за ограниченности объема своего исследования мы здесь ставим перед собой цель показать на материале современного карачаево-балкарского языка общие и специфические формальные и семантические особенности формально совпадающих падежей имени существительного. В соответствии с этим, задачей настоящей работы является, во-первых, определение понятия «па-

деж имени существительного», во-вторых, разграничение формально-совпадающих падежей на основе выявления их формальных и семантических особенностей. Кроме того, здесь рассматривается круг теоретических вопросов, связанных с сочетаемостными способностями формально-совпадающих падежей, с их участием в образовании моделей простого предложения.

Все эти вопросы являются дискуссионными или мало разработанными не только в карачаево-балкарском языкознании, но и в общей тюркологии, и их решение на основе анализа фактов одного из тюркских языков с учетом достижений современной лингвистики имеет большое научное и практическое значение.

Обзор литературы, посвященной разграничению формально-совпадающих падежей, в исследованиях наших предшественников занимает большое место. Это освобождает нас от более подробного показа развития научной мысли о данном вопросе, поэтому мы перейдем к изложению своей точки зрения по этой важной проблеме.

Общезвестно, что грамматическая категория имеет две стороны: грамматическое значение и грамматическое средство, которым оно выражается. Без грамматических средств выражения нет и самого грамматического значения. Ср. предложения: 1) *Ишге кетдим* «(Я) ушел на работу»; 2) *Ишге кетдинг* «(Ты) ушел на работу»; 3) *Ишге кетди* «Ушел на работу».

Сказуемое первого предложения оформлено лично-предикативным аффиксом 1-го лица единственного числа, а сказуемое второго предложения – аффиксом 2-го лица единственного числа. Поэтому, услышав эти предложения, мы узнаем, что в первом случае на работу ушел сам говорящий, а во втором – его собеседник. Что же касается сказуемого 3-го предложения, то оно имеет нулевой показатель лица. Этот показатель выполняет две функции. Во-первых, он показывает отсутствие действующего лица (*Булатова*, 1984: 206). Этим и можно объяснить, что во всех тюркских языках главный член безличного предложения выражается именно указанной формой глагола или какой-либо именной частью речи, например: 1) *Ары былайтын озулды* «Туда можно пройти здесь»; 2) *Мында къарангыды* «Здесь темно» (*Ахматов*, 1983: 291).

Во-вторых, эту форму глагола как в карачаево-балкарском, так и в других тюркских языках, принято считать формой 3-го лица (*Покровская*, 1964: 178). Это объясняется тем, что сказуемое предложений, су-

бъект которых передается словами со значением 3-го лица, всегда имеют нулевую форму лица: 1) *Хасан заводха келеди* «Хасан приходит на завод»; 2) *Кенг талада кьгара кьойла ьрахат отлай турадыла* «На широкой равнине спокойно пасутся черные овцы».

Л. Н. Булатова пишет, что «если бы услышали *Шел в кино*, то не могли бы понять, чье действие имеется в виду: у глаголов в прошедшем времени нет грамматических средств, указывающих на действующее лицо, а значит, у него нет и самого грамматического значения лица» (Энциклопедический словарь...: 296). Такое утверждение верно в случае, когда мы рассматриваем нулевую форму слова вне контекста, вне связи ее с другими формами лица, которым она противопоставлена.

Многие лингвисты совершенно справедливо утверждают, что любая форма слова существует не отдельно, а в ряду других форм, которым она противопоставлена. Этот ряд грамматических форм выражает общее грамматическое значение, которое проявляется в противопоставлении этих форм. Выражаемое ими грамматическое значение называется грамматической категорией. Ср.:

1-е л.: *бил+ди+м* «я узнал», *бил+ди+к* «мы узнали»;
2-е л.: *бил+ди+нг* «ты узнал», *бил+ди+гиз* «вы узнали»;
3-е л.: *бил+ди+0* «он узнал», *бил+ди+ле* «они узнали».

Как видно отсюда, категория лица проявляется в противопоставлении приведенных форм глагола. Здесь 3-е лицо отмечено нулевым аффиксом, который вы является в противопоставлении нулевым морфемам 1-го и 2-го лица и наряду с ними входит в состав слова (Топоркова, 1983: 3, 4).

Л. Н. Булатова пишет: «Чтобы нагляднее представить себе, как может отсутствие знака (в данном случае окончания) что-нибудь выражать, можно обратиться к световой сигнализации. Сравним устройство сигнализации светофора и лифта. И светофор, и лампочка лифта передают два противоположных значения. Светофор сигнализирует: «Путь свободен» или «Путь закрыт», а лампочка лифта: «Лифт свободен» или «Лифт занят». Но у светофора для каждого значения имеется свой световой сигнал (зеленый или красный), а лампочка лифта вспыхивает только одним светом (красным), который означает, что лифт занят. А о том, что лифт свободен, мы узнаем по отсутствию света.

Так же и в языке: отсутствие окончания может вы-

ражать определенное значение по контрасту с окончаниями других форм слова» (Булатова, 1984: 192). К такому же выводу приходят Т. М. Гарипов и Л. Н. Вильданова, рассматривая вопрос о нулевых формах падежей современного башкирского языка (Вильданова, Гарипов, 1988). Правильность такого вывода подтверждается фактами языков различного грамматического строя и, на наш взгляд, ни у кого не может вызывать сомнения. Однако в современном карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, падежная система имени характеризуется тем, что в ней нулевой формой слова выражаются различные синтаксические функции и семантические компоненты предложения. То же самое относится к компонентам предложения, которые оформляются аффиксами *-ны/-ни*.

При разграничении словоформ и установлении их статуса студенты и учителя испытывают большие затруднения. Ими допускаются ошибки как при выделении падежей склоняемых слов, так и при синтаксическом разборе предложения. Нет единого мнения при разграничении формально совпадающих падежей и среди авторов научных исследований. Особенно большие споры продолжают вызывать вопросы, связанные с выделением падежей, не имеющих материально выраженных аффиксов. Об этих спорах подробнее будет сказано ниже.

В грамматиках многих тюркских языков утверждается, что родительный и винительный падежи в определенных случаях употребляются без материально выраженного аффикса, то есть формально совпадают с основным падежом. Однако некоторые исследователи не разделяют такую точку зрения. По их мнению, например, винительный падеж всегда бывает оформленным специальным аффиксом, а та нулевая форма имени существительного, которая, имея нулевую форму в предложении, выполняет функцию прямого дополнения, представляет собой основной падеж (Тыбыкова, 1991: 123; Прик, 1976: 75–78).

На наш взгляд, с такой точкой зрения нельзя согласиться. Дело в том, что при изучении языковых явлений учет их формы, конечно же, очень необходим. Но вместе с тем важно помнить, что одно и то же грамматическое значение может быть выражено различными формами, точно так же, как в роли выразителя различных грамматических значений может выступать одна и та же форма, в том числе и нулевая. Это будет зави-

сеть от различных факторов. Например, М. В. Панов пишет, что в русском языке вместо формы «граммов», «килограммов» (родительного падежа множественного числа) в бытовой речи часто употребляется – в роли этого падежа – форма без «ов»: *триста грамм сыра, пять килограмм картошки...* Разница как будто небольшая сказать «граммов» или «грамм». Но заметьте: «граммов» – сама форма говорит, что это родительный падеж множественного числа. «Грамм» – это форма именительного падежа и родительного падежа множественного числа. Различить их можно только в предложении. Следовательно, точное указание на падеж перелагается с «плеч» слова на «плечи» предложения (Панов, 1984: 26).

Правильность этого утверждения достаточно убедительно подтверждается фактами карачаево-балкарского и других тюркских языков (см., например, указ. работу Н. Г. Вильдановой и Т. М. Гарипова).

Все падежи имени существительного в карачаево-балкарском языке полифункциональны. Например, основной падеж, не имеющий формально выраженного аффикса, выполняет следующие основные синтаксические и семантические функции:

а) В тех случаях, когда вступает в предикативную связь со сказуемым предложения, выполняет функцию подлежащего. Такое подлежащее служит для выражения субъекта предложения. Исключения составляют лишь предложения, в которых сказуемое выражено глаголом страдательного залога, где подлежащим выражается объект действия. Ср.: 1) *Тюкенчи китапла сатады* «Продавец продает книги»; 2) *Тюкенде китапла сатыладыла* «В магазине продаются книги».

Подлежащее и сказуемое являются взаимозависимыми компонентами предложения. В большинстве случаев они согласуются друг с другом. Исключения из этого правила бывают редкими: 1) *Ол менме*; 2) *Раузат Акгайлары кызларыды*.

б) Выступая перед именными членами предложения, выполняет функцию определения, которое, в зависимости от характера лексического наполнения, обладает семантическим многообразием: *Мен тюкенден алтын саггат алдым* «Я купил в магазине золотые часы».

в) Замещая позицию сказуемого, выступает в его роли. В данном случае является выразителем предиката: *Аслан устазды* «Аслан является учителем».

Слово в основном падеже вступает во взаимную связь как с глагольным, так и с именным сказуемым, выраженным любым лексико-семантическим типом слова. Что же касается нулевой формы винительного падежа, то она всегда относится к сказуемому, выраженному лишь переходными глаголами, и связывается с ним путем примыкания. Она выполняет лишь функцию прямого дополнения. Такое дополнение служит, как правило, для выражения неопределенного объекта: *Фаризат китап окъуйду* «Фаризат читает (какую-то) книгу».

Слово в форме основного падежа часто выступает в роли субъекта-каузатора: *Фаризат сени къуандырды* «Фаризат обрадовала тебя».

А нулевая форма винительного падежа такой возможности лишена. Ср. предложения: 1) *Анда къойла, эчкиле отлайдыла* «Там пасутся овцы и козы»; 2) *Анда Аслан къой кютеди* «Там Аслан пасет овец».

В первом из этих примеров в нулевой форме употреблены слова *къойла* «овцы» и *эчкиле* «козы», которые выражают значение субъектов, выраженных однородными подлежащими. Во втором предложении тоже имеются два слова, употребленные в нулевой форме. Первое из них (*Аслан*) стоит в основном падеже и выполняет функцию подлежащего, которым выражается субъект действия. А второе из указанных слов (*къой*) стоит в винительном падеже, выполняет функцию дополнения, которым передается объект действия. Сравнивая такие факты, мы убеждаемся в правомерности вывода исследователей о том, что в одном и том же предложении один и тот же падеж не может занимать одновременно две позиции – субъекта и объекта. Если в позиции субъекта – явный основной падеж, то в позиции прямого объекта при финитном глаголе никакой другой падеж, кроме винительного с нулевым аффиксом, выступать не может (*Вильданова, Гарипов, 1988: 39–41*). Все, кто не признает этого, допускают, что во втором из приведенных предложений слова – в основном падеже (*Аслан, къой*). Если бы эти слова действительно стояли в форме основного падежа, то они оба как словоформы, занимающие в предложении одну и ту же синтаксическую позицию, выполняли бы функцию подлежащего. И тогда сказуемое разбираемого предложения стояло бы во множественном числе, однако этого не происходит: первое из указанных слов занимает позицию субъекта, а второе – позицию объек-

та. Все это говорит о необходимости признания факта, что в тюркских языках слова в винительном падеже выступают в нулевой и аффиксальной формах.

Нулевая форма родительного падежа тоже отличается от подобных форм основного и винительного падежей: 1) по занимаемой в предложении синтаксической позиции, 2) по сочетаемости, 3) по выражаемой ею синтаксической функции, 4) по передаваемому ею значению.

Нельзя думать, что омонимичные окончания имеют слова только в тюркских языках. Например, в русском языке слова так называемого третьего склонения в родительном, дательном и предложном падежах единственного числа, а также в именительном и винительном падежах множественного числа оканчиваются на *-и*: нет *степи*, *подойти к степи*, *подумать о степи*, *виднеются степи*, *вижу степи*.

Вне контекста невозможно установить форму какого падежа и числа представляет собой словоформа «степи». Точно так же нельзя выяснить для себя, формой какого падежа является, например, словоформа *кюйну*, взятая вне контекста. Но ср.: 1) *Мен кюйну кёреме* «Я вижу овцу»; 2) *Мен кюйну жүнүн санга береме* «Я отдаю шерсть (этой) овцы тебе».

В первом из этих предложений рассматриваемая словоформа относится к личной форме переходного глагола и служит для выражения определенного объекта. Это ее основная функция. В тех случаях, когда позиция сказуемого предложения замещается глаголом движения, она выражает значение маршрута движения: *Атлыла жолну оздула* «Всадники проехали по дороге».

Во втором же из приведенных примеров словоформа *кюйну* вступает в синтаксическую связь с именем существительным, что отличает ее от всех других косвенных падежей, употребляющихся в сочетании с глаголом. Слово *кюйну* здесь представляет собой родительный падеж, оформленный аффиксом *-ну*, поэтому оно выполняет функцию притяжательного определения. Слово, к которому относится это определение (*жүн+ю*), обычно оформляется притяжательным аффиксом. Этот аффикс может опускаться в тех случаях, когда притяжательное определение выражено падежной формой личных местоимений множественного числа: *бизни юй* «наш дом», *сизни юй* «ваш дом», *аланы юй* «их дом».

Передки случаи, когда имя в родительном падеже употребляется в сочетании с именем действия или с

причастием. В таких случаях оно выступает в предложении в роли субъекта действия: *аны жырлауу* «его пение», *сени жырлаганың* «твое пение».

Во фразеологизированных предложениях родительный падеж также участвует для выражения субъекта: *Мени жаным кетди* «Я перепугался».

Весь приведенный материал показывает, что омонимичными бывают как нулевые, так и ненулевые формы слов. Их падеж определяется формой, характером сочетающихся с ними слов, а также выражаемыми семантическими функциями как самих этих омонимичных форм, так и сочетающихся с ними лексем.

Исходя из вышеизложенного, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой в карачаево-балкарском языке наличествуют как синтетические, так и аналитические падежи; нулевыми формами имени существительного представлены формально совпадающие основной, родительный и винительный неоформленные падежи. Формально совпадающими являются также и родительный, и винительный оформленные падежи.

ТЮРК ТИЛЛЕДЕ АЛМАШЛА

Бирси тилледеча, тюрк тилледе алмашла кеслерини маъаналарына, морфология шартларына эм синтаксис къулдукларына кёре кёп тюрлюкедиле. Аны себепли аланы къауумлау, сюзюу къыйын ишди. Аны алайлыгъын тюрк эм башха тиллени грамматикалары, вузлагъа, орта школагъа жораланган дерсликле да кёргозтедиле. Аланы асламысында алмашла быллай къауумлагъа юлешинедиле: 1) бетлеучю алмашла, 2) кесимлеучю алмашла, 3) кёргозтюучю алмашла, 4) соруучю алмашла, 5) белгилеучю алмашла (определительные местоимения), 6) белгисиз алмашла, 7) угъайлаучю алмашла (Грамматика ногайского языка. Ч. 1., 1973; А. Ж. Будаев эм башхала. Малкъар тил. 6–7 кл. дерс китап. Нальчик, 1993).

Бир-бир авторла тюрк тилледе алмашланы андан эсе аз, башхалары уа андан эсе кёп къауумгъа юлешедиле. Сёз ючюн, О. Я. Прик къаранм тилни алмашларын быллай къауумлагъа юлешеди: 1) бетлеучю алмашла, 2) кёргозтюучю алмашла, 3) соруучю алмашла, 4) белгилеучю алмашла, 5) белгисиз алмашла, 6) иеликчи алмашла (Прик, 1976: 96–108). «Грамматика киргизского литературного языка» (Фрунзе, 1987) деген китапда да

алмашла алты кѣауумгѣа юлешинедиле, алай аланы араларында «иелички алмашла» деген кѣауум жокѣду. Казах лингвистле кеси тиллериндеги алмашланы сегиз кѣауумгѣа юлешедиле (Современный казахский язык, 1962: 227–237). Академик Б.А. Серебренников бла Н. З. Гаджиева да тюрк тилдеде алмашланы тамам аллай бир кѣауумгѣа юлешедиле. Алмашланы тинте туруп, алимлени оюмлары терминлени хайырланыуда да бир бири бла келишмейдиле.

Быллай чойреликле иш асыры кѣыйындан туугъандыла. Аны алай кѣыйын этген а неди? Алмаш сѣзде кеслерини баш шартларына кѣре бир бирге ушамайдыла. Кеслери да кѣп тюрлюле боладыла. Тюрк тиллени алмаш сѣзлерин тилни бирси кесеклеринден айыра туруп, алимле ол тиллени энчиликлерине угъай, кѣбюсюнде орус тилни шартларына таянадыла. Башда кѣргюзтюлген кемчиликлени бу затла туудурадыла. Белгилисича, тилни кесеклерин бир бирден аланы магъаналарына, морфология шартларына, айтымда кѣуллукъларына кѣре айырадыла. Алмашла, ол шартлагъа кѣре, тилни бирси кесеклерине кирген сѣзлеча, бир топха кирмейдиле. Бир талай кѣауум кѣурайдыла. Ол затны эсе алып, бир-бир алимле «алмашла тилни энчи кесегин кѣурайдыла» деген оюмну терсте санайдыла (Васманова, 1977: 4–6). Алмашланы магъаналары жалаанда контексте белгиле болады. Аланы бир кѣауумлары атланы, экинчилери сыфатланы, ючюнчюлери санауаны, тѣртюнчюлери уа сѣзлеулени алмашындырадыла. Анга кѣре, алагъа «алмаш атла», «алмаш сыфатла», «алмаш санаула», «алмаш сѣзлеуле» деген алимле бардыла (Современный русский язык, 1981: 302–307).

Быллай терминлеге таянып, алмашланы бу кѣауумларын атлагъа, сыфатлагъа, санаулагъа, сѣзлеулеге кѣошуп кѣойсанг, кертиси бла да тилни алмаш деген кесеги болмай кѣальыр эди. Алай тюркологланы араларында алай этген алим жокѣду. Тюрк тиллени грамматикаларыны хар биринде алмашлагъа жораланнган бѣлюм барды.

Ол ишлени барысында да алмашла, башда кѣргюзтюлгенича, талай кѣауумгѣа юлешинедиле. Алай ол юлешиню тюзге санамагъанла да тюбейдиле. Биз да ала жанлы болургъа дейбиз. Нек? «Бетлеучю алмашла», «соруучу алмашла», «кѣргюзтюучю алмашла» дегенлени эм башха кѣауумланы айыра туруп, алимле алмашланы магъаналарына кѣарайдыла, бегитиучю, айгъакѣлаучу алмашлагъа кѣарай туруб' а, ала эслерин алмашланы синтаксис кѣуллукъларына бурадыла.

Алмашланы тюз кѣауумлар ючюн, аланы бу шартларына эс бурургъа керекди: 1) алмашланы барысыны да магъаналары жалаңда контекстде белгили болады; 2) ала тилни ат кесеклерине кирген сѣзлени алмашындырадыла.

Бу шартларыны экинчисине кѣре, алмашланы быллай тѣрт топха юлеширге болады:

1. **Атланы алмашындырычу алмашла:** а) бетлеучю алмашла: *мен, сен, ол, биз, сиз, ала*; б) кесимлеучю алмашла: *кесим, кесинг, кеси, ѣзюм, ѣзюнг, ѣзю; кесибиз, кесигиз, кеслери; ѣзюбюз, ѣзюбюз, ѣзлери*; в) соруучю алмашла: *ким, не, кимле, неле*; г) белгисиз алмашла: *ким эсе да бир, не эсе да бир, не зат эсе да д.б.*; д) угъайлаучю алмашла: *ким да, не да, жукъ да, зат да, киши да д.б.*

2. **Сыфатланы алмашындырычу алмашла:** а) кѣргюзтюучю алмашла: *бу, ол, быллай, аллай*; б) белгилеучю (ачыкълаучю) алмашла: *хар, хар бир, битену, башха, бирси, биягъы д.б.* в) соруучю алмашла: *кѣайсы, кѣаллай*; г) белгисиз алмашла: *кѣаллай эсе да бир, кѣайсы эсе да бир д.б.*

3. **Санауланы алмашындырычу алмашла:** а) соруучю алмашла: *ненча, кѣаллай бир*; б) белгисиз алмашла: *ненча эсе да, бир ненча, бир талай*; в) кѣргюзтюучю алмашла: *анча, аллай бир г)* санчы сѣзле: *кѣп, аз.*

4. **Сѣзлеулени алмашындырычу алмашла:** а) кѣргюзтюучю алмашла: *былай, алай*; б) соруучю алмашла: *кѣалай, кѣачан, некд.б. (Рассадин, 1978: 254–257).*

Бир-бир алимле алмашланы быллай кѣауумлагъа юлешедиле. Аланы хар бирине кирген сѣзле да магъана жаны бла бир ненчашар кѣауум боладыла. Аланы, айтымда кѣаллай синтаксис кѣулдукъну толтура эсе ле да, ол бирикдиреди.

I. АТЛАНЫ АЛМАШЫНДЫРЫЧУ АЛМАШЛА

Была айтымда атланы алмашындырып журюйдюле. Аны себепли былагъа алмаш атла дерге болады, нек десегиз быланы атлагъа ушатхан шартлары бардыла. Аланы ол шартлары быладыла:

1) атлача, затланы кѣргюзтедиле: а) *Мен жазбаймын ѣленгди* (къаз.) – «Мен жазмайма назмуну»; б) *Аны кѣой да, мен ѣзюм де кетеек эдим, эгер кѣарт болмагъан болсам* (ногъ.) – «Ол угъай, мен кесим да кетер эдим, кѣарт болмасам»;

2) атлача, болушлада тюрленедиле: а) *Мен алдайман кеси де тап ѣзимдей* (ногъ.) – «Мен сени да кеси-

мича алдайма»; б) *Буны айтыугъа сиздин къалай аузынгыз баргъанын биле алмай турмын* (къаз.) – «Муну айтыргъа сизни ауузугъузгъа къалай келгенин билалмай турама»;

3) атлагъача, алагъа -ча, -сыз деген жалгъаула къошулургъа боладыла: *сен – сенсиз, сенича; кесим – кесимсиз, кесимча; бирле – бирлесиз, бирлеча; ким – кимсиз, кимча* д.б.;

4) атлагъача, аланы бир-бирлерине гитчелендириучю, эркелендириучю жалгъау къошулургъа болады: *мен – менчик, сен – сенчик, ол – олчук/очукъ; ким – кимчик, не – нечик*;

5) атланыча, аланы да сан формалары болургъа боладыла: *мен – биз, сен – сиз, ол – ала, кесим – кесибиз, кесинг – кесигиз, ёзюм – ёзюбюз, не эсе да, не ле эселе да, биреу – бирле* д.б.;

6) атланы ызларындан келгенча, бу алмашланы бир къауумларыны ызларындан да сонгурала келирге боладыла: *Махмут сени таба озду*.

7) атлагъача, алагъа -дагъы/-деги жалгъау къошулургъа, алай бла сыфатла къуралыргъа боладыла: *Мендеги китапны окъу*.

Бу шартланы барысы да ат алмашланы атлагъа ушатадыла. Болсада, ат алмашланы бла атланы араларында башхалыкъла да бардыла. Атла затланы атларын кёргюзтедиле. Атла кёргюзтген затла магъана жаны бла эки къауумгъа юлешинедиле: а) белгили магъаналы атла: *таш, агъач, бёрю, къоян*; б) абстракт магъаналы атла: *терклик, игилик, акъыллылыкъ*. Контекстен тышында алсанг, алмашла нелени кёргюзгендерин билмейсе. Ала кимни, нени белгилегендерин, къаллай атланы алмашындыргъанларын жалаңда контексте ангылайса. Ала ачыкъ эм абстракт магъаналы атланы угъай, айтымланы да алмашындырадыла: 1) *Ким иги окъуса да, бизде аны сыйлайдыла*; 2) *Сен иги окъуйса, мен аны билеме*.

Белгилисича, атны белгилилик/белгисизлик категориясы болады. Алмашланы юсюнден айтханда, аллай категория белгиленмейди. Алмаш атла, атлача, айтымда башчыны, хапарчыны, толтуруучуну, айгъакълаучуну къууллугъунда келирге боладыла: 1) *Мен жылкычымын* (къыргъ.) – «Мен жылкычыма»; 2) *Жылкычы менмин* (къыргъ.) – «Жылкычы менме»; 3) *Мен жыналыста сёз сёйледим* (къаз.) – «Мен жыйылыуда селешдим»; 4) *Сизни мен энди таныйма*; 5) *Онынг къолынан китап тюсейтин болды* (къаз.) – «Аны

кӱолундан китап тӱшмейди»; 6) *Сиз менен биздин пикирибиз келише албады* (къыргъ.) – «Сизни бла бизни оюмубуз келишалмады».

Болсада, ат алмашланы бла атланы синтаксис къулдукъларыны араларында башхалыкъла эсленедиле. Белгилисича, бир-бир атла, айтымда баш болушда атланы алларында келип, айгъакълаучуну къуллугъун толтурадыла: 1) *Тюкенде алтын сагатла сатыладыла*; 2) *Алайда агъач кӱпюр ишленеди*.

Алмаш атла аллай синтаксис къуллукъну толтуралмайдыла. Атны аллында ноль формада келип, айгъакълаучуну къуллугъун толтуруп, жалаңда жангызлыкъ сандагъы *ӕз, кеси* деген сӕэле жюрюйдӱле: 1) *Ӓз адамларыбыз келдиле*; 2) *Биз кеси ишибизни билебиз*; 3) *Мени санга айтырыкъ ӕз сӕюзӱм барды*. Тюрк тилдедеги алмаш атла ол тиллени жууукъдукъларын ачыкъ кӱргюзтедиле.

1. Бетлеучю алмашла

Башда келтирилген юлгӱле кӱргюзтгенлерича, тюрк тилдеде бетлеучю алмашланы къуллукъларында бирча сӕэле жюрюйдӱле. Кӱбюсюнде ала эм аланы формалары бир бирден жалаңда фонетика жаны бла башхалдыла. Магъана жаны бла эмда синтаксис къуллукъларына кӱре уа, аланы араларында башхалыкъ хазна эсленмейди.

Биринчи бетни жангызлыкъ сандагъы алмашы быллай формалада жюрюйдӱ: а) къарачай-малкъар, къыргъыз, алтай, къазах, къаракъалпакъ, къумукъ, тува, тюркмен, ногъай, шор, юзбек тилдеде – *мен*; б) татар, башкир, якут, хакас тилдеде – *мин*; в) тюрк эм гагаууз тилдеде – *бең*; г) чуваш тилдеде – *эне* (*ӕбе*). Ол бетни кӱплюк сандагъы алмашы уа быллай формалада тӱбейди: хакас, шор тилдеде – *нис*, алтай, тува тилдеде – *бис*, татар тилдеде – *без*, тюрк тиллени асламысында – *биз*, якут тилдеде – *бихиги*.

Была, ушакъ баргъанда, кимле сӕлеше ӕселе да, аланы кӱргюзтедиле: 1) *Мен сени эртте таныгъанма*; 2) *Биз мамырлыкъны сӱебиз*.

Ӓкинчи бетни жангызлыкъ сандагъы алмашы тюрк тиллени кӱбюсюнде – *сен*, якут тилдеде – *эн*, татар эм хакас тилдеде – *син*, чуваш тилдеде – *ӕсе*, башкир тилдеде – *һин* деген формалада жюрюйдӱ. Ол бетни кӱплюк сандагъы алмашы уа кӱбюсюнде *сиз, сӕз* деген формалада жюрюйдӱ. Къыргъыз, шор, алтай, тува тилдеде – *силер*, хакас тилдеде – *сирер/сӕрер*, чуваш тилдеде – *ӕсир* (*ӕзир*), якут тилдеде – *ӕниги* деген формалада келеди.

Бу алмашла ушакъгъа къатышханланы арасында сёлеше тургъан адамны сёз негерин кёрюзтедиле: 1) *«Сен мени тамаша къылып жатасынг-го (къыргъ.) – «Сен мени бла ойнагъан этесе»; 2) Сиз къайсы райондон болосуз? (къыргъ.) – «Сиз къайсы райондан боласыз?»*

Мен, сен, биз, сиз деген алмашла айтымда адамны белгилеген сёзлени алмашындырадыла. Башхача айтсакъ, 1-чи бетни кёрюзтедиле.

Ол, ала деген алмашла уа 3-чю бетни кёрюзтедиле эм айтымда адамны эм башха затланы белгилеген сёзлени, башха сёзлени да алмашындырадыла: 1) *Мажит инженерди. Ол бизни заводда ишлейди. Ишчиле аны бек жаратадыла. Ала андан кеп тюрлю устакълагъа юренгендиле; 2) Бизни завод алчыды. Ол планын артыгъы бла толтургъанды.*

Была тюрк тилледе быллай формалада келедиле: *ол, о, ал, ул, у, вал; ала, алар, олар, оlor, онлар, улар, ылар, онар, аннар.*

2. Кесимлеучю алмашла

Тюрк тилледе кесимлеучю алмашланы къуллукъларында жюрюген сёзлени эки къауумгъа юлеширге боллукъду: 1) *ёз* деген сёзге иеликчи жалгъаула къошулуп къуралгъан алмашла: *ёзюм, ёзюнг, ёзю; ёзюбюз, ёзюгюз, ёзлери; 2) кесим, кесинг, кеси, кесибиз, кесигиз, кеслери; 3) тофалар тилде тюбегенле: болум биле «кесим», бодунг биле «кесинг», боду биле «кеси», бодубус биле «кесибиз», бодынгар биле «кесигиз», бот тары биле «кеслери» (Рассадин, 1978: 256, 257).*

Бу алмашла, атлача, болушлада тюрленедиле, къайсы болушлада келгенлерине, айтымны къайсы члени бла байланганларына, къалай байланганларына кере, айтымда быллай синтаксис къуллукъланы толтурадыла:

1) Башчыла боладыла: а) *Ары кесим барлыкъма;* б) *Махайны кесинг да таныйса;* в) *Мен ёзюм бардым (къаз.); г) Бу сагъа (къыргъ.) – «Бу сангады».*

2) Хапарчыла боладыла: *Ары барлыкъла кесигизсиз.*

3) Иеликчи болушда келселе, айгъакълаучула боладыла: а) *Бери кесибизни адамларыбыз келликдиле;* б) *Кесибизни ишибизни биз кесибиз иги билебиз.* Бир-бирде кесимлеучю алмашла бетлеучю алмашла бла бирге келедиле, ала бла бирге айтымда бир членни къуллугъун толтуруп жюрюйдюле.

4) *Ёз* деген сёзча, *кеси* деген алмаш да атны аллында

келсе, айгъакълаучуну къуллугъун толтурады: *Бери кеси адамыбыз келликди*. 1-чи, 2-чи бетлени кёрюзтген кесимлеучю алмашла аллай къуллукъда жюриомейдиле.

б) Сёдегей болушлада келселе, кесимлеучю алмашла толтуруучуну къуллугъун тамамлайдыла: а) «*Апрельдинг арыгъы шыккъанша, олардынг эт таслаганы тохтамас*», – *деди ёзю сёзюне Умар* (ногъ.) – «Ач апрель озгъунчу, аланы арыкъ болуулары тохтамаз», – *деди Омар кеси кесине*; б) *Биз школда аны кесин кёрлюкбюз*.

Атлагъача, кесимлеучю алмашлагъа да -ча (бирси тюрк тилледе *-дай/-дей*) деген жалгъау къошулургъа болады: *Ёзюмдей* (къыргъ.) – «менича», *сиздей* – «сизнича». Ол кезиуде бу алмашла айтымда хапарчы, толтуруучу, бolum болургъа боладыла: *Сиз да кесимчаласыз*.

Бир-бирде ала айгъакълаучуну къуллугъун да толтурадыла: *Сенича жашла мал ёсдюредиле, юйле шилейдиле*. *Кесим, кесинг, кеси, кесибиз, кесигиз, кеслери* деген алмашла *кес* деген сёзден иеликчи жалгъаулары болушлукълары бла къуралгъандыла. Аны себепли алагъа, атлагъача, иеликчи жалгъаула къошулмайдыла. Акад. Б. А. Серебренников бла Н. З. Гаджиева жазгъаннга кёре, *кес* деген сёзюне этимологиясы алыкъа ачыкъланмагъанды. *Ёзюм, ёзюнг, ёзю* дегенле уа иеликчи жалгъауны болушлугъу бла *ёз* деген сёзден къуралгъандыла. Ол сёз а, башда атлары айтылгъан алимлени оюмларына кёре, *ичи, ёзеги* деген магъанада жюриогенди. Шор, хакас, тува, алтай, башда айтылгъаныча, тофалар тилледе кесимлеучю алмашла *боз* деген бурунгу сёзден къуралгъандыла. Бу сёз алгъын «адамны чархы, саны» деген магъанада жюриогенди.

Алайды да, бу тилледе *кесим* дегенни орунуна была жюриюдюле: *позым* (шор), *позым* (хак.), *бодум* (тува), *бойым* (алт.), *бодум* (тоф.).

Якут тилде *бэйэ* деген сёз «адамны саны, чархы» деген магъанада жюриюдю. Кесимлеучю алмашла ол тилде бу сёзледен иеликчи жалгъаулары болушлукълары бла къуралгъандыла: *бэйэм* «кеси», *бэйэнг* «кесинг», *бэйэтэ* «кеси».

3. Соруучу алмашла

Тюрк тилледе атланы алмашындырыучу соруучу алмашланы бу тизмеде кёрюрге боллукъду:

№	Тилге	Аг дивытмешыньдьрмь аймагш
1	Азербайжан тил	кѳм/не
2	Алтай тил	кѳм, не, немѳ«не»
3	Башкир тил	кѳм, ни, немѳ«не»
4	Грузин тил	кѳм/не
5	Къарак тил	кѳм/не, немѳ«не»
6	Къарым тил	кѳм/не
7	Къаркшаткъ тил	кѳм(кѳм, не
8	Къарнай-маккар тил	кѳм/не
9	Къытъяв тил	кѳм/эмѳ«не»
10	Къырым-татар тил	кѳм/не
11	Къумыкъ тил	кѳм/не
12	Ногтай тил	кѳм(кѳм, не
13	Татар тил	кѳм, не, нерѳ«не»
14	Тыва тил	кѳм/ч' «не»
15	Тюрк тил	кѳм/не
16	Тюркмент тил	кѳм/не, немѳ«не»
17	Уйгур тил	кѳм(ч'а, немѳ«не»
18	Хакъс тил	кѳм/немѳ«не»
19	Чуваш тил	кѳм, менѳ«не», мек/нерѳ«не»
20	Шер тил	кѳм, нѳ«не»
21	Юбек тил	кѳм/ш'а/ч' «не»
22	Якут тил	кѳм/т'ах «не»

Бу тизме кѳргюзтгенге кѳре, атланы алмашындырыучу соруучу алмашла тюрк тиллени асламысында бирчаладыла. Ала бир бирден жалаанда фонетика жаны бла башхадыла. *Ким* деген алмаш бу тиллени бир-бирлеринде *кѳм*, *кам* деген формалада, *не* деген а *ни*, *ноо* деген формалада жюриюдо. *Не* дегенни орунуна бир-бир тюрк тилдеде *немѳ(немене)*, *нерѳе*, *чу*, *туох*, *мескер* деген сѳзле тѳбейдиле. Алай аллай тилле адыла.

Кѳслерини маъаналарына, тилде кѳуллукъларына кѳре уа, бу алмаш сѳзле бир бирден башха тѳйюлдѳле. Ала соруучу айтым кѳурар ючюн хайырланыладыла. Атлача, айтымда тюрлю-тюрлю болушлада келедиле. Анга кѳре, ала айтымны башчысы, толтуруучусу, айгъакълаучусу болгъан сѳзлени (атланы эм аланы орунларында жюриюген сѳзлени) «сорадыла»: 1) – *Кѳошха ким барады?* – *Аслан барады*; 2) – *Ол андан не келтиреди?* – *Жау, бишлакъ, эт келтиреди*; 3) – *Аслан кѳошда кимни кѳйларына багдады?* – *Эллилени кѳйларына*.

Бу алмашла болушлада тюрлениу бла чекленмейдиле. Алагъа кѳплукъ санны жалгъауу эм не жалгъауу

к'ошулург'а боладыла: 1) *Сени бла бирге кимле шлейдиле?* 2) *Мында сени нег к'алг'анды?*

Бу алмашла, бойсунган к'ош айтымда келселе, кеслерини соруу маг'аналарын тас этедиле эм ол к'ош айтымны кесеклерин бир бирге байлар ючюн хайырланыладыла: 1) *Ким иги ишлесе да, махтауну ол алыр;* 2) *Санга не керек эсе да, бизге да ол керекди.*

Айтымда быллай хайырланылг'ан соруучу алмашлаг'а байлам сёзле дейдиле. Байлам сёзле тюрк тилени барысында да, аланы к'арындашлык'ларын билдире, к'еп тубейдиле.

4. Белгисиз алмашла

Атланы алмашындырыучу белгисиз алмашланы к'уулук'ларын тюрк тилдеде быллай сёзле бла сёз бирлешле толтурадыла: *биреу* (к'ь.-малк'ь., к'ьаз.), *бирле*, *ким эсе да*, *не эсе да*, *бир зат* (к'ь.-малк'ь.); *бирдеме*, *бирденге*, *бирденге* «не эсе да» (к'ьаз.), *биреу-миреу* «ким эсе да» (к'ьаз.), *ким исе* (кимсе), *не исе* (аз.); *кимдир* «ким эсе да», *бир нерсе* «бир зат» (уйг'ь.); *кимдир бирёё* «ким эсе да», *бир нерсе*, *бир деме/бир неме* «не эсе да» (к'ьырг'ь.); *ким ди* «ким эсе да», *не ди* «не эсе да» (ног'ь.); *элле кем/кемдер* «ким эсе да», *элле нерсе/нерседер* «не эсе да» (тат.) д.б.

Быллай шартланы тенгleshдирсенг, бурунгу тюрк тилдеде белгисиз алмашла болмаг'анларын к'ересе. Бусаг'атдаг'ы тилдеде аллай алмашлаг'а саналып, грамматикалада эм башха илму ишледе келтирилген сёзлени бла сёз бирлешлени к'уралыулары быллайдыла:

1) *бир* деген сёзге *-еу* неда *-ла/-ле* жалг'ау к'ошулуп: *биреу, бирле* (тув., к'ь.-малк'ь.). *Бир-бирле* деген сёз да алмашланы бу к'яауумуна киреди:

2) *дыр/ди* деген жалг'ауну болушлуг'у бла к'уралг'ан сёзле. Ала к'ьырг'ьыз, к'ьырым-татар, башкир, татар тилдеде тубейдиле;

3) ног'ай тилде белгисиз алмашла соруучу сёзлеге *ди* деген кесекчик к'ошулуп к'ураладыла;

4) Сибирьде бла Алтайда аллай к'уулук'к'ну *-да/-де* деген кесекчик тамамлайды: *ким де* «ким эсе да», *не-де* «не эсе да» (алт.), *кем-да, но-до* «не эсе да», *нине-де* «не эсе да» (шор);

5) бир-бир тюрк тилдеде белгисиз алмашла *эсе да*, *исе* деген кесекчиклени болушлук'лары бла к'ураладыла: *ким эсе да*, *ни эсе* «не эсе да», *ким исе* «ким эсе

да» (аз.); *ким се* «ким эсе да»; *кимес* «ким эсе да» (къар.); *кимса* «ким эсе да» (гаг.); *эсе, исе* дегенле *э* деген сёз­ню шарт туруш формаларыдыла. Бу э­тим бусагъатдагъы тил­леде ишни кёр­гюзтмейди, аны се­бебли анга кесек­чикди дейди­ле;

б) бир-бир тюрк тил­леде *кими, кимиси* «ким эсе да», *бири, бириси* «ким эсе да, аланы бири» деген ал­маш сёз­ле да тюр­бейди­ле;

7) был­лай ал­маш­ланы бир-бир­лери эки не­да андан да аслам сёз­ден кюралгъандыла: *бир зат* (къ.-малкъ., ногъ.), *ким эсе да бир; бир ким* «ким эсе да» (ногъ., къ.-къ.).

Айтымда ат къал­лай син­так­сис кюр­лукъ­ланы тол­тура эсе да, ат­ланы ал­машын­дырычу ал­маш сёз­ле да ол кюр­лукъ­ланы тол­турадыла: 1) *Кемнердер урам ар­кылы чабып уздылар* (тат.) – «Ким­ле эсе­ле да, ча­бып, орамны бир жа­нын­дан би­рси жа­нына оздула; 2) *«Минск», – деди бирев* (ногъ.); 3) *Ама ызгы заманлар­да, биревлер мактап, биревлер яманлап, онын­г ку­ла­гын юрениш­ик этип кюр­йду* (ногъ.) – «Алай арт заманда бирев­ле махтап, бирев­ле аманлап, аны кюр­ла­гын юр­ен­чек этип кюр­йгъандыла»; 4) *Тур, кгарачы! Короого ким­дир бирё келди* (кыргъ.) – «Тур, кгарачы! Ар­баз­гъа ким эсе да келгенди»; 5) *Бириси гидерса, би­риси гелер* (гаг.) – «Бири кетсе, бири келир»; 6) *Кендижесине несе оннара сёз­ле­ди да, тез качты йулаф ичине* (гаг.) – «Ол алагъа кес­ле­ри­ча бир зат айтды да, терк окъуна зын­тхы ичине къачды».

5. Угъайлаучу алмашла

Бурунгу тюрк тил­леде бел­гисиз ал­маш­ла бол­магъан­ча, угъай­лаучу ал­маш­ла да бол­магъан­дыла. Угъай­лау э­тимни болуш­лугу бла берилгенди. Бусагъатдагъы тюрк тил­леде ал­лай ал­маш­ланы кюр­лукъ­ларын тюр­лю-тюр­лю сёз бир­ле­ше тол­турадыла. Сёз ючюн, татар тил­де был­лай сёз­ле тюр­бейди­ле: *хичкем* «киши да», *хич­ни* «не да», *биркем* «киши да», *бер­нере, берни* «бир зат да». Ала, *хеч* деген кесек­чик эм бир деген сёз кюр­шу­луп, *ким, не* деген ал­маш­ладан кюралгъандыла. Къарнай-малкъар, къарайм эм баш­ха тил­леде атны ал­машын­дырычу ал­маш­ла ал­лай со­ручу сёз­ле­ден да кесек­кини болуш­лугу бла кюралгъандыла: *ким да, киши да, не да* (къ.-малкъ.), *киши-де, немет (немеде)* (къар.).

Бир-бирде уа ала­эш деген кесек­кини болуш­лугу бла кюраладыла: *эш бирев* «киши да, бирев да», *эш*

ким «ким да, киши да» (ногъ.), *эч ким* «киши да», *эчтеме, эч неме* «бир зат да» (къыргъ.). Юлгюле: 1) *Эч ким келген жокъ* (къыргъ.) – «Киши да келмегенди»; 2) *Эч нерсе къойбодум* (къыргъ.) – «Бир зат да къоймадым»; 3) *Яратпадым эш биревди сендей этип* (ногъ.) – «Мен, сени суйгенимча, кишини да суймегенме»; 4) *Бизге бирев де бир зат та бермес, ингиттей болуп кюреспесек* (ногъ.) – «Бизге киши да жукъ берлик туйюлдо, батырлача кюрешмесек»; 5) *Эшким келеген емес* (къаз.) – «Киши да келмегенди»; 6) *Пир дее низи чогъыл* (хак.) – «Киши да жокъду»; 7) *Тайганыш амырын пир дее нима сайбабачанг* (хак.) – «Тайганыш шошлугъун бир зат да бузмай эди».

Была эм башха юлгюле кѣргюзтѣнне кѣре, атланы алмашындырыучу угъайлаучу алмаш сѣзле, сѣз бирлешле тюрк тилледе жаланда угъайлаучу айтымлада жюриюдюле. Хаулаучу айтымлада уа ала башха магъананы кѣргюзтедиле: 1) *Ата-анасын ким да сюеди*; 2) *Мында не да табылады*.

Биринчи айтымда *ким да* деген «адамланы барысы да» деген магъананы кѣргюзтеди. Экинчи юлгюде *не да* деген а «хар не да, битеу керекли затла» деген магъананы береди. Башхача айтсакъ, хаулаучу айтымлада быллай алмашла жыйышдырыу (обобщительный) магъананы кѣргюзтедиле. Аны эсге алып, бир-бир авторла алагъа жыйышдырыучу-угъайлаучу алмашла дейдиле (обобщительно-отрицательные местоимения) (Грамматика современного якутского языка. М., 1982: 208). Алай иги эс этип къарасаңг, башда келтирилген юлгюлени (аланы асламысыны) алыкъа сѣз болмагъанларын эслерге боллукъду.

II. СЫФАТЛАНЫ АЛМАШЫНДЫРЫУЧУ АЛМАШЛА

1. Кѣргюзтѣучю алмашла

Аллай алмашлагъа тюрк тилледе бу сѣзле саналадыла: *бу, ол, аллай, быллай* (къ.-малкъ.); *бул* «бу», *осы* «ол» (къаз.); *бо* «бу», *ол, ындыг* «аллай», *мындыг* «аллай» (тоф.); *бу, о* (аз.); *бу, шу* «бу» (уйгъ.); *бу, ол, сол* «ол», *мунав* «ма бу», *анав* «ма ол», *сосы* «ма бу», *мындай* «быллай», *ондай* «аллай» (ногъ.) *бу/бул, ушу/ушул* «бу», *ошо/ошол* «ол», *тиги/тигил* «ол, ма ол» (къыргъ.) д.а.к.

Быллай алмашла, сыфатлача, айтымны атдан къу-

теу, биягъы, бирси, башха, ёз; барлыкъ «битеу», бётен «битеу» (тат.); бар «битеу», гъар «хар», тигел «битеу, сау» (къар.); ар «хар», сав «сау» (ногъ.).

Бир-бир алимле алмашланы бу къауумуна *хар ким, бары (барысы)* деген сёзлени да кийиредиле. Ол терсди. Кертиди, хар тилни кесини энчилиги болады. Аны эсге алыргъа керекди. Сёз ючюн, *бары* деген сёз къараим эм татар тилдеде *бар ташлар* «битеу ташла» деген ча сёз тутушлада тюбейди. Къарачай-малкъар тилде уа *бар(ы)*, *хар ким* деген алмашла айтымда айгъакълаучуну къуллугъунда жюримейдиле. Тюрк тилени грамматикаларында ол эсге алынмагъанды.

Ачыкълаучу алмашлагъа кирген сёзлени тюрлениулеринде, айтымда жюрютюлюулеринде, синтаксис къуллукъларында уллу энчиликле бардыла. Сёз ючюн, *хар* деген сёз айтымны айгъакълаучусундан башха членлерини къуллукъларында келмейди. *Битеу, сау, ёз* деген сёзле да ол жаны бла жартыдыла. *Биягъы, бирси, башха* дегенле уа, кеслерини ачыкълагъан сёзлери болмасала, айтымда аны тюрлю-тюрлю членлерини къуллукъларын толтурадыла: 1) *Аны къой да, башханы ал;* 2) *Ол андан башхады;* 3) *Бери башхала да келликдиле.*

3. Соруучу алмашла

Бу къауумгъа бу сёзле киредиле: *къайсы, къаллай; къандай «къаллай» (ногъ.); къай, къайсы, нинди «къаллай» (тат.); къандай, къайсы (юзб.); нахили «къаллай», хайсы (тюркм.); къандагъ «къаллай», къайсы (уйгъ.); хайдагъ «къаллай», хайзы (хак.), къаллай, къайзы (шор) д.б.*

Бу соруучу сёзлеге айтымны айгъакълаучулары жууап боладыла: 1) *Марат къайсы китатны окъугъанды? – Аргъы китатны;* 2) *Сен къаллай адамланы жаратаса? – Огъурлу адамланы.*

4. Белгисиз алмашла

Былагъа *къайсы эсе да, къаллай эсе да; къандайдыр, къандайдыр бир «къаллай эсе да», кээ бир, къай бир, къайсы бир «къаллай эсе да» (къыргъ.)* дегенчала киредиле. Ала затны белгисиз шартын кёргюзтедиле: 1) *Къайсы эсе да бир адам арбазгъа кирди;* 2) *Ол анда къаллай эсе да бир адамгъа тюбеди.*

Болсада, былайда келтирилген юлголе сёзле тюрк тилде бурун жаратылгъан тамыр сёзле белгисиз алмашла болмагъанларын кёргюзтеди.

III. САНАУЛАНЫ АЛМАШЫНДЫРЫУЧУ АЛМАШЛА

Бери была киредиле: 1) соруучу алмашла: *ниче* «ненча», *ниченче* «ненчанчы», *ничашар* «ненчашар» (тат.); *неше* «ненча», *нешени* «ненчаны» (ног.); *начча*, *къанча* «ненча» (уйг.); *къанча*, *неча* «ненча», *нечанчи* «ненчанчы» (юзб.); *неше* «ненча», *къанша* «ненча» *нешинши* «ненчанчы» (къаз.); *неше* «ненча», *къанша* «ненча» (къ-къ.) д.б.

IV. СЁЗЛЕУЛЕНИ АЛМАШЫНДЫРЫУЧУ АЛМАШЛА

Башда айтылгъаныча, былагъа кёргюзтюучю эм соруучу сёзле киредиле: *былай*, *алай*; *къалай*, *къачан*, *къайда*, *къайдан* д.б.

Алай бла, алмашла кеслерини магъаналарына кёре, кеп тюрлю боладыла. Аны бла байламлы ала айтымда атланы, сыфатланы, санауланы, сёзлеулени алмашындырып жорюйдюле. Къуралыу жаны бла алмашла эки уллу къауумгъа юлешинедиле: 1) бурунгу тюрк тилде жаратылгъан тамыр сёзле, 2) арт кезиуледе къуралгъан сёзле эм алмашланы къуллукъларында жорюген тюрлю-тюрлю сёз бирлешле.

ТЮРК ТИЛЛЕДЕ БАЙЛАМЛА

Белгилисича, байламла, бош эм къош айтымлада кеслери байлагъан сёзлени бла айтымланы араларында къаллай байламлыкъ тохташдыргъанларына кёре, эки уллу къауумгъа юлешинедиле: 1) тенг жарашдырыучу байламла, 2) бойсундуруучу байламла. Тилни бирси болушлукъчу кесеклеринича, быланы да лексика магъаналары жокъдула, аны себепли айтымны члени болмайдыла. Кертиди: айтымгъа кийирилселе, анда сёзлени неда къош айтымны кесеклерини араларында тохташдырылгъан байламлыкълагъа кёре, ала магъана жаны бла талай къауумгъа юлешинедиле.

Сёз ючюн, тенг жарашдырыучу байламла быллай къауумлагъа юлешинедиле: 1) жалгъаучу байламла, 2) къар-

шылаучу байламла, 3) айырыучу байламла. Сёз бойсундуруучу байламланы юсюнден барса, «сылтаучу байламла», «шартчы байламла», «муратчы байламла» дегенча терминлени хайырланадыла.

Барыбыз да билгенликден, тюрк тилдеде аланы барысында да бирча жорюген сёзле бардыла. Ол ортакъ сёзлени араларында бурунгу тюрк тилдеде байламла бек аз болгъандыла. А. М. Щербак жазгъанга кёре, ала да этимчаладан къуралгъандыла (Щербак, 1987: 115). Ол затны эсге алып, бурунгу тюрк тилде байламла болмагъанга санаргъа болады, болсада бусагъатдагъы тюрк тиллени грамматикаларыны барысында да байламлагъа жораланган белюмлери бардыла. Алада келтирилген материалгъа къарасанг, бу затланы кёресе: тюрк тилдеде байламла эки къауумгъа юлешиндиле: а) ол тиллеге башха тилледен кирген байламла, б) ол тиллени кеслеринде жаратылгъан байламла.

Быланы биринчи къауумуна кирген байламла асламысында арап, фарс тилледен алынгандыла. Аллай алымала бирси тилледен эсе эски юзбек, эски азербайджан, эски тюрк тилдеде аслам тюбейдиле. Бир-бир тюрк тилдеде орус эм башха тилледен алынган байламла да жорюйдюле (Грамматика азербайджанского языка, 1971: 113; Покровская, 1964: 278; Мусаев, 1964: 321).

Тюрк тиллени кеслеринде жаратылгъан байламла, баям, ол тилле бир бирден айырылып, энчи айнып башлагъандан сора туугъандыла. Аны себепли байламланы бу къаууму ол тиллени энчиликлерин кёргюзтедиле. Башхача айтсакъ, бу байламла аланы хар биринде да башха-башха сёзледен къуралгъандыла. Аны себепли аланы биринде тюбеген байламла башхаларында бек аз тюбейдиле. Аны хатасындан бусагъатдагъы тюрк тилдедеги байламланы тенгleshдириу къыйын ишти. Аланы барысын да бирикдирген бир зат барды: ала арт кезиуледе тилни бирси кесеклерине кирген сёзлени тюрлю-тюрлю формаларындан жаратылгъандыла. Сёз ючюн, *деп* деген этимча шендюю тюрк тиллени бир-бирлеринде бойсундуруучу байламны къуллугъунда эркин жорюйдю. *Бир ... бир* деген байламны юсюнден да алай айтыргъа боллукъду. Бир-бир сёзле уа байламланы къуллукъларында энди жорюп башлагъандыла. Аны алайлыгъын кёргюзтюр ючюн, къарачай-малкъар тилде юлжюге *бирде ... бирде* дегенни алыргъа боллукъду. Ол бусагъатдагъы тилде айырыучу байламны къуллугъун тамамлай, болушлукъчу сёзлени «кёшошуна» энди кёче турады.

Быллай шартла тюрк тилледе байламланы тилни «жаш» кесеклеринден бири болгъанларын кѳргюзтедиле.

Тюрк тилледе байламла кѳуралуу жаны бла эки кѳауумгъа юлешиндиле: а) бош байламла, б) кѳош байламла.

Тюрк тилледе бош байламлагъа быллай сѳзле саналадыла: *да, бла, эм, ки, деп, бирокъ, же, не, эгер* д.б. Алада кѳош байламла эки эм андан да аслам сѳзден кѳуралгъандыла: *болсада, аны себепли, бир ... бир, андай болсо да, же болбосо, неге десенг* д.б.

Байламла тилде кѳуллукъларына кѳре да бир бирден башха боладыла. Аланы бир-бирлери бош айтымны членлерин да, кѳош айтымны кесеклерин да бир бирге байлайдыла. Быллай сѳзле тенг жарашдырыучу байламланы арасында тюбейдиле. Юлгюле: кѳ.-малкѳ.: *Ол сюрюде акъ эм кѳара кѳойла бардыла. Пулемѳчик ол кѳаты кѳабыргъаны сырты бла, жингириги бла тюрте эди эм бир-бирде анга кѳабыргъа тепгенча кѳроне эди*; кѳыргѳ.: *Малды да, жанды да, ёсюмдюктѳрдю да кѳар баскѳан* «Малны да, адамны да, битимлени да кѳар басхан эди»; кѳаз.: *Кюн де батты, тенгиз юстине кѳоргъасындай баскѳан ауыр бир туман кѳтерилди* «Кюн да батды, олсагъатдан тенгиз башын, кѳоргъашинча, ауур туман басды».

Жаланда кѳош айтымны кесеклерин байлап жүрюген сѳзлеге бойсундуруучу байламла киредиле. Бир-бир тенг жарашдырыучу байламла да жаланда кѳош айтымда тюбейдиле: кѳ.-малкѳ.: *Жингиригинги кѳабарса, алай кеч болур* (X. К.); кѳыргѳ. *Балдарын жоодон сакъламакѳчы болуп, кѳанаты менен жыланды чаап ѳттю, бирокъ аны жылан тоотподо* «Балаларын жаудан сакъларгъа кюреше, ол жилияны кѳанатлары бла урду, алай жилия анга эс бурмады».

Тенг жарашдырыучу байламла

Быллай байламла нечча тюрк тилде тюбегенлерине кѳре, талай кѳауумгъа юлешинирге боладыла: 1) жаланда бир тилде тюбеген байламла, 2) эки неда андан да аслам тилде тюбеген байламла, 3) талай тилде неда битеу тюрк тилледе тюбеген байламла.

Тенг жарашдырыучу байламланы бу кѳауумлары бош айтымны бир туудукъ членлерини неда тенг жарашхан кѳош айтымны кесеклерини араларында бир-

ча, бир бирге жууукъ неда бир бирден башха байламлыкъла тохташдырадыла. Аны себепли аланы бир бирлери бла тенгледширип тинтиу тынч иш туюлдо.

Кеслери бир бирге байлагъан сёзлени бла айтымланы араларында магъана жаны бла къаллай байламлыкъла тохташдыргъанларына кёре, тенг жарашдырыучу байламла юч къауумгъа юлешинедиле: 1) жалгъаучу байламла, 2) къаршылаучу байламла, 3) айырыучу байламла.

Жалгъаучу байламла: къ.-малкъ., къар., башк., къаз., къыргъ., гаг., тат. *да*;
къ.-малкъ. *эм*; гаг., тат., башк., аз. *хем*; къар. *гъем*;
юзб. *хам*;

къ.-малкъ. *бла*; алт. *ла*; къаз. *мен*; къум. *булан*;
юзб. *билан*; къыргъ. *менен*; аз. *ве*;

къ.-малкъ. *дагъыда*; къыргъ., къар. *дагъы*; башк.

тагъы, тат. *тагъын*;

къ.-малкъ., гаг., аз. *не ... не*; къаз. *жана (жене)*; башк. *ене*;

къ.-малкъ. *сора*; къаз. *сонан сонг*; къыргъ., къаз.

ары; алт., тув. *база*; хак. *паза*.

Юлгюле: 1) къ.-малкъ. *Багдатха да, Стамбулгъа да бардым. Ийнегим ажайшанды да, аны излейме*; къыргъ. *Мария, обонду созо-созо, кесени къолуна алды да, къымызды мелтиретип, Мыскалгъа сунду* «Мария, жырлай-жырлай, пияланы къолуна алды да Мыскалгъа узатды»; *Полктун составында къыргъыз да, казакъ да, ёзбек да, татар да, дунган да жана башкълар да бар эле*

«Полкда къыргъыз да, къазах да, юзбек да, татар да, дунган да эм башхала да бар эдиле»; къаз. *Абай осы кеште болган ёз халин бул тюнде да, эртегинде да тюзине алмай кетти* «Абай кеси ол заманда болган халин кече да, экинчи кюнню эртенлигинде да ангылаялмай къалды»; 2) тат. *Югарыда самолёт кюренде, хем барсы да окопларгъа яшеренделер*

«Кёкде самолёт кёрюндю эм барысы да окоплада букъдула»; гаг. *Къызлар хем гидармишлар, хем аалармышлар* «Къызла бара эдиле эм жилай эдиле»; аз. *Тамаша кёзел кечид. Хем фехлалар хем да акюрлар чох разы галдылар*

«Спектакль алаамат ётдю эм ишчиле бла актёрла ыразы болдула»; къар. *Да гъар кин эртеде гъем ингирде сагъынабыз* «Кюн сайын эртенликде эм ингирде сагъынабыз»; 3) къ.-малкъ. *Хасан бла Асан кёйчуладыла*; къаз. *Анда-санда апам мен Айдаш хат жазып турады*

«Бир-бирде анам бла Айдаш къагъыт жазадыла»; тоф. *Ат биле инек* «Ат бла ийнек»; *къум. Зенг урулду ва яшлар классгъа кирдилер* «Къонгуроу

зынгырдады эм жашла классха кирдиле»; ногъ. *Ер мен коьктинъ арасында* «Жер бла кёкню арасында»; 4) тат. *Озакгламый анда тоньк кына ут кабында, тагын берздан тимерге сугылган чюкеч тавышы ишетелде* «Кёп бармай, андан къарыусуз жарыкъ уруп башлады эм бир кесекден чёгючню темирге тийген тауушу эшитилди»; ногъ. *Таги да йыйып санады, дагы да бир ат етпейди* «Дагъыда жыйып санады, дагъыда бир ат жетмейди»; 5) къаз. *Къасым ёте адепти жане байсалды киси* «Къасым бек адепти эм тизгинли адамды»; къыргъ. *Бул киши ёзю аскраган жеринен минг бир жюз элюю центнер кызылча берди, жана андан кирген кирешени, биз санап чыкканда, нак жыйырма беш минг сомго айланды* «Бу адам къарагъан жеринден бир минг жюз элли центнер чюгюндюр бергенди, бизни эсебибизге кёре, андан жыйырма беш минг сом таза айда тыюгенди» д.б.

Къаршылаучу байламла. Была бош айтымны бир туудукъ членлерини неда тенг жарашхан къош айтымны кесеклерини араларында бир бирге ушамагъан, бир бирге къаршы келген байламлыкъла тохташдырадыла. Бирси байламланыча, быланы да бир-бирлери – талай тюрк тилде, бир-бирлери уа жаланда бир неда андан аслам тилде тубейдиле. Аланы бир къауумлары (*амма, лакин*) арап, фарс тилледен алынгандыла. Къалгъанлары тюрк тилдени кеслеринде жаратылгъандыла. Ол иш алада бусагъатда да бара турады.

А (уа) байлам талай тюрк тилде тубейди. Алай бу байламны хайырланыуда аланы бир-бирлеринде башхалыкъ барды. Аны алайлыгъын керюрючю, бу юлгюлени тенглендиригиз: 1) къ.-малкъ. *Мен – кгойчу, сен а жылкычыса*; 2) тюркм. *Заводда шейле ягдайлар болуп билмез. А оба хожалыгында?* «Заводда хал алай болургъа амалы жокъду. А эл мюлкде?»

Экинчи юлгюа байламны орус тилден алыннганына шагъатлыкъ этеди.

Ма энтта къаршылаучу байламланы къалай хайырланылгъанларын кергюзтген юлгюле: 1) ногъ. *Тосемен деген тiose берсин, а онунг ялгъыз яшагысы келеди* «Тюшеме деген тыюсюн, аны уа жангызлай жашарыгъы келеди»; 2) къыргъ. *Мына бул къара дарынен жарасына сюрт, а бул къызыл дарыны ичир* «Ма бу къара дарманны жарасына сюрт, а бу къызыл дарманны уа ичирген эт».

Лекин (лакин) «алай» байлам уйгъур, башкир, татар, азербайджан тилледе тубейди: 1) уйгъ. *Лекин*

Анджаннан барган адамларнинг ёзи айтып баридики «Болсада Андижандан келген адамла кеслери айтадыла»; 2) тат. *Фикеренг дёрес, лякин мясяляненг икенче ягын да онытмаска кирек* «Оюмунг тюздю, алай ол сорууну экинчи жанын да унутмазгъа керекди».

Къыргыз, къазах, уйгъур тилледе *бирокъ/биракъ* деген къаршылаучу байлам жорюйдю: 1) къыргъ. *Мен алардын бирине да макъл болбодум, бирокъ сен тууралуу да эчтеме айткъаным жокъ* «Мен бирине да хау демедим, болсада сени юсюнгден да абери айтмадым»; 2) къаз. *Танг алдында бир гъана сагъат мазгъыгъаны болмаса, Абай бул тюнди уйкъысыз ёткизди. Биракъ али талгъан жокъ* «Абай жаланда танг аласында бир сагъатха къалкъды. Болсада талмады»; 3) уйгъ. *Су кёп, биракъ ичшике болмайду* «Суу кёпдю, алай ичерге жарамайды».

Амма/эмма «алай» деген байлам да талай тюрк тилде, бир-бирде уа къарачай-малкъар тилде да хайырланылады: 1) тюркм. *Бу сынаг бирняче гезек гайталанды, амма пейда бермедиди* «Бу сынау бир нечча кере къайтарылды, алай файда бермедиди»; 2) тат. *Ул акрын, амма туктаусыз рьявшитя кюккя карап юл тотя* «Ол акъырын, болсада тохтаусуз, алгъа барады, кёкге къарай»; 3) ногъ. *Зекерья тислерин къыриылдатты, амма бир зат та айтпай, яри кетти* «Зекерия тишлерин къыжылдатды, алай абери айтмай, бир жанына кетди».

Бир-бир къоншу тюрк халкъланы тиллеринде бир-силеде болмагъан байламла тюбейдиле. Сёз ючюн, татар эм башкир тилледе *факет, тик* деген къаршылаучу байламла бардыла: башк. *Ул вакъыт Нина ёкълэй, фякят Иванов гъына уяу була* «Ол ууахтыда Нина жукълап болады, Иванов а къалкъймай турады».

Тюрк тиллени бир-бирлеринде этимни тюрлю-тюрлю формаларындан къуралгъан къаршылаучу байламла бардыла: 1) къ.-малкъ. *Мазан къартды, болсада алыкъа тириди*; 2) къыргъ. *Аз-аздан жигит кёнюё баштады, ошондой болсо да, чал аны ёте аяды* «Жаш бир кесек юйрене башлады, алай болсада къарт аны бек аяй эди»; 3) къаз. *Жамандык ойлап келеди олар, айтпесе сонша гъалтап, сонша неге къатты шауып келеди* «Ала бери аман акъыл бла келедиле, алай болмаса мыллыкларын бери аллай бир атарыкъ туююл эдиле».

Тюрк тиллени бир-бирлеринде, башдагъыладан тышында, *белки, тек (тик) вели, илля, алай, йёне* деген эм башха къаршылаучу байламла тюбейдиле: 1) башк. *Хыу ёте бысракъты йыуа, тик хьянатты гъына йыуа алмай* «Суу къаллай кирни да жууады, алай сат-

сунган к'ош айтымланы кесеклерин бир бирге байлар ючюн жюрютюледиле. Бурунну тюрк тилде «к'ош оюм» тюрлю-тюрлю айланчлы айтымланы болушлуклары бла берилгенди. Алада бойсундуруучу байламла болмаг'аныны баш сылтауу андады.

Бусаг'атдагы тюрк тилде бойсундуруучу байламланы к'уллукларында тюрлю-тюрлю сөз бирлешле (аны себепли, нек десенг д.б.), тилни бирси кесеклерине кирген сөзлени бир-бир формалары (себеби, деп д.б.) эм башха тилледен алынган байламла (эгер, ч'енки) жюрюйдюле. Аны алайдыг'ын былайда берилген таблицада ачык к'юрюге боллук'ду (анда байламла, к'арачай-малк'яр тилде к'ечюрюр онг болмаг'аны себепли, орус тилге к'ечюрюлгендиле).

№	Тюрк тилде	К'ыска дурлук байтывы
1	Башка р тил	эгер «өслив», с'ейви «өктому что, икел с'ине чего, ибю», г'ар а «ооты, ибю», ик'ык'ер «өктому»
2	Гагауз тил	Ани «что, ч'тобы» ки «отто», ани «өк'д», г'ар «өктому что», нечави «так как, потому что», ави, ки «оттобы», ерх'ер «өслив», сави «так будто»
3	Кыях тил	Ут'ивени «өктому что», себеби «өктому что»-не к'ави десене «ибю», сандыкта, соз «абетни «өктому», эгер, он да «өслив»
4	Кырым тил	ки «отто», эгер «өслив», бурун ювон «еди этого, потому», ави ювон «өктому что, дя тою ч'тобы», неливи (ва) «до тех пор по как, ки нечав «так тольк»»
5	Кырай-мак'яр тил	ди, ави себепли, атсебетни, нек десек, к'ави би десенг ави ювон, себеби, деп, ави
6	Кыргыз тил	эгер, эгерде «өслив»
7	Ног'ан тил	иже десе «өктому что», себеби «өктому что, так к'ию», эгер «өслив», сави «ювон «өктому», сави с'би «өктому, потому», сави мави «өктому», ави с'е «өк'е этого»
8	Татар тил	ч'еви «өктому что, ибю, так к'ию», эгер «өслив», г'р че «отто», г'юя г'юви «так как, будто, словно», к'ычи «отто с'ств» - ки «так ... что».
9	Тюрмен тил	эгер «өслив», ч'ави «так как, потому что», барды-генди «өслив», себеби «так к'ию», лави «өк'д», ави «от'д», э, во

Юлгюле: к'ырг'г. Эгерде сен бир ишке мак'ул болсонг, ошондой катты аласынг «Сен бир ишке хау десенг, алдай к'аг'ыт алдык'са»; к'ваз. Онынг аяг'ы гипсте болатын, сондыктан биз оны эзимизбен бирге алып жюре алмайтын болдык'» «Аны аяк'лары гипсте эдиле, аны себепли биз аны биргебизге алалмаг'ан эдик'».

Болсада, тюрк тилде бойсунган к'ош айтымны

кесеклерин байлар ючюн, байлам сёзле эркин жюрию-дюле: кь.-малкъ. *Ким жигер ишлесе да, махтауну ол алып*; тюркм. *Хачан ичи горландан сонг, ёйлерине гайдуп геллерди* «Къачан ач болса да, юйюне (ол заманда) къайтып келе эди».

Башда айтылгъан затла кёргюзтгеннге кёре, тюрк тилледе байламла тилни жаш кесеклеринден бирин кърайдыла.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА*

Основной задачей балкарских лингвистов, работающих в КБГУ, является подготовка учительских кадров для балкарских школ республики, повышение их квалификации. Для решения этой важной задачи они большое внимание уделяют повышению эффективности научно-исследовательской работы и созданию на этой основе учебников и учебных пособий по всем тюркологическим дисциплинам. Кроме того, члены кафедры балкарского языка и литературы КБГУ большое значение придают оказанию помощи общеобразовательной школе в составлении учебников и учебных пособий, а также в совершенствовании программ по родному языку и литературе.

По указанным причинам часть исследований членов кафедры носит сугубо научный характер. Другие же их работы представляют собой учебники и учебные пособия, предназначенные для студентов высшей школы и учащихся средней общеобразовательной школы.

Среди работ, имеющих прикладное значение, в первую очередь следует отметить учебные пособия «Синтаксис карачаево-балкарского языка», «Карачаево-балкарский язык. Конспект лекций», «Очерк лексики карачаево-балкарского языка в сравнительном освещении», «Балкарский язык. Синтаксис. Часть 2», написанные проф. И. Х. Ахматовым.

В первой из этих работ даются краткие теоретические сведения и методические указания по всем программным вопросам синтаксиса карачаево-балкарского языка. В книге особое внимание уделено показу существования среди исследователей противоречивых точек зрения на те или иные синтаксические явления, их критическо-

* Статья написана в соавторстве с С. М. Хуболовым.

му анализу. Учебное пособие отличается тем, что в методических указаниях, которыми снабжены почти все его разделы, приводится литература с указанием разделов, параграфов и страниц, изучение которой позволит студентам глубже усвоить программные вопросы и расширить свой кругозор. Пользуясь пособием, студенты будут вынуждены постоянно обращаться к указанной лингвистической литературе, что будет способствовать привитию им навыков самостоятельной работы.

Кроме того, в учебном пособии содержатся упражнения с различными заданиями проблемно-поискового характера и контрольные работы по синтаксису карачаево-балкарского языка.

Учебное пособие «Карачаево-балкарский язык. Конспект лекций» также предназначено для студентов. Оно представляет собой краткий очерк грамматического строя карачаево-балкарского языка. Читатель найдёт в нем общие сведения о специфике карачаево-балкарского алфавита, о составе фонем и диалектном членении языка карачаевцев и балкарцев. Центральное место в учебном пособии занимают краткие конспекты лекций, в которых освещаются вопросы о частях речи и их грамматических категориях. Особое внимание уделено в нем и словообразованию частей речи. В книге приводятся также сведения о видах связи слов в словосочетании и структурных особенностях основных синтаксических единиц.

Книга написана в популярной форме, поэтому ею могут пользоваться все, кто занимается самостоятельным изучением карачаево-балкарского языка, а также студенты всех педагогических специальностей КБГУ, которые посещают занятия по курсу «Современный карачаево-балкарский язык».

В последней из указанных работ определен состав лексики карачаево-балкарского языка. В нем освещены вопросы, связанные с выделением общетюркской лексики, арабо-персидских, русских заимствований и заимствований из соседних языков в карачаево-балкарском языке.

Данная работа, как и вышеуказанные исследования, имеет научное и практическое значение. Она может быть использована студентами при изучении курсов «История карачаево-балкарского языка» и «Сравнительная грамматика тюркских языков».

Учебник «Балкарский язык. Синтаксис. Часть 2» составлен для студентов педагогического колледжа

КБГУ. Появление такого учебника было крайне необходимым из-за полного отсутствия учебных пособий для учащихся вышеназванного учебного заведения. Учебник пользуется большим спросом, чем и объясняется его переиздание. В работе широко освещены все вопросы синтаксиса карачаево-балкарского языка. По каждой теме даются необходимые теоретические сведения, затем – письменные и устные упражнения, что способствует более глубокому усвоению теоретического материала. Этот же учебник широко используется в учебном процессе на отделении балкарского языка и литературы КБГУ. Кроме того, в конце учебника даются задания проблемного характера, что способствует выработке у студентов навыков для самостоятельной работы.

Большим подспорьем для учителей родного языка средних школ является пособие «Синтаксис балкарского языка. Уроки в 7–8 классах», написанное проф. И. Х. Ахматовым. Весь учебный материал разбит по урокам. Определены цель, задачи, ход каждого урока, приводится большой дидактический материал. Работа составлена с учетом новейших достижений синтаксической науки. Она значительно облегчит работу преподавателей средней школы.

Сотрудниками кафедры балкарского языка и литературы большое внимание уделяется оказанию помощи средней школе. Ежегодно они читают лекции учителям балкарского языка в ИПК КБГУ, проводят с ними семинары, круглые столы.

Проф. И. Х. Ахматовым составлена новая программа по балкарскому языку как для средней, так и для высшей школы. Он же является автором учебника для учащихся 8–9 классов, который выдержал 8 изданий.

Им же в соавторстве с проф. Ж. М. Гузеевым подготовлен «Фонд контрольных заданий по балкарскому языку», в котором разработаны 40 разных заданий по всем разделам языка. Они же являются составителями пособия «Правила орфографии и пунктуации», состоящего из двух разделов и приложения. В первом из них приводятся правила орфографии, во втором – правила пунктуации. Приложение составляет орфографический словарь, куда вошли наиболее употребительные слова и их формы, правописание которых вызывает затруднения.

Ж. М. Гузеев является автором учебника для учащихся 5 класса, а также ряда учебных и методических

пособий, таких, как «Современный карачаево-балкарский литературный язык. Часть 1» для студентов КБГУ, «Учебный орфографический словарь балкарского языка», «Учебный толковый словарь балкарского языка» и др.

По своему назначению к вышеуказанным работам примыкает сборник упражнений по морфологии карачаево-балкарского языка, опубликованный кандидатом филологических наук А. З. Толгуровой.

Среди научных исследований членов кафедры балкарского языка и литературы КБГУ особое место занимают научно-теоретические статьи, в которых осуществлен новый подход к решению ряда спорных в общетеоретическом плане вопросов, касающихся синтаксического строя тюркских языков. Так, в статье «Полипредикативные конструкции с субъектными оборотами в тюркских языках» (Советская тюркология. 1988. №2) рассматривается вопрос о синтаксическом статусе оборотов, в которых субъект, отличный от субъекта «основной части предложения», выражен словом в основном падеже. Этот вопрос является дискуссионным. Одни исследователи считают, что указанные обороты представляют собой придаточные предложения, и предложения, включающие в свой состав такие конструкции, относят к сложноподчиненным. При этом они исходят из учета семантики оборотов. Другие же лингвисты, ссылаясь на их формальные признаки (на отсутствие согласования стержневого слова с субъектной лексемой), считают, что указанные обороты выполняют функцию развернутого члена предложения. Опираясь на последние достижения современного языковедения и разбирая разнообразные структурные виды оборотов, стержневыми компонентами которых являются различные неличные формы глагола, определенные лексико-семантические группы прилагательных, слова *бар* «есть, имеется», *жокъ* «нет», *кён* «много», *аз* «мало», автор настоящей статьи показывает, что вышеуказанные концепции страдают определенными недостатками. В частности, в его работе достаточно убедительно показано, что в отдельных типах оборотов не все валентности их стержневых компонентов реализуются. Кроме того, в них порядок слов всегда бывает прямым. Интонационное выделение их компонентов невозможно.

Опираясь на такие и другие признаки субъектных оборотов, автор обосновывает концепцию, согласно ко-

торой эти конструкции обладают модальностью и предикативностью. Однако в сравнении с предложением у оборотов возможности передачи предикативности и модальности значительно ограничены. В этом отношении различные виды оборотов отличаются не только от предложения, но и друг от друга, что прежде не отмечалось лингвистами.

Таковы основные выводы проведенного исследования, которые подтверждаются фактами не только карачаево-балкарского, но и других тюркских языков.

В работе «Формально-семантический подход к языку и некоторые недостатки традиционной схемы описания синтаксического строя тюркских языков» выявляются недостатки традиционного метода описания тюркского простого предложения и намечаются пути их преодоления, что также является новым для современной тюркологии.

Новизной полученных данных отличается и работа И. Х. Ахматова «Косвенно-субъектные предложения в тюркских языках», построенная на материале карачаево-балкарского языка.

В традиционной тюркской филологии вопрос о выделении, систематизации и формально-семантическом анализе простых предложений с субъектом, выраженным не основным, а другими падежами, до сих пор продолжает оставаться малоизученным. Это объясняется тем, что ошибочно считают, что единственным средством выражения субъекта является основной падеж имени. Факты тюркских языков показывают, что в них в роли субъекта выступают все падежи самостоятельно или вместе с притяжательными аффиксами. Как показывают наблюдения автора, исключение составляет лишь исходный падеж.

Для таких предложений характерно то, что в них нет подлежащего, т.е. грамматическая их структура односоставна. С другой стороны, с семантической точки зрения в них четко выделяются оба основных компонента – субъект и предикат. В этом смысле они двусоставны. Несмотря на это, тюркологи, отдавая дань традиции, продолжают относить их к безличным предложениям. Однако, в отличие от безличных конструкций, в которых действие изображается в полной отрешенности от деятеля, в косвенно-субъектных конструкциях субъект является носителем предикативно выраженного признака.

Отличительная особенность рассматриваемых пред-

ложений проявляется не только в форме выражения субъекта, но и в характере формально-семантической структуры. В отличие от традиционно-выделяемых односоставных и двусоставных предложений, большинство косвенно-субъектных конструкций представляет собой синтаксически неразложимые комплексы слов. В некоторых из них наличествуют предикаты, выраженные личными формами глагола, за которыми следует какой-либо вершинный глагол или модальные слова, наречия, прилагательные. Личные формы глагола здесь часто имеют зависимые слова, вместе с которыми составляют обороты. Однако, в отличие от всех других случаев, в данных конструкциях эти обороты тюркологами как таковые не выделяются, в чем нельзя не видеть одно из противоречий традиционного членения предложения.

Косвенно-субъектные предложения отличаются сложностью связи и взаимосвязи слов. Как по образованию, так и по характеру формальной и смысловой структуры эти конструкции отличаются многообразием, что показано на следующих примерах:

1) предложения, в которых для выражения субъекта используются родительный падеж имени и притяжательный аффикс: а) *Мени жырларыгым келеди* «Мне хочется петь»; *Мени ары барлыгым келеди* «Мне хочется поехать туда»; *Мени жукжум келеди* «Мне хочется спать»; б) *Мени кёлюм бокъланды* «Меня тошнит»; *Мени кёлюм аман этеди* «Меня мутит»; в) *Мени ары барлыгым жокгду* «Я не пойду туда»; г) *Мени анга кёюм кгарайды* «Он мне нравится»; д) *Мени жаным кетди* «Я перепугался»; *Мени эсим ауду* «Я потерял сознание»; е) *Мен сени заводда ишлегенинги билеме* «Я знаю, что ты работаешь на заводе»;

2) предложения, в которых субъект выражен дательного-направительным падежом: а) *Манга школга барырга керекди* «Мне необходимо пойти в школу»; б) *Манга мында игиди* «Мне здесь хорошо»; в) *Манга безгек тийгенди* «Я заболел малярией»; г) *Аппа сабийлеге ишни суйдюрдю* «Дедушка сделал так, чтобы дети полюбили труд» и др.;

3) предложения, в которых субъект выражен винительным падежом: а) *Аслан сени кгууандырды* «Аслан обрадовал тебя»; *Ол мени санга кгычырды* «Он сделал так, чтобы я окликнул тебя» и т.п.;

4) предложения, в которых субъект выражен местным падежом: *Сенде уят жокгду* «У тебя нет совести»;

5) предложения, в которых субъект выражен последним сочетанием: *Мен сени бла жыггышдым* «Я поборолся с тобой»; *Ол мени бла ушакъ этеди* «Он беседует со мной» и т.п.

Кафедра карачаево-балкарского языка и литературы КБГУ в последние годы занята изучением проблемы «Формально-семантическая организация простого предложения в современном карачаево-балкарском языке». Её сотрудниками опубликовано множество научных статей и ряд монографий по названной теме.

Доцент кафедры М. Б. Кетенчиев занимается проблемами формально-семантического анализа именно предложения в карачаево-балкарском языке.

Структурно-семантическая организация именных предложений представляет большой интерес для исследователей. К тому же эта проблема в тюркском языкознании изучена слабо. Впервые она рассматривается в работах М. Б. Кетенчиева. На основе своих изысканий в 1992 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Формально-семантические модели именного предложения в современном карачаево-балкарском языке». Им опубликованы два учебных пособия, связанные с формально-семантическим анализом простого предложения: «Формально-семантические модели именных предложений в современном карачаево-балкарском языке. Конспект лекций» (1993), «Формально-семантический анализ именных предложений» (1996). Опубликовано им и монография «Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке» (2000), в которой рассматриваются основные вопросы теории именного предложения. Большое внимание в ней уделено системному и функциональному аспектам именных предикатов в карачаево-балкарском языке. Исследование выполнено с учетом достижений современной лингвистики, имеет направленность как на микромир, так и на макромир языка. Кроме того, в различных научных сборниках опубликован ряд статей, в которых рассматриваются спорные вопросы теории валентности, структура и семантика предложений с предикатами, выраженными именами существительными, именами прилагательными, наречиями и т.д. Благодаря этому собран богатый материал для чтения лекций и проведения практических занятий по специальным дисциплинам.

Формально-семантическому анализу простых предложений с предикатами движения в карачаево-балкар-

ском языке посвящена кандидатская диссертация А. Т. Додуевой, которая представляет собой органическую часть той большой исследовательской работы кафедры, которая направлена на выявление и формально-семантический анализ полного инвентаря моделей простого предложения современного карачаево-балкарского языка.

А. Т. Додуева в работе выявила лексико-семантическую группу глаголов движения в глагольной лексике карачаево-балкарского языка и определила набор семантических признаков, существенных для данных глаголов, установила конечный инвентарь формально-семантических моделей простых предложений с предикатами движения, описала формальную и семантическую структуры указанных синтаксических конструкций, установила системные отношения между структурами данного комплекса.

А. Т. Додуевой опубликован ряд статей и тезисов по названной теме, а также подготовлено к печати учебное пособие для студентов «Лексико-семантическая группа глаголов движения карачаево-балкарского языка».

Проблемами формально-семантического анализа фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке занимается доцент кафедры С. М. Хуболов. Данная проблема была совершенно не изученной в тюркологии. По этой теме им защищена кандидатская диссертация. В работе рассмотрена методология исследований в области синтаксической семантики, установлен полный список формально-семантических моделей одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке, описаны формальная и семантическая структуры этих конструкций на основе установления взаимодействия между их грамматической и семантической структурой.

По данной проблеме опубликованы учебное пособие «Карачаево-балкарская фразеология» и свыше 20 научных статей.

Старший преподаватель кафедры М. А. Ахматова занимается проблемой однокоренной синонимии в карачаево-балкарском языке, по которой она защитила кандидатскую диссертацию.

В работе выявлены отличительные черты однокоренных синонимов и смежных с ними явлений, установлены причины возникновения однокоренных синонимов, выявлены и рассмотрены лексико-грамматические ряды, структурно-морфологические типы и ряды однокоренных синонимов, определены семантические, сти-

листические и функциональные особенности однокоренных синонимов, проанализированы ряды однокоренных синонимов с точки зрения нормативности.

По данной теме подготовлено учебное пособие «Однокоренные синонимы и смежные с ними явления в карачаево-балкарском языке», а также опубликован ряд статей.

Преподаватель кафедры А. М. Мизиев занимается вопросами лексикализации грамматических форм слов в карачаево-балкарском языке. По этой теме им собран значительный теоретический и практический материал.

Как видно из вышеизложенного, диапазон проблем карачаево-балкарского языкознания, исследуемых на кафедре, весьма широк. Они актуальны не только для карачаево-балкарского, но и для всего тюркского языкознания.

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ БОЛУМНУ МАГЪАНА ЖАНЫ БЛА КЪАУУМЛАРЫ

Айтымны синтаксис жаны бла членлеу орта школда эм вузда улду жер алады. Болсада, къарачай-малкъар тилни синтаксисине жораланган ишледе ол жаны бла кемчиликке кѣпдюле. Аланы араларында болумну магъана жаны бла къауумларын айырыу бла байламлы кемчиликлени да белгилерге керекди. Сѣз ючюн, школ дерсликде болумла быллай къауумлагъа юлешинидиле: 1) орунчу болумла, 2) заманчы болумла, 3) сылтаучу болумла, 4) муратчы болумла, 5) халчы болумла (Ахматов, Жабоев, 1979, 14–18 §§). «Къарачай-малкъар тилни грамматикасында» (Нальчик, 1966), аладан тышында, мардачы болумла да кѣргюзюледиле.

Бирси тюрк тиллени синтаксислерине жораланган ишледе да хал алайды. Болсада, арт жыллада, башха тиллени материалларына кѣре жарашдырылып, басмадан талай энчи иш чыкъгъанды. Алада айтылгъаныча, беш-алтыгъа угъай, андан эсе кѣп къауумгъа юлешинирге боладыла.

Биз тийишдирген материаллагъа таянсанг, къарачай-малкъар тилде болумну магъана жаны бла быллай къауумлагъа юлеширге боллукъду:

1. З а м а н ч ы б о л у м айтымда бир тюрлю ишни неда шартны, халны заманын кѣргюзтеди: а) *Бы-йыл кѣши эртте келгенди*; б) *Мажир мында юч жыл ишлейди*; в) *Эрттенли мында туманлыды*.

2. Орунчу болум айтымда ишни къалайда этилгенин, бир затны къалайтын баргъанын, къайдан баргъанын, къайры баргъанын эм тюрлю-тюрлю шартланы орунларын кѳргюзтеди: а) *Хусей мында окъуйду*; в) *Ол жолну озуп барады*; в) *Анда сабийлеге зауукълуду*.

3. Муратчы болум айтымда ишни къаллай мурат бла этилгенин кѳргюзтеди: а) *Биз бери окъургъа келгенбиз*; б) *Ала бизге билим берир ючюн кюрешедиле*; в) *Аппам базаргъа ат алыр ючюн келген эди*; г) *Ала ары бош барадыла*.

4. Сылтаучу болум айтымда ишни неда бир тюрлю шартны сылтауун кѳргюзтеди: а) *Мен ачыудан кюлеме*; б) *Сабий ачдан жиялды*.

5. Ёлчемчи эм мардачы болумла айтымда ишни, халны неда шартны ёлчемин, мардасын кѳргюзтедиле: а) *Сенден эсе, анда Азиз кѳп ишлегенди*; б) *Атанг аны санга кѳп кере айтханды*; в) *Не къадар кѳп ишлесенг, аллай бир махталырса*.

6. Сансыланыучу болум. Айтымда иш къаллай болумну сансыз этип тамамлана эсе да, аллай болумгъа сансызланыучу болум дейбиз: а) *Башы аругъанлыкъгъа, Махай ишге кетди*; б) *Автобусуна кеч къалгъан эсе да, ол улду жарсымады*.

7. Шартчы болум айтымда ишни къаллай шартха таянып тамамланылгъанын кѳргюзтеди: а) *Сен аны манга билдирип, мен ары бармай къалмазма*; б) *Ахмат сизге келип, къоншуларынг аны кѳрмей къалмазла*.

8. Халчы болумла кеслерини ичлеринде талай къауумгъа юлешинедиле. Илму ишледе халчы болумлагъа саналгъанла да, магъана жаны бла, заманчы болумлача, талай тюрлю боладыла. Сѳз ючюн, *Биз мында къууанып ишлейбиз* деген айтымда *къууанып* деген сѳз башчы кѳргюзтген затны ишни къаллай халда болуп тамамлагъанын ачыкълайды. Аны себепли анга халчы болум деге болады.

9. *Атам бригадир болуп кѳнден бери ишлейди* эм *Атам бригадирликде кѳнден бери ишлейди* деген айтымлада *бригадир болуп, бригадирликде* дегенле адамны ишни къайсы къулдукъда тамамлагъанын кѳргюзтедиле. Аны себепли алагъа къулдукъчу болумла деге болады.

10. *Анда халкъ жарлылыкъда жашайды* деген айтымда *жарлылыкъда* деген сѳз ишни къаллай болумда этилгенин кѳргюзтеди. Аны себепли анга болумчу болум дейбиз.

11. Бир-бир болумла барыуну-келиуну къаллай ма-

дар бла болгъанларын белгилейдиле, аны себепли алагъа ма дарчы (а малчы) болумла дерге боллукъду.

12. Къ ара мчы болум адамны айтымда ишни, шартны болгъанына бла къалгъанына къаллай кёз бла къарагъанын кёргюзтеди: а) *Махмут ары сёз-сюзбарлыкъды*; б) *Махмут ары кертиси бла кетгенди*.

13. Биргечи болумла бир ненча адамны бир ишге бирге неда башха къатышханларын кёргюзтедиле: а) *Сен бла Харун школда бирге ишлейсиз*; б) *Харунну жашлары бир бирден башха жашайдыла*.

14. Тенг лешдириучю болум: *Биз бусагъатда да эрттеча ишлейбиз*.

15. Таянчакъчы болумла адамны ишни неге таянып, неге кёре тамамлагъанын кёргюзтедиле: *Биз таматала айтханнга кёре ишлерикбиз* д.б.

Болумланы магъана жаны бла быллай ууакъ къауумлагъа юлеше барсанг, ала мындан да кёп боладыла.

БАЛКАРСКИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Как известно, установление этимологии топонимических названий имеет исключительно большое значение для решения вопросов, связанных с историей народа, его языка, а также с территорией, которую он занимает или когда-либо занимал. Выяснение происхождения географических названий сейчас, когда повсеместно межнациональные отношения очень обострились, приобрело ещё большую актуальность. Соответственно, возросло значение работ, посвященных историко-этимологическому исследованию топонимов республики. Среди них особенно большое значение имеют фундаментальные исследования доктора филологических наук, профессора Дж. Н. Кокова (*Коков, Шахмураев, 1970; Коков, 1974*). Ценные сведения о топонимических названиях отдельных регионов Кабардино-Балкарской Республики содержатся в работах и других авторов (*Рототаев, 1969; Хаджилаев, 1970; Мизиев, 1978; Хабичев, 1982*).

В последнее время на страницах периодической печати много пишут о границах между Кабардой и Балкарией, появились люди, которые стремятся доказать, что их народ древнее, чем другие народы, и таким образом сеют вражду между жителями республики.

Некоторые ораторы позволяют себе использовать высокие трибуны митингов и съездов для того, чтобы доказать, что балкарский народ в прежние времена жил за г. Тырныаузом, т.е. там, где вечные снега и недоступные скалы. В этих целях авторы отдельных публикаций обращаются к выяснению этимологии географических названий и при этом часто доходят до абсурда (см.: *Асланурова*, 1991). Это вредно, поэтому показ происхождения топонимических названий отдельных регионов республики при нынешней ситуации действительно имеет большое значение.

Мы здесь ставим задачу показать этимологию основных топонимов предгорной зоны Кабардино-Балкарии, тюркское происхождение которых вряд ли может быть поставлено под сомнение. Этимология части этих географических названий достаточно убедительно показано в вышеуказанных работах. Например, проф. Дж. Н. Кокков совершенно прав, когда говорит, что топонимы Ташлы-Тала и Жемтала представляют собой карачаево-балкарские слова. В карачаево-балкарском и других тюркских языках слово *ташлы* обозначает «каменистый», *жем* – «корм, фураж» (Карачаево-балкарско-русский словарь (КБРС), 1989: 241; Киргизско-русский словарь (КРС), 1965: 247), а *тала* – «поляна».

Отсюда видно, что топоним *Ташлы-Тала* имеет значение «каменистая поляна», а слово *Жемтала* – «поляна, где добывают корм» (*Кокков, Шахмурзаев*, 1970: 65, 117). Ср.: *Оггары Жемтала* «Верхняя Жемтала», *Тёбен Жемтала* «Нижняя Жемтала», слова *оггары* «верхний» и *тёбен* «нижний» также являются исконно карачаево-балкарскими (КБРС: 426, 488).

Бабугент – название балкарского селения, расположенного у Голубых озёр, – «представляет собой сложное слово, состоящее из двух лексических единиц: 1) *баба* «дед, предок» (КБРС: 109), 2) *гент* «село, деревня, крепость, город, поселение». Топонимы с компонентом «гент» встречаются как на территории различных тюркоязычных суверенных государств (ср.: *Ташкент, Самарканд*), так и в древнетюркских письменных памятниках (ср.: *Йенги кенд* «Новый город» < *йенги* «новый» + *кенд* «город» (*Махпиров*, 1980; *Севортян*, 1980).

Всё это показывает, что топоним *Бабугент* также является термином балкарского происхождения и обозначает «село деда, село предков».

Къашихатау – название селения, расположенного ниже с. Бабугента на берегу р. Черема, а также горы

на левом берегу этой реки. Этот термин тоже состоит из двух простых по структуре слов: *к̄аиша* и *тау*. Это карачаево-балкарские слова. Они бытуют в современных тюркских языках, а также в древнетюркских письменных памятниках. Как в древнетюркском, так и в современном карачаево-балкарском языке первое из них обозначает «белое пятно на лбу животного», а в географической терминологии – «голое, не заросшее растительностью место, голец в горах» (Мурзаев, 1984: 266). Слово *тау* «гора» также является общетюркским и часто употребляется в образовании топонимов. Отсюда видно, что топоним *К̄аишатау* обозначает «лысая гора», «голая гора».

По этой модели образованы названия многих гор, населенных пунктов и других географических объектов, ср.: *К̄ырк̄ынтау* (назв. горы) < *к̄ырк̄ы* «сорок» + *тау* «гора» – «сорок гор», *Алатау* (назв. горы) < *ала* «пестрая» + *тау* «гора» – «пестрая гора», *Темиртау* (назв. города) < *темир* «железо» + *тау* «гора» – «железная гора» и т.п. (Мурзаев, 1984: 546, 547).

Аушигер – название горы по левому берегу р. Черек и селения под ней – представляет собой карачаево-балкарское сложное слово. Оно состоит из следующих простых балкарских слов: 1) *аууш* – производное слово, образованное с помощью аффикса *-уш* от глагола *ау* «перевалить через что-либо» (Кайдаров, 1986: 189). Это слово является многозначным и выражает такие значения, как «перевал, отвесно падающий склон, спуск, откос, пологий»; 2) *жер* – «земля, место». Следовательно, *Аушигер* (*Аууш жер*) – «пологое место; место, где можно перевалить через горы».

В современном кабардино-черкесском языке это слово не претерпело больших фонетических изменений: *Аушиджер* (*Аууш жер*).

Ак̄ь-Суу «Белая Речка» – название левого притока р. Нальчик и посёлка, расположенного на его берегу. Этот топоним встречается и в других районах Балкарии (Кокоев, Шахмурзаев, 1970: 29). Для обозначения географических объектов им пользуются в Башкирии, Горном Алтае, Казахстане и других тюркоязычных республиках (Гарилова, 1991: 58, 59).

Оба компонента этого составного термина являются балкарскими словами: *ак̄ь* «белый» + *суу* «вода, река» – *Ак̄ь-Суу* «Белая Речка».

Хасанья – название посёлка, расположенного на правом берегу р. Нальчик. Оно состоит из антропони-

ма *Хасан* и балкарского слова *уя* «гнездо, логово, село». *Хасания* (*Хасан уя*) обозначает «логово Хасана, село Хасана».

Барамта – прежнее название селения Вольный Аул. Этот термин встречается в таких тюркских языках, как карачаево-балкарский, киргизский, казахский, ногайский, каракалпакский, башкирский, кумыкский, алтайский (*Севортян, 1978: 72*). Он используется и в монгольском языке. Как известно, в силу объективных причин алтайские языки, к которым относятся тюркские и монгольские языки, содержат много лексических параллелей. Например, карачаево-балкарским и монгольским лексическим параллелям посвящено диссертационное исследование Х. И. Суюнчева (*Суюнчев, 1968*).

Среди таких лексических единиц много слов, которые встречаются не только в современных тюркских языках, но и в древнетюркских письменных памятниках. Слово *барамта* «баранта» также относится к древним лексическим единицам, которые бытуют в тюркских языках с алтайского периода их развития. Кабардинский язык заимствовал его у карачаево-балкарского языка. В кабардинском языке оно употребляется в значении «беглый раб, крепостной, бежавший от владельца без выкупа» (*Коков, 1974: 156*). В русском языке это слово употребляется в форме «баранта» и обозначает «самоуправная месть, состоящая в угоне скота, разорении аулов, грабежах» и т.д. (*Севортян, 1978: 73*). В языке карачаевцев и балкарцев этот термин обозначает «задержание, безвыходное положение чего-либо, место, откуда нельзя уехать в результате сложившегося безвыходного положения, место невольника», т. е. «невольный аул». Видимо, когда переименовывали село *Барамта*, имели всё это в виду и назвали его *Вольный Аул*.

Къабарты «Кабарда» – балкарское название части Кабардино-Балкарии, населённой преимущественно кабардинцами. Оно представляет собой сложное слово, состоящее из двух частей: 1) *Къабы* (*кгапы, кабаг, къабакъ, капыг*), встречающееся во многих тюркских языках, а также в древнетюркских письменных памятниках. Акад. А. Н. Кононов пишет, что в древнетюркских памятниках это слово имело значение «ворота, горный проход» (*Кононов, 1980: 102*). Авторы «Карачаево-балкарского словаря» выделяют следующие значения слова *къабакъ*: а) «селение, село, жилище, двор»; б) «ворота, створка, ставня, въезд (место)» и т.д.

Это слово в составе топонима *Къабарты* «Кабарда» употреблено как раз в значении «въезд» (место въезда, вход куда-либо). 2) *Арты* – «задняя сторона чего-либо; за; то, что находится за входом». Это слово в карачаево-балкарском и других тюркских языках относится к так называемым послеложным именам. Такие имена обычно принимают притяжательный аффикс, а иногда употребляются без него. В сочетании со словами, которые предшествуют им, послеложные имена нередко образуют сложные слова. Ср.: *юй* «дом» + *ал* «перед, передняя часть чего-либо» > *юй ал* «двор»; *жаз* «лето» + *башы* «начало, верхняя часть чего-либо» > *жаз башы* «весна»; *кюз* «лето» + *арты* «за, задняя часть чего-либо; за входом во что-либо» > *кюз арты* «осень» и т.п. *Тау* «гора» + *арты* «за» > *Тау Арты* «Загорье-Сванетия».

Топонимы, построенные по этой модели, встречаются и в других современных тюркоязычных регионах страны, а также в памятниках древнетюркской письменности, ср.: *муз* «лёд» + *арт* > *Музарт* – название одного из перевалов Алаутских гор (*Абдурахманов*, 1986: 27). *Къавакъ* «ворота, вход» + *арт* > *Къаварт* – название перевала, встречается в известном памятнике древнетюркской письменности XI века «Дивану Лугат-ит турк» (1967: 403).

Точно такую же структуру имеет топоним *Къабарты*. Ср.: *къабакъ* «место въезда в ущелье, горный проход» + *арты* «задняя часть чего-либо» > *Къабагарты* > *Къабарты* «земля, находящаяся за въездом в ущелье, в горы».

Во многих памятниках древнетюркской письменности и в таких современных тюркских языках, как турецкий, азербайджанский, туркменский, каракалпакский, ногайский, кумыкский, вместо слова *къабакъ* встречается его фонетический вариант *къапы* (*гъапу*). Ср.: *къапы* + *арты* > *Къапыарты* (*Къабарты*) (*Наджип*, 1979: 431).

О том, что такая этимология является научно обоснованной, аргументированно свидетельствуют вышеприведенные факты.

С помощью аффикса *-лы/-ли* от слова *Къабарты* образован этноним *къабартылы* «кабардинец». Ср.: *чегем* + *ли* – *чегемли* «чегемец, житель Чегема», *холам* + *лы* – *холамлы* «холамец, житель Холама» и т.д.

Нальчик – название речки и столицы Кабардино-Балкарии. По вопросу о происхождении этого топонима исследователи придерживаются различных точек

зрения. Полные сведения об этом приведены в исследованиях проф. Дж.Н. Кокова (см. указ. соч.).

По мнению одних исследователей, этот топоним состоит из персидского слова *нал* «подкова», заимствованного кабардино-черкесским и карачаево-балкарским языками, и тюркского уменьшительного аффикса *-чыкъ/-чик:нал* «подкова» + *-чыкъ* > *Нальчик* «подкова». Дж. Н. Коков отвергает эту точку зрения (Коков, Шахмурзаев, 1970: 102).

На наш взгляд, более убедительным является утверждение о том, что речка, на берегу которой находится столица Кабардино-Балкарии, была названа *Налчыкъ* – *нал* «подкова» + *чыкъ* «выпадать». В народе это объясняют тем, что животноводы спускались с гор и приезжали в кузницу, которая находилась в слободе и была расположена на месте нынешнего г. Нальчика. Название перешло и на слободу, где имелаась кузница. Слово *Налчыкъ* образовано по известной в тюркских языках модели. Оно состоит из имени существительного в основном падеже *нал* «подкова» и глагольной основы *чыкъ* «выпадать». Глагольный компонент таких сложных слов чаще встречается в форме причастия. Например, в Кустанайской области имеются нагорное пастбище *Кызкетген* букв. «девушка ушла», урочище *Арба келген* «место, где идет телега», *Шанакалган* «место, где остались сани» (Бектасова, 1989: 22, 23). Ср. также *Казансынгган* «место, где разбился котел», *Аюкгаишган* «место, откуда убежал медведь», *Итёлген* «место, где сохла собака», и др. (Махпиров, 1980; КБРС; Севортян, 1978).

Недавно, выступая на страницах местной газеты, А. Абдоков писал, что в карачаево-балкарском языке действует закон сингармонизма и поэтому разбираемое слово в этом языке никак не может иметь формант *-чик*. Однако это утверждение является глубоко ошибочным. Во-первых, в карачаево-балкарском языке, особенно в речи балкарцев, закон сингармонизма нарушается во многих словах, ср.: *бичакъ* «нож», *бишлакъ* «сыр», *хычин* «хичин» и т.д. Во-вторых, многие исконно карачаево-балкарские слова в языке балкарцев употребляются в русской транскрипции. Слово «Нальчик» тоже относится к ним.

Басхан, Вахсан – название реки и города на ее берегу. По вопросу об этимологии этого гидронима существуют также различные точки зрения. Проанализировав их, проф. Дж. Н. Коков приходит к выводу, что по

данному вопросу пока еще нет окончательного решения (Коков, 1974: 149).

Следует отметить, что все доводы отдельных авторов, стремящихся доказать, что этот гидроним по своему происхождению является адыгским, оказываются малоубедительными. Например, П. С. Рототаев считает, что этот термин состоит из черкесских слов *бахе* «пар, пена» и *сане* «вино, напиток, вода» и выражает значение «пенящаяся вода» (Рототаев, 1969: 27).

Как справедливо отмечает доктор филологических наук О. Т. Молчанова, слово «*баскан*» входит в список слов, составляющих тюркский топонимикон (Молчанова, 1982: 212). Сам топоним *Басхан* «Баксан» встречается не только в Кабардино-Балкарии, но и в других тюркоязычных регионах страны. Например, Э. М. Мурзаев пишет, что в Джунгарском Алатау имеются река и ущелье *Баскан* и гора *Баскантау*. Этот термин встречается в Талды-Курганской области (Мурзаев, 1984: 75), а также в Крыму (Бушаков, 1985: 28–37).

Все это достаточно убедительно свидетельствует о тюркском происхождении термина *Басхан/Баксан*.

По мнению одних ученых, этот термин-топоним является составным и включает в себя два слова: *бас/баш* «главный, большой» + *кган/хан* «река» > *Баскан/Басхан* «главная река» (Абдурахманов, 1986: 28; Мизиев, 1978: 36 и др.). Другие считают, что анализируемый топоним представляет собой причастную форму глагола *бас* «наводнить» (Хаджилаев, 1970). Причастие прошедшего времени в тюркских языках образуются с помощью аффикса *-хан* и его фонетических вариантов *-кган*, *-ган*, *-ген*; *бас+хан* > *басхан* «затопившая». В карачаево-балкарском языке р. Баксан называется *Басхан суу*, где *суу* – «река»; *Басхан суу* означает «затопившая река».

К аналогичному выводу приходит по данному вопросу и Э. М. Мурзаев. Он подчеркивает, что *Баскан* в тюркских языках обозначает «наводнение, половодье» (Мурзаев, 1984: 75).

В пользу данной этимологии говорит не только то, что она более полно характеризует реку Баксан, но и то, что в карачаево-балкарском и других тюркских языках причастные формы глагола имеют такую лексико-семантическую особенность, что очень часто лексикализируются и встречаются в роли топонимов. Ср.: *кгап* «кусать» + аффикс *-хан* > *кгапхан* > *капкан*; *туу* «родиться» + *-ыс* (залоговый аффикс глагола) + *-кган*

(аффикс причастия прошедшего времени) > *туыскан* «родня» (Абдурахманов, 1986: 28, 29) и т.д.

Встречается немало топонимов, образованных по указанной модели: *Къоргъан*, *Итёлген* (Мадиева, 1990: 8), *Баскан*, *Къуйгъан*, *Тююскен* (Абдурахманов, 1986: 28–30). К данному разделу можно отнести и гидроним *Къобан* < *къоп* «наводниться» + *хан* (аффикс причастия).

Кенже – название селения, расположенного недалеко от города Нальчика. До сих пор нет точной этимологии этого топонима. Анализ различных источников показывает, что слово *кенже* (*кенч*, *генже*) встречается в произведениях балкарского устного народного творчества, в памятниках древнетюркской письменности и во многих современных тюркских языках (*Севортян*, 1980: 20, 21; КРС: 373; Узбекско-русский словарь: 209; Ногайско-русский словарь: 16 и др.) и имеет такие значения: «последыш» (самый младший из детей), «поздний молодой» и др. В узбекском языке оно, кроме того, выполняет функцию собственного имени – имени мужчины.

Всё это показывает, что рассматриваемый топоним объясним на тюркской языковой основе и связан не со словом *шинжи* «колючка», как считают некоторые авторы, а со словом *кенже*, имеющим совершенно иные значения.

В рассматриваемой зоне Кабардино-Балкарии три села носят название *Къызбурун*. Происхождение этого топонима, как и терминов *Акъ-Суу*, *Ташлы-Тала*, *Жем-тала* и многих других, совершенно ясно тем, кто знает тюркские языки. Этот топоним состоит из двух балкарских слов: *къыз* «девушка» + *бурун* «нос» > *Къызбурун* «Девичий нос».

Здесь же имеются села *Чегем I* и *Чегем II*. Происхождению этого термина посвящена сравнительно большая литература, в которой по данному вопросу содержатся ценные сведения. Например, Дж. Н. Коков пишет, что *Чегем* состоит из слов *чек* «граница» + *гем/кем/кам* «река» > *Чегем* «пограничная река». В его работах приводятся такие топонимы, как *Чек дуркъу*, *Чек къулакъ*, которые встречаются в Балкарии. Ссылаясь на своих предшественников, он показывает, что, например, в Горно-Алтайской области имеются следующие топонимы: *Ара-Кам* (*Арагем*), *Баты-Кем* (*Байтыгем*), *Делюгем* и т.п. (Коков, 1974: 295). В работах Э. М. Мурзаева приводится еще большее число терминов с ком-

понентом *гем* (*кем, кам*). Он пишет: «Названий рек с элементом «кем» в Туве и на Алтае можно насчитать несколько сот» (*Мурзаев, 1984: 269*).

Первый компонент рассматриваемого гидронима *чек* «граница» представляет собой тюркское слово (КБРС: 730; КРС: 854, и др.) и нередко встречается в тюркской гидронимии (*Конкобаев, 1980:157; Умурзаков, 1988:195*). Как известно, конечные *к, кь* слова, «следуя за последним гласным и попадая в интервокальное положение на стыке слова и аффикса с начальным гласным, соответственно чередуются со звонкими *г, гь: челек* «ведро» – *челеги* «его ведро», *келек* «рубашка» – *келеги* «его рубашка», *кгулакь* «ухо» – *кгулагъынг* «твое ухо» (Грамматика карачаево-балкарского языка, 1976: 70); *чек* «граница» + *кем* «река» < *Чегем* «Пограничная река».

Такая этимология принята и авторами последних исследований, посвященных тюркской гидронимии (см., например: *Гарипова, 1991: 176*).

Чирик чёл «Голубое озеро» > *чирик* «гнилой» + *кёл* «озеро». Оба компонента этого гидронима являются карачаево-балкарскими словами.

Черек – название реки в Черекском районе Кабардино-Балкарской Республики. Этот гидроним происходит от балкарского слова *черек* «река», ср.: *Басхан черек* «река Баксан», *Чегем черек* «река Чегем», (*Кокков, Шахмурзаев, 1970*).

Лячинкгая – название села, расположенного у въезда в Чегемское ущелье. Этот термин состоит из двух карачаево-балкарских слов: *лячин* «сокол» + *кгая* «скала» < *Лячинкгая* «Соколиная скала». Ср. карачаево-балкарское *лячин* «сокол, коршун, кречет», древнетюркское *лачин* «сокол», ногайское *лашын* «сокол», узбекское *лочин* «сокол», и т.п. Второй элемент термина *Лячинкгая* «Лячинкай» также является балкарским словом. Оно бытует в тюркских языках и обозначает «скала, утес». Это слово активно используется в образовании топонимов (об этом подробнее см.: *Мурзаев, 1984: 267*).

Необходимо учесть, что у тюркских народов слово *лячин* «сокол» выступает в роли и личного собственного имени. В Чегемском ущелье имеется скала, называемая у балкарцев *Лячин кгая* «Скала Лячин», о которой в народе сложена легенда. *Лячин* – имя девушки, героини этой балкарской народной легенды.

Источники показывают, что тюркское слово *балыкь* в древнетюркском языке обозначало «город» (*Мурза-*

ев, 1984: 70). Дж. Н. Коков пишет, что на речке Кичмалка «Хан-Гирей отмечал древнее земляное укрепление...» (Коков, 1974:196). Трудно сказать, был там город когда-либо или нет, но факт то, что в современных тюркских языках слово *балыкъ* «рыба» и его производные активно участвуют в образовании топонимов (см., например, Гарипова: 1991: 64, 86, 92, 185). То же самое наблюдается и в карачаево-балкарском языке, ср.: *Балыкъ суу* «река Балыкъ», *Балыкъ башы* «Исток реки Балыкъ» (*балыкъ* «рыба» + *башы* «начало»); *Балыкъ аууш* «перевал Балыкъ» (*балыкъ* + *аууш* «перевал»); *Кичибалыкъ* – название реки и села: *кичи* «малый» + *балыкъ* «рыба» < *Кичибалыкъ* «Малая рыбная».

Куба-Таба – название села. В карачаево-балкарском языке *Къуба Тёбе* – «серый холм». Оба компонента этого термина можно встретить в отдельных тюркских языках. Например, слово *къуба* в кумыкском языке обозначает «сероватый, светло-жёлтый, бледно-бурый» (Кумыкско-русский словарь, 1969: 202), в карачаево-балкарском – «палевый», бледно-бурый (КБРС: 240), в киргизском – «белый, бледный, пепельного цвета» (КРС: 435) и т.д. Слово *тёбе* в тюркских языках обозначает «холм, курган, бугор, пригорок, макушка».

О научной достоверности предлагаемой этимологии свидетельствует рельеф этой местности и его внешние признаки. Ср. киргизские *Акъ-Дёбе* (букв. «белый холм», *Къара-Дёбе* (букв. «чёрный холм») с нашим *Къуба Тёбе* («серый холм») (см.: Конкобаев, 1980: 6). Позже это название приняло и здешнее село.

Приведенный перечень балкарских топонимов изучаемого региона является далеко не полным. Несмотря на это, он показывает, что здесь речь идёт не о каких-то случайных явлениях, а о стройной системе фактов, убедительно показывающих следы древнего расселения балкарцев.

Нам могут возразить, ссылаясь на то, что топонимы тюркского происхождения имеются в предгорной части и других соседних республик, например, Северной Осетии. Однако, неопровержимым является тот факт, что топонимов тюркского происхождения там гораздо меньше, чем в рассматриваемом районе Кабардино-Балкарии. Топонимы тюркского происхождения, которые встречаются на территории Северной Осетии, выявлялись и подвергались исследованию в докторской диссертации А. Дз. Цагаевой (см.: Цагаева, 1971: 145–155). Они фонетически усвоены осетинским язы-

ком и так сильно изменились, что их нам, представителям тюркоязычных народов, в большинстве случаев почти невозможно определить среди топонимической лексики Осетии. Это говорит о том, что «осетинские» топонимы тюркского происхождения – это следы наиболее древних соприкосновений тюркоязычных племен с предками осетин. Что же касается перечисленных выше топонимов, то почти все они легко осмысливаются балкарцами, и, как показывает приведенный материал, их тюркское происхождение убедительно подтверждается данными памятников древнетюркской письменности и современных тюркских языков. Некоторые из них (например, *Кенже*, *Басхан*, *Янкой*, *Лячин* и др.) встречаются и в других тюркоязычных регионах страны. Остальные по своей форме и содержанию идентичны топонимам этих регионов, ср. *Чегем* и *Карагем* (Абдурахманов, 1986: 29).

Правда, среди изучаемого пласта топонимов есть и такие, которые подверглись сильному фонетическому изменению и трудно выявляются. Их выявление и описание требует проведения большой исследовательской работы с привлечением богатого языкового материала. Ср., например, топоним *Лескен* – название реки и сел. Этот топоним представляет собой причастие на *-кен/ген* от тюркского глагола *илеш/илес* «зацепиться, прицепиться, приставать, прилипать» (см. КРС: 301; Узбекско-русский словарь: 174). Ср. производное от этого глагола *илешек/илешчек* «липкий, прилипчивый, цепкий» (см. там же). *Илеш* + *кен* < *Илешкен* (*Лескен*) «Прилипающая». Видимо, в силу объективных причин первоначально так называлась местность, затем – река, протекающая здесь. После это название получили и села: *Эски Илескен* «Старый Лескен», *Экинчи Илескен* «Второй Лескен», *Огъары Илескен* «Верхний Лескен».

Можно надеяться, что вышеизложенные факты помогут современным историкам глубоко задуматься о достоверности совершаемых ими в наши дни «великих открытий» в области установления границ между Кабардой и Балкарией. С их помощью начался процесс переименования географических объектов в республике. Балкарские топонимические названия из карт можно стереть, а из истории – никогда.

ЛИТЕРАТУРА

Абдурахманов А. Историко-этимологическое исследование топонимов Казахстана: Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1986.

Аблаков А. Словосочетания с управляющими именами в современном казахском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1966.

Аблаков А. Словосочетания, образованные способом управления в казахском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1987.

Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. Прага, 1973.

Адмони В. Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы//Вопросы языкознания. 1958. № 1.

Адмони В. Г. Синтаксическая семантика – это семантика синтаксических структур//Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции. М., 1976.

Алиев У. Б. Главные члены предложения в карачаево-балкарском языке//В помощь учителю балкарского языка. Нальчик, 1962. Вып. 4.

Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1972.

Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.

Алпаров Г. Сайланма хазметлар. Казань, 1945.

Альтман И. В. Исследование семантики трехчленных конструкций//Проблемы структурной лингвистики. 1976. М., 1978.

Аманжолов А. С. Глагольное управление в языке памятников тюркской письменности. М., 1969.

Амантурдыев Дж. Структурные типы сказуемого простого предложения в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965.

Анжиганова Л. П. Именные словосочетания в хакасском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.

- Апресян Ю. Д.* О сильном и слабом управлении//Вопросы языкознания. 1964. № 3.
- Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Арат Н. Н.* Об аспекте лексического наполнения структурной схемы предложения//Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
- Арат Н. Н.* Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976.
- Арат Н. Н.* Семантическая структура простого (одноставного) предложения: Текст лекций. Черновцы, 1974.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Асланурова А.* На пути к истине//Советская молодежь. 1991. 22 февраля.
- Ахманова О. С., Микаэлян П. Б.* Современные синтаксические теории. М., 1963.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Ахматланы И. Х.* Малкър тил. Синтаксис. 2-чи кесеги. Нальчик: Эльбрус, 1993.
- Ахматов И. Х.* Къарачай-малкър тилни синтаксиси. Нальчик, 1987.
- Ахматов И. Х.* Средства связи слов в словосочетаниях в карачаево-балкарском языке//Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1993.
- Ахматов И. Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1983.
- Ахмедов Дж. С.* Предикативы в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
- Бабайцева В. В.* Одноставные предложения в современном русском языке. М., 1968.
- Байрамкулов А. М.* Къарачай-малкър тилни синтаксиси. Черкесск, 1962.
- Балакаев М. Б.* Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957.
- Балакаев М. Б.* Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959.
- Баскаков Н. А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975.
- Баскаков Н. А.* Структура простого предложения в тюркских языках//Труды Института языка и литературы АН Кирг. ССР. Фрунзе, 1956. Вып. 6.

Басманова А. Г. Именные грамматические категории в современном французском языке. М., 1977.

Батманов И. А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940.

Бектасова Б. К. Топонимия Кустанайской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989.

Бектуров М. С. Русские безличные предложения и их эквиваленты в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1966.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

Болчурова Т. Об основных видах безличных предложений // Известия АН Кирг. ССР. 1971. № 3.

Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.

Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений // Вопросы языкознания. 1973. № 1.

Будагова З. И. Простое предложение в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1963.

Будайланы А. Ж., Жаболаны М. Т., Жарашыулары З. Къ., Созайланы Б. Т. Мақъар тилни грамматикасы: 6-7 клас-слатга дере китап. Нальчик: Эльбрус, 1993.

Булатова Л. Н. Нулевые единицы в языке // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984.

Булатова Л. Н. Способы грамматические // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. М., 1949.

Бушаков В. А. Термины, обозначающие селения и крепости в топонимии Крыма // Советская тюркология. 1985. № 2.

Величко А. В. К вопросу о соотношении одноместной, двухместной и трехместной моделей предложений // Филологические науки. 1973. № 3.

Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М. Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей // Советская тюркология. 1988. № 4.

Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1974.

- Гак В. Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1968.
- Ганиев Ф. А.* Аналитическая морфология тюркских языков: проблемы и задачи//Советская тюркология. 1979. № 1.
- Ганиев Ф. А.* Вопросы морфологии татарского языка. Казань, 1980.
- Гарипова Ф. Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991.
- Грамматика* азербайджанского языка. Баку, 1971.
- Грамматика* башкирского литературного языка. М., 1981.
- Грамматика* карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1976.
- Грамматика* киргизского литературного языка. Фрунзе: Илим, 1987.
- Грамматика* ногайского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973.
- Грамматика* русского языка. М., 1960.
- Грамматика* современного русского литературного языка. М., 1970.
- Грамматика* современного якутского языка. Фонетика и морфология. М., 1982.
- Грамматика* туркменского языка. Ч.1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970.
- Грамматика* хакасского языка. М., 1975.
- Грепль М. К.* К сущности типов предложений в славянских языках//Вопросы языкознания. 1967. № 3.
- Джаббар заде И. Х.* Падежи имен существительных в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1971.
- Джавадов А. М.* Безличные предложения в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.
- Джакубов И. Д.* Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Фрунзе, 1966.
- Джапаров А.* Главные члены предложения в киргизском языке. Фрунзе, 1964.
- Девону лугьют турк.* Индекс лугьят. Ташкент: Фан, 1967.
- Дмитриев Н. К.* Детали простого предложения//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Синтаксис. М., 1969.
- Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М., 1962.
- Додуева А. Т.* Формально-семантические модели простого

предложения с предикатами движения в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997.

Донидзе Г. И. Безличные предложения в хакасском языке. Абакан, 1957.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.

Закиев М. З. Сказуемое в современном татарском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1954.

Зарипов Р. Ф. Категория падежа в башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1971.

Зиннатуллина К. З. Залог глагола в современном татарском языке. Казань, 1969.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Золотова Г. А. О регулярных реализациях моделей предложения // Вопросы языкознания. 1969. № 1.

Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. 1967. № 3.

Золотова Г. А. О субъекте предложения в современном русском языке // Филологические науки. 1981. № 1.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Иванчикова Е. Л. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе // Вопросы языкознания. 1965. № 1.

Иноятов Т. Д. Основной и винительный падежи в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1973.

Казакбаев К. Система падежей имени существительного в немецком и туркменском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1969.

Казембек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839.

Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1986.

Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989.

Касевич В. Б., Храковский В. С. Конструкции с предикатными актантами // Категория глагола и структура предложения. Л., 1983.

Касевич В. Б., Храковский В. С. От пропозиции к семантике предложения // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.

Кацнельсон С. Д. О категории субъекта предложения// Универсалии и типологические исследования. М., 1974.

Кетенчиев М. Б. Формально-семантические модели именных предложений в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1993.

Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.

Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: Введение в методику порционного анализа. М., 1986.

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974.

Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974.

Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970.

Кокорина С. И. О необходимых компонентах реализации структурной схемы простого предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.

Конкобаев К. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1980.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980.

Корнилов Р. Е., Холодович В. С., Храковский А. А. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке// Типология каузативных конструкций. Л., 1969.

Костинский Ю. М. Подлежащее в родительном падеже// Русская речь. 1969. № 1.

Кубик М. К. К вопросу о классификации простого предложения в новой академической грамматике русского языка// СР, XVII. 1972. № 2.

Кумыкско-русский словарь/Под ред. З. З. Бамматова. М.: Советская энциклопедия, 1969.

Курамбаева Т. С. Выражение определенности и неопределенности в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1988.

Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.

Лесник М. Д. Один из вариантов слабого управления// Русский язык в школе. 1966. № 5.

Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.

Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения// НДВШ ФН. 1969. № 5.

Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.

Мадиева Г. Б. Гидронимия Восточного Казахстана. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990.

Мартьянова Е. П. Французские предлоги и их соответствия в русском языке. Харьков, 1964.

Махпиров В. У. Собственные имена в памятнике XI в. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.

Мизиев К. А. О топонимии Балкарии//Советская тюркология. 1978. № 2.

Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов. 1982.

Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.

Муждабаев М. М. Безлично-страдательные конструкции в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1963.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. М., 1964.

Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968.

Наджиб Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Книга 1. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1979.

Наджиб Э. Н. Ногайско-русский словарь/Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.

Нартыев Н. Строй сложного предложения в современном туркменском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1984.

Неустроев Н. Н. Безличные предложения в современном якутском языке. Якутск, 1972.

Низяева Г. Ф. Неопределенно-личные предложения в современном русском языке (семантико-грамматическая организация): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

Ногайско-русский словарь/Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. Руководство и изучение синтаксиса русского языка. М., 1912.

Орхоноенисейские тексты. Фрунзе: Илим, 1982.

Отаров И. М. Рец. на кн.: Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис//Советская тюркология. 1978. № 3.

Панов М. В. Аналитические и синтетические языки// Энциклопедия юного филолога. М., 1984.

Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Покровская Л. А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.

Почепцов Г. Г. Об обязательном и факультативном окружении// Вопросы языкознания. 1968. № 4.

Прик О. Я. Очерк грамматики караимского языка (Крымский диалект). Махачкала, 1976.

Пюрбеев Г. Ц. Синтаксис сложного предложения монгольских языков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983.

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Распопов И. Г. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.

Распопов И. Г. Строение простого предложения. М., 1970.

Расулов И. Р. Одноставные предложения в современном узбекском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1975.

Рзаев С. А. Семантические разряды глагола в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1970.

Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969.

Сагитов М. А. Структурно-семантические типы безличных предложений в современном татарском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1964.

Садвакасов Р. Язык уйгуров ферганской долины. Алмата, 1976.

Сарыев К. Словосочетания в туркменском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ашхабад, 1974.

Сафаев А. С. Второстепенные члены предложения в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1963.

Сафаев А. С. Исследования по синтаксису узбекского языка. Ташкент, 1968.

Светлик Я. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1970.

Севортян Э. В. Категория падежа// Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М., 1956.

Севертян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.

Севертян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980.

Сеидов Ю. М. Словосочетания в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1965.

Серебрянников Б. А. Номинация и проблема выбора// Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.

Серрээрар Н. Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.

Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.

Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962.

Современный русский язык/Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.

Современный русский язык/Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1984.

Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М.: Наука, 1969.

Современный татарский литературный язык. Синтаксис. Казань, 1971.

Соттаев А. Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.

Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978.

Структурный синтаксис английского языка. М., 1972.

Супрун А. В. Грамматика и семантика простого предложения (на материале испанского языка). М., 1977.

Сусов И. П. Формальные и семантические аспекты предложения//Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.

Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1968.

Тачмурадов Т. Категория принадлежности в современном туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1954.

Телякова В. М. Простое предложение в шорском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.

- Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1976.
- Типология* конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Топоркова И. А.* Нулевые показатели в морфологии и синтаксисе современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Тулапина Э. М.* Грамматическая и смысловая структура русских инфинитивных предложений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка. Новосибирск, 1991
- Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка: простое предложение. Новосибирск, 1995.
- Ульянова Т. Б.* К проблеме семантико-синтаксической организации предложения в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Узбекско-русский словарь*/Под ред. С. Ф. Акабиров, З. М. Магруфова, А. Т. Ходжаханова. М., 1959.
- Умурзаков С. У. и др.* Словарь географических названий Киргизской ССР. Фрунзе: Илим, 1988.
- Ураксин З. Г.* Фразеология башкирского языка. М., 1975.
- Урусбиев И. Х.* Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1964.
- Филоненко В. М.* Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940.
- Хабичев М. А.* К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1982.
- Хабичев М. А.* К структуре корней в урало-алтайских языках//Вопросы изучения языков и литератур народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1967.
- Хабичев М. А.* Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.
- Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
- Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962.
- Халилов Р. Ю.* Способы синтаксической связи слов в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1960.
- Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Холодович А. А.* Опыт теории подклассов слов//Вопросы языкознания. 1960. № 1.
- Холодович А. А.* Теоретические проблемы реципрока в

современном японском языке//Проблемы грамматического залога. Л., 1978.

Храковский В. С. Залог и рефлексив//Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

Храковский В. С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973.

Храковский В. С. Проблемы дореволюционной синтаксической теории: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.

Хуболов С. М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1997.

Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971.

Чеснокова Л. Д. О синтаксических единицах и синтаксических отношениях//Вопросы синтаксиса русского языка. Тамбов, 1973.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шведова Н. Ю. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис)//Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974.

Шведова Н. Ю. Построение раздела «Синтаксис простого предложения»//Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966.

Шведова Н. Ю. Структурные схемы и их регулярные реализации//Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Шведова Н. Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения?//Вопросы языкознания. 1968. № 2.

Шведова Н. Ю. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм//Проблемы современной филологии. М., 1965.

Шендельс Е. И. Имплицитность в грамматике//Проблемы синтаксической семантики. М., 1976.

Шмелева Т. В. О семантике структурной схемы предложения//Известия АН СССР. (Сер. лит. и яз.) Т. 37. 1978. № 4.

Щербак А. М. К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания//Советская тюркология. 1972. № 4.

Щербак А. М. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения//Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречие, служебные части речи, образительные слова). Л., 1987.

Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984.

Юлдашев А. А. Принципы выделения и трактовка категории залога в башкирском языке // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.

Юрченко В. С. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Аз. – азербайджан тилде	А. Т. – А. Тепеев
Алт. – алтай тилде	Б. Г. – Б. Гуртуев
Башк. – башкир тилде	Б. Гул. – Б. Гуляев
Гаг. – гагаууз тилде	Ж. З. – Ж. Залиханов
Къаз. – къазах тилде	Ж. Т. – Ж. Токумаев
Къар. – къараим тилде	З. Т. – З. Толгуров
Къ-къ. – къаракъшалъкъ тилде	К. ж. – «Коммунизмге жол» (газета)
Къ.-малкъ. – къарачай-мал- къар тилде	Л. байр. – «Ленини байра- гъы» (газета)
Къум. – къумукъ тилде	Посл. – Пословица
Къыргъ. – къыргъыз тилде	С. Ш. – С. Шахмурзаев
Ногъ. – ногъай тилде	Х. А. – Х. Аппаев
Тат. – татар тилде	Х. К. – Х. Кадиев
Тоф. – тофалар тилде	Ш. – «Шуёхлукъ» (альманах)
Тув. – тува тилде	
Тюркм. – тюркмен тилде	
Уйгъ. – уйгъур тилде	
Хак. – хакас тилде	
Юзб. – юзбек тилде	

ВКЛАД И. Х. АХМАТОВА В СИНТАКСИЧЕСКУЮ НАУКУ

Мне выпала большая честь оппонировать докторскую диссертацию И. Х. Ахматова «Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке», которую он блестяще защитил на заседании самого авторитетного совета – совета Института языкознания АН СССР в конце октября 1980 года.

Я знаком со многими работами Ибрагима Хашимовича. Но, как мне кажется, его докторская диссертация является основной его работой. Такого основательного исследования по структурно-семантическим моделям тюркского простого предложения, как я знаю, пока нет ни в одном из тюркских языков. Несмотря на то, что прошло уже более 20 лет после защиты, диссертация И. Х. Ахматова является непревзойденной работой в тюркологии.

В своих синтаксических исследованиях я в какой-то степени коснулся этой проблемы, но для того, чтобы иметь полное описание структурно-семантических моделей простого предложения татарского языка, я лишь в последние годы начал давать своим аспирантам темы по этой проблеме. И они начали серьезно изучать труды И. Х. Ахматова.

Чем же привлекают внимание тюркологов исследования Ибрагима Хашимовича по структурно-семантическим моделям простого предложения карачаево-балкарского языка?

Если окинуть взором историю изучения синтаксического строя языков, то мы обнаружим, что раньше были попытки исследования предложения с разных позиций. Было время, когда ученые не различали формы и содержания предложения; когда же поняли, что форма – это не содержание, началось изучение содержания в отрыве от формы и формы – от содержания. В результате появились, с одной стороны, универсальные семантические грамматики и, с другой – формальные грамматики с формальным синтаксисом. Но это продолжалось недолго. Вскоре поняли, что фор-

ма неотделима от содержания. Ученые начали различать два подхода к проблеме изучения синтаксической структуры предложения: формальный подход предполагает изучение синтаксической структуры от формы к семантике, а семантический – от семантики к форме. При первом подходе раскрывается семантика каждой формы, при втором – классифицируются формы каждой синтаксической семантики.

В 70-х годах XX в. синтаксическую структуру предложения интенсивно начали изучать с точки зрения ее семантики, не забывая при этом и о ее формальных особенностях.

Докторская диссертация И. Х. Ахматова представляет собой первую тюркологическую работу в этом новом, вернее, обновленном, направлении изучения структуры предложения. Поэтому она вызывает у читателя особый интерес.

Монография Ибрагима Хашимовича «Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке» состоит из следующих шести глав:

- 1) Теоретические вопросы семантического анализа простого предложения.
- 2) Основные вопросы изучения грамматической структуры предложения.
- 3) Одноместные структурно-семантические типы моделей глагольных предложений.
- 4) Двухместные структурно-семантические типы моделей глагольных предложений.
- 5) Трехместные структурно-семантические типы моделей предложения.
- 6) Структурно-семантические модели безличных предложений.

Уже перечисление названий глав показывает, что основные проблемы семантической структуры простого предложения автором охвачены. Внимательное изучение этих глав позволяет заключить: эта работа – не простое повторение идей старой семантической школы, не возвращение к универсальным логико-семантическим грамматикам, – она представляет более высокий, современный уровень ее развития, является наглядным примером спиралеобразного развития процесса познания. Семантическое направление в синтаксисе в настоящее время лишь набирает темпы. Повидимому, оно будет развиваться до тех пор, пока собственно грамматическое направление, основанное на понимании диалектического единства грамматической формы и грам-

матического значения, не поднимется на следующую, более высокую ступень развития. Интенсивному развитию семантического направления способствует еще и то, что оно сейчас очень модно в западной лингвистике.

В своих синтаксических исследованиях И. Х. Ахматов особое внимание обращает на раскрытие лексико-семантических значений синтаксических членов предложения. Например, при определении разновидностей семантического предиката, субъекта, объекта, конкретизатора и атрибута автор часто исходит из лексического значения слова, которым выражается тот или иной компонент, иногда из лексического значения другого соседствующего слова, которое находится в каком-нибудь отношении с данным компонентом.

Например, все 23 разновидности предиката определены исходя из лексического значения слова, выступающего в роли сказуемого. Вот некоторые из них: 1) предикат действия: *Къурулушчула юй ишлейдиле* «Строители строят дом»; 2) предикат движения: *Поезд Москвага барады* «Поезд идет в Москву»; 3) предикат восприятия: *Окъуучула айны кѳредиле* «Ученики видят луну»; 4) предикат речи: *Бинна манга жомакъ айтады* «Бабушка рассказывает мне сказку»; 5) предикат мышления: *Анасы сабийлерини юсюнден сагъыш этеди* «Мать думает о своих детях»; 6) предикат процесса: *Жел урады, жауун жауады* «Дует ветер, идет дождь», и т.д. Разновидности же субъекта и объекта определены исходя из лексического значения сказуемого, например, субъект действия, субъект движения, субъект восприятия и т.д.; объект действия, объект восприятия и т.д. Так, Ибрагим Хашимович от изучения общего смысла предложения незаметно переходит к исследованию конкретного его содержания как по вертикали, так и по горизонтали. По вертикали он еще не до конца определил свое взаимоотношение с логикой и традиционно-грамматическим синтаксисом; по горизонтали – свое учение еще не приспособил к изучению словосочетаний, сложных предложений, сложных синтаксических целых и текстов. Все указанные замечания относятся к первой главе.

К положительным сторонам этой главы можно отнести то, что здесь дается обзор имеющейся литературы, посвященной вопросам синтаксической семантики, и на основе этого показывается, что синтаксическая семантика еще только формирует круг теоретических понятий и методические приемы анализа. Во взглядах исследователей на эти поня-

тия много расхождений, поэтому автор здесь подробно рассматривает ряд важных вопросов, решение которых необходимо для семантического анализа предложения.

Все эти вопросы решаются автором с учетом достижений современной лингвистики и на основе анализа обширного языкового материала. Основные выводы, к которым он приходит, рассматривая указанные спорные вопросы, научно обоснованы и убедительны. Так, в диссертации и других его работах показано, что в формировании семантических компонентов определяющую роль играют несколько факторов: 1) специфика синтаксической позиции в структурной схеме, 2) категориально-лексическое наполнение этой позиции и 3) взаимодействие лексической и синтаксической семантики. Семантический компонент предложения рассматривается как смысловой элемент семантической структуры предложения, возникающий в результате взаимодействия лексической и грамматической семантики и отражающий какое-либо явление реальной действительности, представленное как обобщенный тип множества аналогичных одиночных явлений.

Основным для семантического описания предложения является понятие семантического типа предложения. Семантические типы предложения устанавливаются в диссертации на основе комплекса критериев: а) общей семантики, б) специфики предиката, в) характера семантических компонентов и отношений между ними, и др.

Необходимо отметить, что все указанные вопросы специально ставятся и решаются на материале одного из тюркских языков впервые в его научных изысканиях.

То же самое можно сказать и о вопросах, связанных с выделением формально-семантических моделей простого предложения и выработкой способа записи моделей.

Теория моделей стала одной из центральных тем синтаксиса. Моделированию предложения посвящено большое количество работ. Анализируя их, И. Х. Ахматов показывает, что в понимании структурной схемы или модели предложения в современном языкознании утвердились два основных направления. При определении модели внимание одних лингвистов обращено к формальному строению предложения как предикативной единицы, а внимание других – к информативной достаточности предложения. Исследования И. Х. Ахматова показали, что в карачаево-балкарском, как и в других тюркских языках, ни выявление моделей предложения, ни установление способности этих моделей к

самостоятельному функционированию невозможны без понимания под моделью ее номинативного минимума.

Для выделения моделей автор опирается на понятие структурной обязательности и структурной факультативности элементов предложения. Как и многие другие лингвисты, для установления присущих языку моделей он исходит из валентных свойств сказуемой лексемы. Вместе с тем диссертант на многочисленных фактах показывает, что включение в состав модели предложения того или иного слова как необходимого ее элемента в отдельных случаях предопределяется не валентными свойствами предикатной лексемы, а другими факторами, например, характером структуры предложения, спецификой способа формального выражения семантического компонента предложения и др.

Исходя из указанных принципов, И. Х. Ахматов изучает компоненты предложения не только в их отношении друг к другу, как это делается в тюркологических исследованиях, но и в их отношении к предложению. Такой подход позволяет ему делить члены предложения на две группы: 1) моделиобразующие члены предложения и 2) члены предложения, не участвующие в образовании моделей, т.е., по принятой терминологии, конструктивные и неконструктивные. В монографии «Структурно-семантические модели простого предложения» дается перечень моделиобразующих элементов предложения.

Основной задачей данной работы является установление конечного списка моделей предложения, в основном глагольного. Поэтому в ней ставится и вопрос о способах записи моделей предложения. Здесь решается проблема взаимодействия формы и содержания в простом тюркском предложении. Для глубокого изучения взаимодействия этих сторон предложения к ним применен расчлененный подход: предложение рассматривается как такая синтаксическая единица, которая имеет как формальную, так и семантическую структуру. Поэтому в символической записи модели, которая предложена в диссертации, находят отражение формальная и смысловая структуры предложения. Это позволило диссертанту в краткой форме наглядно показать в символической записи асимметрию языкового знака, семантическое качество каждого формального члена предложения и всей формальной структуры, соотношения формальной и семантической структуры предложения. Предложенный способ записи модели удобен еще и тем, что он позволяет видеть, что одна и та же синтаксическая схема

(модель), в зависимости от характера лексического наполнения синтаксических мест, может служить для выражения нескольких типов семантических структур.

В последующем на основе изложенных принципов и методов анализа выявляются и описываются формально-семантические модели простого предложения. Описание проводится в направлении от формы к содержанию. Классификация формально-семантических моделей предложения начинается с установления структурных схем. При выделении их автор исходит из валентных свойств сказуемой лексемы. В качестве таких лексем приводятся все залоговые формы глагола. Выявленные автором на основе анализа обширного материала, извлеченного из различных источников, структурные схемы (или формальные модели) оказываются одно-, двух-, трех- и более местными.

В работах И. Х. Ахматова далее на необходимом научно-теоретическом уровне изучается лексическое наполнение синтаксических позиций, выделенных формальных структур. Лексическое наполнение позиций структурных схем анализируется здесь с учетом семантических свойств не отдельных слов, а целых классов слов. Это позволило установить, какие классы слов могут заполнить синтаксические позиции схем. А это, в свою очередь, дало ему возможность показать, что структурные схемы могут быть разделены с этой точки зрения на следующие две группы: 1) схемы, синтаксические позиции которых наполняются только лексикой определенного лексического состава и 2) схемы с относительно свободным лексическим наполнением отдельных позиций. Глубокое изучение лексического наполнения синтаксических позиций моделей показало, что некоторая часть формальных структур служит для выражения одного или двух семантических типов предложения. Большинство же из формальных конструкций в зависимости от характера лексического наполнения синтаксических позиций способно выразить большое количество типов семантических конструкций.

Основными для формально-семантического анализа предложения являются следующие понятия: «семантический компонент предложения», «структурная (формальная) схема предложения», «семантический тип предложения», «семантическая структура предложения», «общая семантика предложения» и т.д. В работах И. Х. Ахматова все эти понятия определены с учетом последних достижений лингвистики. Здесь установлен набор моделирующих элемен-

тов предложения, показаны различные виды асимметрии формального и смыслового планов предложений. В результате этого создана стройная теория, которая применена в диссертации для структурно-семантического анализа простого предложения карачаево-балкарского языка.

В результате проведенных исследований решены и другие важные вопросы тюркской грамматики. Например, дана классификация глаголов по их валентным свойствам; уточнена классификация глаголов по их семантическим признакам.

Работы Ибрагима Хашимовича Ахматова с точки зрения семантического синтаксиса имеют большое теоретическое значение.

В практическом отношении они оказались весьма полезными при составлении вузовских и школьных учебников карачаево-балкарского языка. Труды И. Х. Ахматова представляют собой новое направление не только в карачаево-балкарской лингвистике, но и в тюркологии в целом.

М. З. ЗАКИЕВ, доктор филологических наук, профессор, академик АНТ, заслуженный деятель науки Республики Татарстан и Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. З. Улаков, М. Б. Кетенчиев</i> Лингвистическое наследие профессора И. Х. Ахматова	3
---	---

ЧАСТЬ I

Проблема определения видов подчинительной связи слов в словосочетании и предложении в современной тюркологии	10
Средства связи слов в словосочетаниях в карачаево-балкарском языке	20
Формальные схемы именных словосочетаний в карачаево-балкарском языке	32
Формально-семантический подход к языку и некоторые недостатки традиционной схемы описания синтаксического строя тюркских языков	39
Проблема моделирования простого предложения в карачаево-балкарском языке	45
Одноместные формально-семантические модели глагольного предложения в карачаево-балкарском языке	66
Модели предложения с компонентами, репрезентируемыми послеложными сочетаниями	81
Об определении безличности предложения в карачаево-балкарском языке	98
Образование безличных предложений в карачаево-балкарском языке	107
Формально-семантические модели безличных предложений в тюркских языках	116
Основные структурные схемы глагольных безличных предложений в современном карачаево-балкарском языке	138
Выражение субъекта в тюркских языках	145
Формально-семантический анализ косвенно-субъектных предложений в тюркских языках	158
Включающие и включенные предикаты в структуре безличных предложений карачаево-балкарского языка	168
Полипредикативные конструкции с субъектными оборотами в тюркских языках	172
Къарачай-малкъар тилде байламсыз бойсунган къош айтымла	183
	279

ЧАСТЬ II

Ат	190
Об основных теоретических вопросах выделения падежей имени существительного в современном карачаево-балкарском языке	202
Тюрк тилдеде алмашла	218
Тюрк тилдеде байламла	231
Основные направления в изучении карачаево-балкарского языка	239
Къарачай-малкъар тилде болумну магъана жаны бла къауумлары	247
Балкарские топонимические названия предгорной зоны Кабардино-Балкарии	249
<i>Литература</i>	260
<i>Список принятых сокращений</i>	271
М. З. Закиев. Вклад И. Х. Ахматова в синтаксическую науку	272

ISBN 576802087-X

9 78 576 8 02 087 3

Научное издание

Ахматов Ибрагим Хашимович

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

СТАТЬИ

На русском и балкарском языках

Редактор А. Т. Додуева
Художник-редактор Ю. М. Алиев
Технический редактор Н. М. Мокаева
Корректор Л. Б. Кучмезова
Компьютерная верстка М. С. Хульчаевой

Лицензия ИД 05895 от 21.09.01. Подписано к печати 29.05.06. Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная №1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 14,97. Тираж 300 экз. Заказ № 78. ГП КБР «Издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года» Министерства культуры и информационных коммуникаций КБР

Нальчик, пр. Ленина, 33

